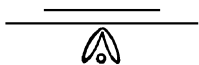

Н. ГЕРАСИМОВЪ.

НИРВАНА и СПАСЕНИЕ

УПАНИШАДЫ.—ЙОГА.—БУДДИЗМЪ.—
ДЖАЙНЫ.—ВИШНУИЗМЪ.—РЕЛИГИЯ
ЛЮБВИ.—МИСТЕРИИ.—ЕГИПЕТЪ и ВА-
ВИЛОНЪ.—ОРФИЗМЪ.—ИЗИДА и ГЕР-
МЕТИЗМЪ.—РЕЛИГИЯ ЗОРОАСТРА.—
ВЪРА МИТРЫ.—ЕССЕИ и ГНОСТИКИ.—
ТЕ ДЕУМ.

МОСКВА.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Упанишады.	5
Йога.	33
Буддизмъ.	49
Джайны.	91
Вишнуизмъ.	101
Религія любви.	123
Мистеріи.	134
Египеть и Вавилонъ.	150
Орфизмъ.	160
Изида и Герметизмъ.	167
Религія Зороастра.	184
Вѣра Митры.	196
Ессеи и Гностики.	204
Te Deum.	226

УПАНИШАДЫ.

Упанишады, древній источникъ всей дальнѣйшей мысли Индіи, составляли вторую, философскую часть ведійской религіи. Творенія, обычно называемыя «Гимнами Веды», даютъ собраніе молитвъ древней арійской вѣры, священныхъ призываній, нравственныхъ заповѣдей и религіозныхъ завѣтовъ, литургійныхъ изреченій, мистическихъ заклинаній и гимновъ въ собственномъ смыслѣ, воспѣвающихъ въ торжественныхъ строфахъ величіе и божественность мірозданія. Мы ошиблись бы, думая встрѣтиться въ этихъ памятникахъ съ «первоначальными», наивнодѣтскими религіозными чувствами и идеями. Даже въ старѣйшихъ гимнахъ видимъ все тѣ же, знакомыя цивилизованному свѣту,—философскую жажду познанія тайны міра и человѣка, теплыя молитвы живой и чистой любви, страданья совѣсти, страстное исканіе вѣчной нетлѣнной жизни. Въ самомъ многобожьи Ведъ, въ сказочномъ пантеонѣ боговъ, несущихъ образъ и подобию человѣка, все же ясно сквозитъ идея безконечныхъ силъ единой божественной сущности, доступныхъ атрибутовъ того недоступнаго, невѣдомаго Божества, *«истиннаго имени котораго никто не знаетъ изъ смертныхъ»*.

Всѣ Веды проникнуты глубокимъ молитвеннымъ чувствомъ. «Грѣхи, совершенные нами, вѣдомые и не-

вѣдомые, отыми отъ насъ, Боже, возлюби насъ, спаси отъ нихъ, о Варуна» (Р.-В., 5, 85, 8.) Грѣхъ, по ведійскимъ понятіямъ, является и нравственнымъ преступленіемъ, и преступленіемъ противъ божественной воли, давшей заповѣди доброй и праведной жизни. «Законы твои мы, въ немощи людской, день за днемъ преступали, но не отдай насъ, о Варуна, въ добычу смерти, не сокруши въ гнѣвъ своемъ... О, Варуна, святъ законъ твой! явись среди народа твоего, премудрый, возсядь на престолъ міра...» Съ образомъ Индры связана въ гимнахъ идея добраго провидѣнія, милостиваго къ людямъ, скорого на помощь; какъ добрый отецъ къ дѣтямъ, Индра обратилъ къ міру свое сердце. «Индра, другъ нашъ, сохранить и утѣшить... Непостижны пути воздаяній, неистощима милость, никогда не оставитъ, добрый, безъ защиты... Други, воспойте псалмы, вознесите хвалы ему; молитесь, ибо онъ нашъ великій заступникъ...»

Въ образъ Агни, божественнаго Свѣта, «рождающагося на дровѣхъ» ради людей, чтобы дать имъ тепло и свѣтъ, и «умирающаго» въ угасающемъ пламени, встрѣчаемся съ древнѣйшей идеей Божества, посредника межъ небомъ и землей, воплощенія небесной милости и любви. Агни свѣтлый сынъ Бога-Солнца, дитя небесъ и покровитель людского міра; «среди облаковъ небесныхъ» онъ сверкаетъ, «какъ молнія», онъ—божественный цѣлитель, спасающій живое (Р.-В. X, 16, 6) и оживляющій мертвое (60) «Агни, святое пламя! въ огненныхъ языкахъ ты встаешь на алтаряхъ нашихъ и насъ очищаешь. Сердце жертвы! ты къ небесамъ несешь наши молитвы... О, Агни, укажи намъ путь правый... Удержи отъ кривыхъ путей зла, приносимъ хвалу тебѣ...» Огонь, среди глубокой ночной темноты вспыхнувшій на жерт-

венникѣ, встрѣчали восторженнымъ возгласомъ: «Свѣтъ узрѣли во мракѣ, обрѣли великаго Бога...»

Въ ведійскомъ культѣ имѣлъ особенное значеніе «напитокъ безсмертія», божественное Сома. Среди таинственныхъ дѣйствій и молитвъ, мистическое питіе Сома проливалось какъ бы реальную «каплю безсмертія» въ духъ и плоть человѣка. «Гдѣ свѣтъ не угасаетъ, гдѣ Солнце царить, въ тотъ міръ введи меня... Гдѣ радость, блаженство, гдѣ исполняются сладкія желанья, въ томъ мірѣ, о Сома, дай мнѣ безсмертье». Вкушая Сомы, вѣрующій пріобщается къ безсмертной сущности бытія, къ его тайной божественной субстанции. Сома не только мистическое «питіе», какъ въ восточныхъ мистеріяхъ, или божественная кровь въ мистеріяхъ Діониса, но въ немъ тайно присутствуетъ само живое божество жизни и безсмертія, цѣлящее и спасающее людской родъ. «Сома, дай нашему тѣлу исцѣленіе, разрѣши отъ содѣянныхъ золь, которыя тѣло наше связали узами (6, 74). Сомы испили, безсмертнаго пріобщились, свѣтъ осѣнилъ насъ... Что сдѣлаетъ намъ отнынѣ вражда, что намъ злоба смертныхъ, о безсмертный! (8, 48) Сома, творящій непостижное чудо, онъ, побѣдитель, нагого покрываетъ одеждой, исцѣляетъ больного, слѣпому даетъ зрѣніе. (8, 79) О, святая Капля! будь благодатна сердцу, продли мою жизнь, о Сома! Съ благодареніемъ испиваемъ мы питіе, милостью твоей да будетъ намъ на цѣленье, о, владыка-Сома. Твои мы, вспомяни насъ. Не отдай насъ въ руки враговъ. Болѣзнь и немощь оставили насъ, ибо возсталъ въ насъ Сома, сильный возсталъ! Капля, въ наше сердце пролившаяся, *безсмертная въ смертное*, да будетъ намъ твоей милостью и любовью. (8, 48) Въ чемъ согрѣшили мы очами, или мыслью, или словами, бодрствуя

или во снѣ, Сома силою своей спасетъ насъ». (А.-В. 6, 96.)

Ученіе Упанишадъ о Духѣ-Богѣ и центральная идея почти всѣхъ позднѣйшихъ религій Индіи: «боги—имена и образы силъ Единого Божества», имѣютъ корни въ древнѣйшей ведійской мысли. «Индрой называютъ, Митрой, Варунсой, Небомъ зовутъ и Дивно-Крылатымъ,—Его, кто есть Единный, называютъ многими именами... Тогда не было ни жизни, ни смерти, ни ночи, ни дня; дышало Единое, ничѣмъ не движимое, и не было иного, кромѣ Него... Онъ, отецъ нашъ, зрящій всѣхъ существъ, и богамъ давшій ихъ имена; къ нему, единому, вопрошаютъ всѣ существа...» Ученіе о спасеніи въ Упанишاداхъ и религіяхъ связано съ вѣрою Ведъ, литургическія дѣйствія которыхъ имѣли цѣлью мистическое очищеніе, «спасеніе» души и загробное безсмертіе, сладкую жизнь въ небесномъ царствѣ. «Гдѣ свѣтитъ свѣтъ незакатный, того безсмертнаго міра я жажду, о Сома... Къ блаженству идемъ мы путемъ тяжкимъ... Добрые помыслы да осѣнятъ насъ, чистые, мирные, да будетъ святое храненіе на насъ день и ночь...» Сохранившій незыпятаннымъ свой духъ возвращается по смерти въ родныя небеса. «Небо—отецъ, земля—наша мать». Нравственное ученіе Ведъ раздѣляетъ вѣковѣчныя заповѣди доброй и чистой жизни. «Все видитъ великій владыка міра. Ты думаешь, дѣлаешь въ тайнѣ,—онъ видитъ... Тотъ благъ, кто даетъ просящему, милостивъ къ скорбному... Жадный находитъ въ своихъ богатствахъ смерть. Никто не любитъ его, одиноко живетъ, будетъ одинокъ и въ дни горя... Кто, имѣя пищу, алчущаго, молящаго о хлѣбѣ, встрѣчаетъ съ жестокомъ сердцемъ, тотъ и самъ не встрѣтитъ милосердія...» Вѣра каждого народа составляетъ его

лучшую, идеальную душу. Умственный и нравственный характер Индій выросъ и развился въ нѣдрахъ ея древней вѣры. Творцы позднѣйшихъ системъ, при всей глубинѣ и широтѣ новыхъ идей, не теряютъ сознанія своей связи съ древнимъ писаніемъ, и даже современные рационалисты, проповѣдники «чистой религіи», относятся къ Ведамъ съ искреннимъ благоговѣніемъ. Благородный духъ Ведъ, проникшій умственную атмосферу Индіи, можетъ быть выражень характеристикой того нравственного міросозерцанія, которое неизмѣнно сопутствуетъ всѣмъ туземнымъ религіямъ и философскимъ системамъ, и вполне заслуживаетъ поэтому имени традиціоннаго культурнаго міросозерцанія Индіи. Въ обширной брахманской литературѣ оно выразилось всюду съ равной глубиной и поэзіей. Грустный мотивъ «плача за человечество» смягчается вѣрой въ лучшую безтѣлесную жизнь за гранями этого міра, безскорбную небесную долю, а нѣжная религіозная любовь и участіе преобразуетъ острое, больное чувство всемірнаго страданія въ тихую «святую печаль» о мірѣ. Съ той небесной высоты, гдѣ живетъ сердце мудрыхъ, они смотрятъ на нашъ шумный, суетной міръ кроткимъ взоромъ сожалѣнія и участія, а ихъ любовь учитъ людей находить въ высшей духовности свободу отъ обманчивыхъ прелестей жизни. «И нектаромъ и ядомъ напоенъ земной міръ. Росинка, дрожащая на листкѣ лотоса, наша краткая жизнь. Мимолетна жизнь, обманчива, какъ отблескъ мѣсяца въ переливахъ волны. Привѣтствуйте восходящее солнце и съ благодарнымъ сердцемъ взирайте на закатъ, не печалься при мысли, что жизнь стала короче. Вмѣстѣ плывутъ въ великомъ морѣ, случайно столкнувшись, двѣ щепки; короткое время плывутъ, пока потокъ не ото-

рветъ другъ отъ друга; такъ жена и дѣти, родные и близкіе, богатства—все приходитъ и все отходить, а тебѣ ихъ потеря кажется неожиданной. Ненасытенъ огонь, сжигая груды дровъ, ненасытно море, безъ конца поглащая рѣчныя воды,—ненасытнѣе смерть, поглащая все. Нѣтъ вѣрнаго счастья на свѣтѣ; все наше счастье—увы, только меньшее изъ несчастій. Пробудитесь, о люди! стряхните мечты безумнаго сна! безъ отдыха падаютъ сѣкиры, подрубая корни (т.-е. уменьшая дни нашей жизни); прислушайтесь,— *зоветъ вѣчность*. Сегодня ли, завтра ли, отъ заботъ, или недуговъ увянетъ твое тѣло; зачѣмъ такъ жадно спѣшишь усладить его? Едва проснется человѣкъ, поднимаются блѣдныя заботы: придетъ ли сегодня болѣзнь, или горе сердцу, или смерть? и безъ конца томятъ заботы и страхи. Здѣсь довѣриемъ дарятъ плутовъ, Индра милостиво расточаетъ дожди на бесплодныя каменныя горы, алчный осыпанъ золотомъ. Даже злодѣя почитаютъ люди, если богатъ; на бѣдняка же, будь чистъ какъ мѣсяцъ, сыпятся насмѣшки и порицанія. Человѣка въ несчастіѣ и капля дождя бьетъ, какъ камень». Слѣдуетъ отмѣтить въ брахманской морали идею нравственнаго значенія земныхъ страданій: «Только впадая въ бѣду, злой смягчается сердцемъ. Огонь разгорается вновь, когда шевелятъ головни, змѣя поднимаетъ голову, если на нее наступишь, и въ людяхъ нерѣдко только подъ жестокимъ ударомъ судьбы воскресаетъ прежняя сила. Друга испытываешь въ бѣдѣ, жену въ бѣдности, честнаго въ долгахъ, благороднаго въ страданіяхъ». Очень рѣдко, но все же встрѣчается и мотивъ фатализма, въ разрѣзъ съ общимъ духомъ Индіи: «Никто не умретъ раньше своего времени, хотя бы сотни стрѣлъ пронзили его тѣло; когда же наступитъ срокъ, умираетъ даже

отъ укола острой травы. Не какъ пастырь стадо, не жезломъ пасуть боги людей, но кому хотять дать защиту, того надѣляютъ провидящимъ разумомъ. Не какъ враги, воспламененные яростью, не съ мечомъ въ рукѣ караютъ боги, но кому судили казнь, того лишаютъ разума и предвидѣнія». Всегда съ особенной яркостью проходитъ мысль о возмездіи, какъ неминуемыхъ плодахъ нашихъ поступковъ: «Горькіе плоды ты растишь себѣ на древѣ своихъ грѣховъ. Что *твое* на свѣтѣ? только твои добрыя и злыя дѣла. Самое малое добро, которое ты сдѣлалъ, не изгладится, какъ черта, вырѣзанная на гранитѣ. Кто на добро отвѣчаетъ зломъ, самъ караетъ себя: зола, брошенная противъ вѣтра, падаетъ обратно на голову бросившаго. Въ самомъ себѣ пойми своего друга, въ самомъ себѣ и врага».

Возвышенныя идеи древнихъ мудрецовъ Индіи никогда не потеряютъ своего обаянія и значенія, говоря съ удивительной силой всегда прямо къ сердцу человѣка. «Въ томъ, что ты такъ неукрашенъ, о нищій мудрецъ, среди обильныхъ сокровищъ и богатствъ міра, твое лучшее украшеніе. И радость и страданія гибнуть, только добро зрѣетъ для вѣчности; одно духовное бессмертно, обратись къ нему всею душой и найдешь миръ. Смиранные и правдивые, добрые и кроткіе идутъ небеснымъ путемъ. Лучше чѣмъ жадно гнаться за богатствомъ, собирать для добрыхъ дѣлъ; но еще выше быть чистымъ, отрекшись отъ богатства, какъ омывшись отъ праха. Глупецъ, отягощенный богатствомъ! что смѣешься надъ человѣкомъ въ бѣдствіи? не постоянно счастье, взгляни на черпаки въ колесѣ колодца: полное пустѣетъ, пустое наполняется. Безумцы, собирая медъ надъ обрывомъ, не видите бездны. Ты думаешь: я одинъ,

а не знаешь, что внемлет *Мудрый Старецъ* въ глубинѣ твоего сердца, и предъ нимъ, зрящимъ злое, ты творишь грѣхи! Если и нектаромъ будешь поливать ядовитое дерево, оно не принесетъ цѣлебныхъ плодовъ; почтенный и саномъ и величїемъ, злой останется злымъ. Жадный, ослѣпленный грѣшной любовью, томимый ненавистью, твое сердце не лежитъ къ добру; даже исполняя должное, ты лицемѣришь. Достоинъ хвалы изучившій Писанія, но выше тотъ, кто живетъ по нимъ. И чтущій святыя Писанія, злой остается злымъ. На одной чашѣ вѣсовъ тысячи жертвъ, на другой правда; и вотъ, легко поднимаются жертвы, глубоко опускается чаша правды. Будь другомъ несчастныхъ и бѣдныхъ,—больнымъ, а не здоровымъ нужна помощь. Жизнь дорога человѣку, но дорога и всѣмъ существамъ; по себѣ пойми и другихъ, будь сострадательнъ. Злому глазу примѣтенъ каждый грѣхъ ближняго, даже меньше горчичнаго сѣмени, на свои же грѣхи онъ слѣпъ. Побѣждай скупца щедростью, лжеца правдой, злого добромъ. Добрые помнятъ добро и забываютъ зло. Высшее благо—кротость. За обиды не мсти, и на тѣхъ, кто сдѣлалъ тебѣ зло, зла не помни. Пусть обижаютъ тебя, ты же никому не причиняй страданія. И низшихъ себя, и равныхъ и высшихъ прощай, когда порочать тебя, бранять, заушаютъ,—и войдешь на блаженный путь. Добрые сострадательны даже къ недостойнымъ ни жалости, ни состраданья. Благородный радуется счастью всѣхъ существъ. Не ищи славы, похвалъ. Ложась въ постель, спроси себя: что сдѣлалъ хорошаго сегодня? и подумай: заходящее солнце унесло съ собой невозвратно часть моей жизни. Вотъ слово, вмѣстившее всѣ ученія: не дѣлай другимъ, чего не желаешь себѣ. Только дурные люди порицаютъ недостатки и пороки дру-

гихъ, благородный видить однѣ ихъ добрыя стороны. Дорожи правдой, не забывай долгъ предъ небомъ и праотцами, чти отца и мать, наставника чти и гостя. Совершай дѣла непостыдныя, иныхъ избѣгая; образъ жизни избери добрѣйшій; *съ вѣрою твори милостыню, твори съ лаской, стыдливо, съ трепетомъ въ душѣ и любовью.* Даже врагу, вступившему въ твой домъ, окажи гостепріимство; развѣ дерево прячетъ свою тѣнь, если даже подходитъ человѣкъ, готовый срубить его. «Вотъ чужой, а вотъ близкій, родной», такъ расцѣниваетъ людей мелкій духомъ; очагъ же мудраго для всѣхъ—свой. И въ хижину парія проливаетъ мѣсяць небесный свой чистый свѣтъ. Какъ искусный скоморохъ безвредно ходитъ между ножами, такъ и ты ходи среди неправды міра. Каждая рѣчь твоя да будетъ полна истины, полна справедливости, полна любви. Дорожи счастьемъ всѣхъ существъ». Чрезвычайно трогательна резиньяція мудреца, возлюбившаго истину выше личнаго счастья, больше самой жизни. «У пчелы научился я отказываться отъ желаній: съ такимъ трудомъ она собираетъ медъ, а другой уноситъ его и въ награду даетъ ей нерѣдко смерть. Какъ сандалъ наполняетъ своимъ благоуханіемъ даже топоръ, который его рубитъ, такъ мудрый воздаетъ добромъ и злѣйшимъ врагамъ. У мудрости одинъ только плодъ—высокій покой духа; кто ждетъ другихъ плодовъ, напрасно потеряетъ труды и время. Выше всѣхъ благъ мудрость, въ ней человѣкъ растетъ въ вѣчность. Мягко въ покоѣ, крѣпко среди бѣдъ сердце мудраго, какъ нѣжный весенній листокъ твердѣетъ подъ жгучими лучами лѣтняго солнца. Истина выше всего міра, возлюби ее; высокъ подвигъ, пусть онъ будетъ твоею радостью; миръ, милость, смиреніе чтутъ мудрые, и ты возлюби ихъ».

Высотъ нравственнаго міровозрѣнія отвѣчаетъ высота философской мысли, созданной и выращенной Упанишадами. Упанишады—философія трансцендентнаго Божества, неизъяснимаго Бога-Духа, ни съ чѣмъ несравнимаго и недоступнаго никакому изображенію. Брахманская ортодоксія видитъ въ нихъ божественно-вдохновенное писаніе, неотъемлемую часть самихъ Ведъ. Слово *Упанишадъ* значитъ: премудрость, тайна, тайный смыслъ, сокровенное ученіе или сущность Веды. Въ Упанишадахъ нѣтъ разрыва межъ новою философіей и старою вѣрой; напротивъ, въ нихъ слышится благоговѣйная любовь новаго, можетъ быть, болѣе глубокаго вѣка, къ древней вѣрѣ народа, его сердцу, его любви. Текстъ Упанишадъ переполненъ отрывками изъ Ведъ, и сами Упанишады вмѣстѣ съ Брахманами сливаются съ Ведами въ одно стройное религіозно-философское твореніе, какъ двѣ части одной великой книги: служенія Богу и познанія Его. «Вотъ Агни дышитъ пламенемъ, Вайю вѣтрами шумитъ, Сома свой нектаръ льетъ міру,—да воспрянетъ мой духъ, возрадуется древней молитвѣ, и въ нее погруженный, очистится отъ грѣховъ!» —въ этихъ словахъ Упанишадъ, неправда ли, какое благородное выраженіе родственной связи межъ міромъ новымъ и древнимъ. Философская мысль въ Индіи стоитъ на высшей ступени *богозрѣнія*, и конечную цѣль познанія видитъ въ *стяжаніи* высшей духовной жизни, *обладаніи* свѣтомъ и духомъ вѣчнаго міра' *созвучіи* души съ безконечно-идеальной Божественностью. Нѣкогда, косвенно вліяя на Грецію, восточная философія вложила свое сѣмя и въ позднѣйшую западную мысль. Дейссенъ справедливо видитъ въ Ведантѣ кантіанское движеніе въ древней Индіи, но нужно замѣтить, что въ Упанишадахъ значительно

ранѣе встрѣчаются чисто кантовскія идеи: времени какъ внутренней мѣры, и пространства какъ «формы и образа». *Пракрити* Упанишадъ и системы Санкхьи, мать-природа, «Матерь», рождающая или освобождающая изъ своихъ нѣдръ «Божественный Духъ», предваряя идею «Бого-Матеріи» Вл. Соловьева, едва ли также не заключаетъ въ себѣ сущность Гегелевской философіи. Позднѣйшія школы, выросшія на почвѣ Упанишадъ, развиваютъ въ основныхъ чертахъ движеніе новой западной мысли, отъ благороднаго идеализма Веданты, сочетавшей въ мудрецѣ Шанкарѣ Платона и Канта, вплоть до крайняго матеріализма, имѣвшаго среди шраваковъ своего рода «язвительныхъ Вольтеровъ».

Изъ всей огромной книги мудрости, созданной Индіей, мы открываемъ здѣсь только нѣсколько страницъ,—ученіе о спасеніи. Міръ и жизнь имѣютъ *вѣчное и тайное* религіозное значеніе. «Воистину, о, Гаутама, міръ есть огонь жертвенный, солнце—алтарь, свѣтлый день—пламя, какъ искры сыпятся звѣзды. Въ томъ Огнѣ боги свершаютъ *Вьру-Жертву*. Изъ нея возстаетъ господь Сома». Какая загадочная концепція, но какъ близка она къ мистическимъ вершинамъ хотя бы христологіи нашего Шеллинга. Познаніе, добрыя дѣла, служеніе Богу—все имѣетъ, по Упанишадамъ, *небесно-мистическое* значеніе: «Познаніе возносите какъ жертву, какъ жертву возносите дѣла. Звуки гимна наполняютъ пространство небесъ; имъ носимые, боги въ вышнихъ царятъ...» О міротвореніи разсказывается въ Антар.-Уп. (1 ад. 1 кх.), какъ личномъ творческомъ актѣ Бога-Духа, всесущаго Атмана. «Въ началѣ міръ былъ Атманъ, и не было иного, зрѣвшаго. И восхотѣлъ: «сотворю міръ». И сотворилъ міры: потокъ, пространство свѣта,

неживое, воды. Сей потокъ выше небесъ, и небеса русло его. Пространство свѣта—міръ воздуховъ. Не живое—земля. И воды больше нея. И сказалъ: «вотъ міры; нынѣ хранителя міровъ сотворю». Тогда извелъ изъ Водъ Пурушу (Душа міра, или божественный образъ человѣка, человѣко-богъ) и объялъ его духомъ своимъ». Люди, дѣти Пуруши, несутъ въ себѣ искру его божественнаго дыханія и, погруженные въ матерію, тяготѣютъ къ родному Небу. Санкхья-философія вся исходитъ изъ этого доплатоновскаго платонизма: душа божественной природы и пребываетъ въ рабствѣ матеріальнаго міра, какъ въ темницѣ; освобожденіе въ себѣ и чрезъ себя Духа составляетъ цѣль каждой личной жизни и всемірнаго бытія. Божество Упанишадъ, Атманъ, «собою себя образующій», мыслился мудрецами Индіи не въ качествѣ отвлеченнаго Начала, но какъ Божество истинно сущее, всевѣчное, живущее въ «своихъ Тайнахъ» и въ то же время чудно близкое міру и человѣку. Познавшій Атмана, ощутившій его святое бытіе въ «безпорочной глубинѣ» своего духа, узнаетъ въ себѣ *высокое существо*, запечатлѣнное Богомъ, стремится къ полному совершенству, чтобы стать *истинною храминой Живого Бога*. «Кто пробудился отъ земнаго сна, познавши Атмана, —говоритъ Шанкара,—въ сердцѣ того сама разгорается любовь къ ближнему, всякая добродѣтель становится для него природной, свободно течетъ изъ его души, а не насильно внѣдряется имъ въ себя». Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Упанишадахъ, но только какъ частное теченіе мысли, проходитъ даже ученіе объ откровеніи Атмана: «Избранному своему Атманъ открываетъ свое существо, и тотъ познаетъ его, кого онъ избереть»,—эта мысль встрѣчается въ Катх. 2, 23, 1,3.

Мунд. 3, 2, 3. Швет. 4—6—7. 5,8. Брих. 4, 4, 22. Кауш. 3, 8. Упанишады, какъ говорилось, несмотря на свой философскій характеръ, не порываютъ съ кругомъ ведійскихъ понятій, но, можетъ-быть, даютъ имъ большую идеальность, развивая въ ученіи объ Атманѣ идею *истинной и чистой Божественности*. Упанишады не только полны ведійскихъ молитвъ, но и сами создаютъ молитвы въ древнемъ духѣ. «Вѣченъ онъ!—такъ помышляя, въ страхѣ къ нему приближайтесь; о Рудра! Щедрый! Милостиво взгляни на меня! Во всѣ дни моей жизни охрани меня!... Творецъ слова, звуковъ священныхъ, о Индра, спаси меня, Мудрый! даруй мнѣ бессмертное вмѣстить... Да въ отреченіи миръ обрѣту, сваа! да буду гордостью моего рода, сваа! боже, даруй мнѣ въ тебя внити, сваа! вселись въ меня, о боже, молю, сваа! тобою, о господи, отъ грѣховъ омоюсь, сваа! ты убѣжище мое, дай мнѣ отъ свѣта твоего!»... Религіозный смыслъ, который Веды придавали всему порядку человѣческой жизни, сохранился и въ Упанишадахъ. Вотъ, на примѣръ, трогательный обрядъ прощанія съ умирающимъ отцомъ. Отецъ говоритъ сыну: «рѣчь мою влагаю въ тебя»; сынъ отвѣчаетъ: «рѣчь твою приѣмлю въ себя». «Дыханіе мое влагаю въ тебя», — «дыханіе твое приѣмлю въ себя». «Радость мою, взоръ мой, мысль мою, путь мой... влагаю въ тебя», и сынъ принимаетъ ихъ. Отходя на вѣчный покой, отецъ передаетъ сыну весь тотъ нравственный порядокъ жизни, который самъ получилъ отъ своего отца, дабы изъ рода въ родъ хранились добрые завѣты, честь семьи, весь благочестивый укладъ жизни. Такіе же трогательные добрые нравы слышатся въ рѣчахъ свадебнаго ритуала: «Я беру руку твою на счастье супружеское», говоритъ своей невѣстѣ

женихъ, «да поживешь долго со мною, своимъ супругомъ», и въ брахманскомъ напутствіи при ввѣдѣ молодыхъ въ домъ послѣ свадьбы: «останьтесь здѣсь, не разлучайтесь, достигните глубокой старости, на сыновъ и внуковъ радуясь, счастливые въ своемъ дому».

Но не личное скромное счастье, не тихая размѣренная жизнь добраго семьянина, высшимъ идеаломъ въ Индіи, освященнымъ преданіемъ и религіей, созданнымъ на рѣдкость широкимъ развитіемъ интеллектуальной жизни, были *святая жизнь и святое познаніе*. Страстная, всепоглощающая жажда истины— вотъ постоянная тема философской жизни Индіи, постоянная личная драма всѣхъ высшихъ натуръ. Въ Чандоджья-Уп. (3, 11, 5—6) говорится, что если брахманскому ученику предложить выборъ: познаніе— или «вся земля, окруженная водами, со всѣми своими богатствами», и тогда онъ изберетъ познаніе: «этотъ цѣннѣе того». Страсть высшаго познанія нашла въ Упанишадахъ лучшее выраженіе въ повѣсти о хожденіи въ адъ юноши Начикетасъ и бесѣдѣ съ царемъ смерти, богомъ Йяма, вѣдущимъ запредѣльные тайны. «Когда умретъ человѣкъ, —говоритъ Начикетасъ,—насъ на землѣ тревожитъ сомнѣніе: «онъ есть»,—говорятъ одни,—«нѣтъ»—другіе. Тайну хотѣлъ бы знать, познаю же, тобой наученный». И слышитъ въ отвѣтъ отъ Темнаго Бога: «даже боги нѣкогда сомнѣвались; о Начикетасъ, темна, трудно постижима тайна; избери другое желаніе; забудь это». Но въ пылкомъ юношѣ еще жарче разгорается жажда узнать правду, какова бы она ни была: «Даже боги нѣкогда сомнѣвались, и ты самъ говоришь, что трудно постичь эту тайну! Но ты лишь одинъ можешь открыть ее. Нѣтъ, никакое другое желанье не сравнится съ этимъ, безцѣннымъ». Тогда Йяма рисуетъ соблазни-

тельные картины богатства, счастья, роскошныхъ земныхъ наслажденій, стремясь разжечь въ немъ тѣлесныя страсти, а можетъ быть только испытывая силу и стойкость его духа. «Избери обладаніе слонами, стадами многими, конями и златомъ, несмѣтными землями, долгимъ потомствомъ и самъ живи сколько пожелаешь. Всякое наслажденіе тебѣ дамъ, всякую сладость, всѣ радости, немногимъ доступныя. Взгляни на этихъ чудныхъ дѣвъ съ арфами, кто бы изъ смертныхъ не пожелалъ ихъ? Я дарю, тебѣ рабынями будутъ, но, Начикетасъ, не спрашивай о тайнахъ смерти» Юноша, несомнѣнный прообразъ Будды Готамы, непреклоненъ; въ его сердцѣ одна только страсть—познаніе истины. «Вянетъ каждая радость, и жизнь неисчислимыхъ годовъ все же только краткая жизнь. Нѣтъ, оставь у себя и колесницы, и игры, и пляски. Богатство не даетъ человѣку счастья, кто возрадуется ему, глядя въ твои очи... Дай мнѣ срокъ жизни, сколько пожелаешь, но о дарѣ все томъ же молю. Кто томится по сладости, которая не старѣетъ, не умираетъ, кто стоитъ здѣсь въ чертогахъ смерти и видитъ, какъ съ каждымъ мгновеньемъ самъ старѣетъ и умираетъ, кто понялъ тлѣнность счастья и наслажденій,—какая же радость ему въ долгой жизни... Нѣтъ, лишь то сомнѣніе разрѣши мнѣ. Лишь желанье въ эту тайну проникнуть, а не какое другое избереть Начикетасъ!» Ученіе о загробномъ мірѣ, которое возвѣщаетъ богъ смерти, повторяетъ въ основныхъ чертахъ ученіе о Брахманѣ-Атманѣ. «Въ тѣлахъ Безтѣлеснаго, въ измѣнчивомъ Неизмѣннаго, Атмана великаго, весь міръ обнявшаго, зрять мудрый и не страшится (не имѣетъ обычныхъ страховъ ни въ жизни, ни передъ смертью). Чистый отъ грѣшныхъ желаній, побѣдившій страданья, въ мірѣ сердца

Великаго зрить. Онъ недвижимъ—и несется далеко, возлежить—и вѣетъ повсюду...» Ученіе объ Атманѣ составляетъ «тайный смыслъ» Веды, раскрываемый въ Упанишадахъ. Правда, въ нихъ замѣтно стремленіе иногда затемнить, иногда скрыть «сокровенное ученіе» отъ глазъ простыхъ смертныхъ: «Тогда сказалъ Яджнавалкья: возьми меня, Арнабхаджа, дорогой, за руку; не здѣсь въ собраніи, наединѣ станемъ тайно говорить». (Брихадар.-Уп. 3, 2, 13) Тѣмъ не менѣе, благодаря обширности текстовъ, неясное, недоговоренное или умышленно скрытое въ одномъ мѣстѣ, болѣе или менѣе ясно выразилось въ другомъ, и даже самая фрагментарность текстовъ даетъ возможность пополнять выпавшіе звенья въ развитіи темы отдѣльныхъ Упанишадъ. По осколкамъ все же возможно сложить разбитую статую, хотя и не съ желательнымъ совершенствомъ.

Богъ-Духъ, Атманъ, «самъ себя изъ себя создавшій», предвѣчная «колыбель міра», непостижимый, неуловимый, истинно сущій, «до него очи не достигнутъ, ни мысль, ни рѣчь его не обоймутъ, невѣдомаго, невидимаго»,—онъ есть единое, истинное, несказуемое Божество, сущее въ божествахъ, именованныхъ людскою мыслью и словомъ, но не совпадающее ни съ представленіемъ, ни съ именами ихъ въ людскомъ умѣ. «Не познаваемъ, не зримъ онъ, ни мысль, ни рѣчь о немъ не повѣдаютъ. *Есть Онъ!*—лишь однимъ этимъ словомъ приступаемъ къ нему, другихъ путей нѣтъ... Сущій и безпредѣльный, называемый и безымянный, изображаемый и невыразимый, сознаваемый и недоступный познанію... Только его дѣйствія здѣсь видимъ, никто не видитъ его самого... Неподвиженъ и въ вѣчномъ движеніи, всегда далекъ и всегда близокъ, во всемъ Онъ есть, всего тайная сущ-

ность, и все же вѣчно за предѣлами всего... Кто подобенъ ему, чье имя—Величіе?.. Онъ вѣчное творящее начало міра и «дыханіе» его: «духомъ его» живо все живое и существуетъ все бездушное. Его силою сильна каждая сила міра, ея живетъ тѣло и духовно теплится душа. Отблескъ его силъ есть «слухъ въ слухъ ушей нашихъ, мысль въ нашей мысли, слово въ словѣ, зрѣніе въ зрѣніи». И въ глубинѣ души есть онъ, какъ божественная искра, какъ вѣчный глаголь Вѣчнаго, къ которому человекъ такъ рѣдко прислушивается въ шумъ и суетъ земной жизни. «Лишь то въ человекѣ, что не старѣетъ со старостью, не умираетъ со смертію, оно лишь одно, не тѣло, есть истинный градъ Брахмана, *душа въ душѣ*, не старѣющая, чистая, бессмертная, недоступная страданію,—*истинны ея лишь желанія, истинны ея совѣты*». Атманъ-Брахманъ познается путемъ внутренняго самоуглубленія. «Зрѣніемъ духа, внутреннимъ, видитъ Атмана мудрецъ, вглубь себя взоры погружая, взыскавъ вѣчнаго». Въ неизслѣдимой сущности нашего эмпирическаго «я» пребываетъ въ незапятнанной чистотѣ наше вѣчное «я», живое отраженіе творческой божественной сущности, живая искра божества, когда-то въ хаосѣ загорѣвшаяся нашею жизнью. «Какъ свѣтъ единый, всѣ міры проникая, даетъ видимость всему, что видимо, такъ *Сущность* существъ (*Сущее* въ существахъ) живетъ въ каждой жизни и (все же) *само въ высяхъ пребываетъ*... Не зримо то, что зреть въ тебѣ, не слышно слышащее, непостижно постигающее... Онъ въ землѣ живетъ, и не земля, и земля не знаетъ его; кто одѣтъ землю какъ тѣломъ и ея внутренне управляетъ, онъ и въ твоей душѣ, и тобою движетъ, бессмертный. Кто (въ огнѣ, водѣ, воздухѣ, небесахъ, солнцѣ, звѣздахъ,

мракъ, свѣтъ, во всемъ сущемъ) живетъ, онъ и въ твоей душѣ, и тобою движеть, бессмертный. Онъ зреть въ тебѣ, тобою не зримый, слышитъ не слышимый, постигаетъ не постижимый,—онъ твоя истинная душа, бессмертье и жизнь, и все въ тебѣ, что не онъ, удѣлъ страданія».

Имена божества: Брахманъ и Атманъ равнозначительны въ Упанишадахъ. Всесущее чаще называется Брахманомъ, когда о немъ говорится какъ Божествѣ, Атманомъ же, когда онъ является божественнымъ началомъ бытія, зримымъ въ глубинахъ и нашей души. Брахманъ—имя Непостижимаго: Богъ, Атманъ—его сущности: Духъ. «Какъ люди, не зная мѣста зарытаго клада, ходятъ вокругъ него, не догадываясь, такъ не находятъ и *міръ Брахмана*, хотя всѣ постоянно пребываютъ въ немъ, ибо ослѣплены невѣдѣніемъ. Въ сердцѣ—Атманъ, и въ немъ совершенное упокоеніе. Имя Брахмана—Истина». Соотношеніе Атмана и вселенной подобно связи души и тѣла: душа одновременно и имманентна тѣлу, давая ему жизнь, и трансцендентна въ своей идеальной сферѣ. Также и Богъ-Духъ имманентенъ вселенной, какъ внутренняя, тайная сущность природы и духа, творческая жизнь и сила всякой жизни и движенія, но въ то же время безконечно трансцендентенъ въ своей вышней Божественной Жизни. Наряду съ идеей всеединства, въ Упанишадахъ развивается идея *Вседержительства*, несущаго въ безконечныхъ просторахъ духовной основы бытія всю множественность сущностей и явленій. Какъ особенность, нужно отмѣтить, что Брахманъ—божество всего міра, для котораго нѣтъ ни исключительно-возлюбленнаго *человѣка*, ни безразличнаго, или низшаго *звѣря*, но всѣ—родныя живыя существа, высшей и низшей души,

съ своими радостями и страданіями, жаждущія жизни, счастья, и, каждое по своему, правды.

Мудрый Яджнавалкья, бесѣдуя съ женами: Майтрейей, погруженной въ высшую религіозную жизнь, и Канигьяни, отдавшейя всецѣло скромному домашнему дѣлу, сказалъ: «послѣ смерти нѣтъ сознанія». Майтрейя смутилась: «поистинѣ, господинъ, ты поразилъ меня, говоря такъ». Мудрецъ объясняетъ ей, что по смерти личность соединяется съ универсальнымъ божественнымъ сознаніемъ, и это наше новое «я» непостижно и «можетъ опредѣляться только въ отрицательныхъ терминахъ: неизмѣнное, безсмертное, не страдающее, не связанное». Чѣмъ полнѣе при жизни человѣкъ входитъ въ свое истинное «я», чѣмъ болѣе его жизнь *въ гармоніи съ чистою жизнью его вѣчнаго «я»*, тѣмъ ближе онъ къ своему Богу и святъ. Но не одни только святые и мудрые, и простые смертные уловляютъ отблескъ Вѣчнаго Свѣта въ особенныя прекрасныя минуты жизни, въ предчувствіяхъ, въ таинственныхъ проблескахъ какихъ-то неясныхъ, «нездѣшнихъ воспоминаній» и въ глубокомъ *чистомъ и святомъ снѣ*, когда душа какъ-то особенно «прямо смотритъ изъ времени въ вѣчность», какимъ-то *новымъ* чувствомъ сщущаетъ самую глубокую, духовную ткань бытія, слышитъ и понимаетъ, забывая въ пробужденіи, какія то удивительно ласкающія слова чуднаго значенія, и кажется, сама Истина въ невыразимомъ движеніи вѣетъ надъ ней нѣжнымъ и сладкимъ успокоеніемъ. Упанишады видѣли во снѣ почти полное освобожденіе отъ оковъ тѣла. Какъ лотосъ, стыдливо сжавшійся днемъ, только ночью распускается во всей красѣ, нѣжась въ лунномъ свѣтѣ, такъ душа только въ *мистическомъ снѣ* раскрываетъ свою красоту и тайну. Нужно замѣтить, что не

въ одной Индіи, и притомъ очень сильныя умы, признавали ночную прозорливость души. Не говоря объ европейскихъ мистикахъ, греческіе мудрецы также вѣрили, что только среди ночной тишины и тьмы въ ней начинаютъ свѣтитъ проблески ея будущей полной жизни, заря будущаго вѣчнаго свѣта: «Спящимъ очамъ свѣтитъ душа, днемъ же она не видитъ будущаго», сказано, на примѣръ, у Эсхила, или еще ярче у Гераклита: «Мертвенно то, что мы видимъ, бодрствуя, и только *во снѣ видимъ жизнь*».

«Есть въ сердцѣ малая келлія Высшаго, непорочная; цвѣтокъ, чудный Лотосъ, цвѣтетъ внутри тѣлеснаго града; въ немъ покои малые, безкоробные; царящаго въ нихъ почти»,—такое сознаніе внутри себя отраженнаго Бога, набожное ощущеніе въ сердцѣ какъ бы нѣкоторой «частицы» Божества, налагаетъ строгій и радостный долгъ: быть достойнымъ святаго присутствія, создать въ себѣ сердце правды, чистую обитель Чистому. «Брахманъ есть жизнь, Брахманъ радость, Брахманъ *дальнее Блаженство*. Брахманъ—день незакатный, день вѣчный. Брахманъ—истина... Его познавшій какъ Бога, творца, безначальнаго, безконечнаго, который все собою облекъ, освободится отъ всѣхъ узъ (духа и тѣла)». Непостижимое нельзя опредѣлить сколько-нибудь положительно; вотъ почему въ «Яджнавалкѣ» съ большою мудростью Брахманъ-Атманъ, Богъ-Духъ, именуется *Neti, Neti*,—«не таковъ, не таковъ»,—«нѣтъ, нѣтъ»,—«не тотъ, не тотъ». Какъ бы ни расширились границы нашего познанія, мы не встрѣтимъ ничего и ни въ чемъ, что было бы подобно Ему, чѣмъ могли бы опредѣлить Его. Но есть другой путь познанія, путь йоги и саньясы, доступный мудрецамъ и святымъ,—*восхождение духомъ въ Духъ Божій*. И есть еще иной путь, доступный

простымъ и смиреннымъ, и чистой женѣ, и непорочной дѣвѣ, и младенцу и незапятнанному мужу: *скромная святая жизнь*, минуты движеній любви, правды, милости, когда кроткое тихое сердце ласкаетъ Чья-то чудная любовь. «Не познавшіе Его знаютъ, и познающіе не знаютъ. Мудрые не вѣдаютъ и знаютъ неразумные»,—богатыхъ отвлеченнымъ знаніемъ и сильною мыслью нерѣдко не касается божество и близко къ смиреннымъ, сильнымъ только *чистымъ и святымъ сердцемъ*. «Выше небесъ Онъ сіяетъ и Онъ же въ сердечной твоей глубинѣ». Брахманъ, говорятъ Упанишады, «выше всего что есть и чего нѣтъ»,—выше не только этого міра, но и всякаго иного, возможнаго изъ самыхъ идеальныхъ міровъ. Нѣтъ и не можетъ быть ничего высшаго ему въ силу, такъ сказать, его *идеальной, непревосходимой божественности*. Онъ «не живетъ и не не-живетъ», ибо то, что—говоря такъ за отсутствіемъ дѣйствительно подходящаго въ этомъ случаѣ слова—есть собственная жизнь Брахмана, нѣчто единственное, ни съ чѣмъ несоизмѣримое, ничему не подобное, высшее всякой формы жизни. «Ни день—ни ночь, ни жизнь и ни смерть, ни свѣтъ и ни тьма, одинъ Блаженный, Омъ, Слово Святое, Свѣтъ и Любовь... Тотъ, кто выше міра, образа (подобнаго) себѣ не имѣетъ, Безподобный». Брахманъ въ Упанишадахъ творецъ міра и творецъ боговъ, вѣрнѣе источникъ ихъ *божественности*, ихъ *Истина, Жизнь и Сущность*: они божественны Брахманомъ, божественнымъ своей божественностью. «Какъ изъ пламени костра разлетаются искры, такъ изъ Неизмѣннаго исходитъ множество существъ, необозримое, и все вновь къ Нему возвращается... Онъ, Святой, все проникаетъ, вездѣ живъ есть, Блаженный... Имя его тайная Сущность... Нѣтъ, не солнце свѣтитъ, не

мѣсяць, не звѣзды, то Онъ, Свѣтъ единый, даетъ свѣтъ свѣту, свѣтомъ отъ его Свѣта весь міръ живетъ. Несущее было въ началѣ, и несущее стало сущимъ, Онъ же самъ себя изъ себя сотворилъ... Свѣту свѣтовъ молятся боги, Жизни вышней... Все сотворивши, во все вошелъ. И вошедши, сталъ живущимъ и выше-живущимъ, міромъ сталъ и Не-міромъ, выразимымъ и Невыразимымъ, духовнымъ и Высшимъ духовнаго... Вайю (Вѣтръ) его дыханіе, *въ сердцѣ* міръ почиваетъ, Слово его—откровеніе Ведъ... Его славятъ какъ правду, славятъ какъ истину, мудрые пѣвцы восхваляютъ Брахмана. И жертвы и подвиги, все что было и будетъ, Онъ несетъ въ себѣ, весь міръ вмѣстившій... Ни рѣчью, ни мыслью, ни зрѣньемъ не познать Его,— «*Онъ есть!*» однимъ этимъ словомъ Его бытіе восхитишь... «*Есть Онъ!*»—такъ познавшій просвѣтляется духомъ... Кто постигъ Дыханіе и Око, Путь и Разумъ, тотъ знаетъ Вѣчнаго Бога, возсѣдющаго въ высотахъ... Брахманъ—*Жизнь, Радость и Даль...*» «Вѣчный День Брахмана» сіяетъ по ту сторону бытія, далеко отъ нашего темнаго и скорбнаго міра, и въ это далекое безконечное море блаженствъ погружается душа, достойная своего Бога. «Познавшій Бога блаженнаго, все обнявшаго, всюду сущаго, внидетъ въ міръ безконечный... Познавшій Бога освобождается отъ всѣхъ узъ, скорби утихнутъ, изсякнетъ (корень) смерти и рожденій, чтущій Его близокъ по смерти къ Божьему Величію... Жертвы здѣсь будутъ въ томъ мірѣ твоею одеждой... Въ міръ славы небесной, въ міръ неугаснаго свѣта, о вѣчный, введи меня...»

Самъ Брама «Законовъ Ману» и дальнѣйшаго индуизма, «духъ правый, духъ великій», созданъ Вѣчнымъ Брахманомъ. «Въ Немъ, бога Брахму создавшемъ въ началѣ, и открывшемъ ему Тайны—Веды,

въ Богъ, котораго только по милости Его мы познали, нашель я, искавшій спасенія, свое убъжище». Брахманъ, «Духъ Сущій, Блаженный»,—неизмѣнный Божественный Идеаль всей высшей религіозной мудрости Индіи, «Духъ, Жизнь и Блаженство» позднѣйшей Веданты, едва ли не прекраснѣйшей изъ всѣхъ философскихъ системъ восточнаго міра. «Дни и вѣка бѣгутъ подь Его пятою, какъ Свѣту свѣтовъ ему молятся боги, Онъ вмѣстилъ въ себѣ Жизнь и Пространства, Онъ *Душа души моей, Безсмертье моего безсмертія*». Современные мудрецы Индіи утверждаютъ, что Веды, несмотря на свой внѣшній политеизмъ, воспѣвають *Единого Бога*, и «Логось» Ведъ, Упанишады своимъ ученіемъ о Брахманѣ-Атманѣ, убѣждаютъ въ этомъ достаточно ясно. Боги Ведъ, Боги-Силы вселенной понимаются въ Упанишадахъ какъ именованныя силы единого Бога-Духа: «Безъ воли Брахмана», «дѣйствующаго въ дѣйствіяхъ божествъ», «Агни не сожжетъ и соломинки, Вайю не подниметь травинки... Въ высяхъ сущій надъ міромъ, безъ образа, безъ страстей и гнѣва, Безплотный... Богу, обнявшему весь міръ и сущему и въ травѣ, и въ деревьяхъ, и въ водахъ, слава, слава!.. Онъ Брахма и Шива, Индра и Вишну, Огнь, Мѣсяцъ и Смерть, неподобный вышній властитель, онъ во всемъ, что было и есть, что возникнетъ въ вѣчности... Въ Немъ, кто есть Начало и Жизнь, владыка владычныхъ, Божество въ божествахъ, нераздѣльное, простершее всѣ міры, Царь небесныхъ царей,—въ Немъ Бога узримъ... Духъ чистый, вѣющій всюду, тайный зритель всѣхъ дѣлъ, единый Свободный... Очи и ликъ Его ко всему обращены, во всѣ стороны простерты десницы, всюду ступаетъ пятой. Дланью своей творящей, на крылахъ своихъ держитъ землю и небо, Богъ, Единый... *Онъ есть Вѣчный!*

такъ помышляй, въ страхѣ, содрогаясь... Духъ всюду сущій, хранитель вселенной, царящій въ правдѣ своей... Какъ солнце, сіяя въ небѣ, всѣ міры освѣщаетъ, и въ глубь, и въ высъ, и въ срединѣ, такъ Богъ Святой, любви полный, всѣмъ движеть...» Вишнуизмъ, важнѣйшая вѣтвь болѣе поздней религіи Тріедиаго Бога, зачинается въ Упанишадахъ, хотя только какъ частная и мало разработанная мысль: «Троичень міръ сотворившій, Брахма—отець, Майя—матерь, Вишну—сынъ. Каждый во всѣхъ, и всѣ въ каждомъ, и всѣ — одно въ несказанномъ». Совершенно особнякомъ стоитъ такое ученіе (Бр.-Аран. Уп. 3,6): «боги въ Индрѣ, Индра въ Отцѣ боговъ, Отець боговъ въ Брахмѣ». Всѣ дальнѣйшія религіозныя и филссфскія системы такъ или иначе кореняется въ Упанишадахъ, цѣлый рядъ которыхъ носитъ ихъ имена: йога, санкхья, вишну, шива (и т. д.)—упанишады. Идеи древней Индіи, окрыливъ религіозно-филосфское движеніе на родинѣ, вліяли также на мысль другихъ древнихъ народовъ. Напримѣръ, слово загадочной мудрости Упанишадъ: «что здѣсь, то и тамъ, что тамъ, то здѣсь» слышится, очевидно, въ позднѣйшей герметической формулѣ: «что вверху, то и внизу», а въ орфическихъ гимнахъ развѣ не повторяется почти слово въ слово этотъ стихъ изъ «Законовъ Ману»: «Погружены въ многовидную тьму всѣ существа... нѣкогда частицы Божества, увы, въ этой ужасной сферѣ бытія обречены на гибель и тлѣніе, влекутся страдальческимъ путемъ въ круговоротъ рожденія, жизни и смерти... Дѣла души чертятъ путь ея переселеній въ высшій—средній—низшій (саттва—радхась—тамась) міры».

Общеніе съ Божествомъ составляетъ благочестивую цѣль Упанишадъ. «Смертный, Бога познавшій какъ

свою *Вѣчную Душу*, владыку всего, что было, есть и что будетъ, не бѣжить отъ лика Его, не страшится». Познавшій связанъ душой съ той запредѣльной областью, гдѣ «нѣтъ и тѣни зла», гдѣ живетъ нѣчто иное, безконечно высшее и прекраснѣйшее, чѣмъ добро и правда въ формѣ земныхъ понятій. Почивая върой— любовью—надеждой сердца въ этомъ «царствѣ выше добра и зла», въ вѣчномъ покоѣ Бога, «имя котораго Нѣтъ—Нѣтъ» (Непостижность), онъ сладко утихъ и утѣшенъ въ этой земной юдоли, и тамъ же, свободный отъ роковой силы «закона возрожденій», упокоится нѣкогда всѣмъ существомъ. «Кто въ Санкхья— премудрости обновленный, въ священныхъ дѣйствіяхъ Йоги позналъ изначальнаго Бога, свободенъ отъ узъ... Лебедь единый въ морѣ вселенной, онъ тихимъ пламенемъ въ волны погрузился; кто узритъ Его, выйдетъ изъ царства смерти, вовѣки не возвратится никакими вратами... Онъ Духъ великій, все сотворившій,—такъ Бога познавшій входитъ сердцемъ, мыслью и духомъ въ бессмертное царство... Святъ онъ, святъ, высшій жизни, высшій смерти! онъ— Омъ—звукъ, свѣтъ Савитара (солнца), полный любви, свѣтъ разума и познання... Ни въ высь (недосягаемость его бытія), ни въ ширь (безконечность, необозримость) ни внутри (непостижность его сущности) не объемлемъ, нѣтъ подобія, нѣтъ образа для того, кто есть Величіе, Величіе!.. Лица его нельзя видѣть; нельзя уловить очами; Его, въ сердцѣ живущаго, сердцемъ и чувствомъ познаешь... Далекъ, во всѣхъ пути солнца, разносится Голосъ Божій, и слышатъ его всѣ чада *Вѣчнаго*... Блаженство людей—радость въ Истинѣ». Посвятившій себя познанію Истины, жаждущій высшихъ созерцаній въ Йогѣ, мудрецъ навсегда удаляется отъ міра. «Когда морщины по-

кроютъ лицо, сказано въ *Законахъ Ману*, побѣлѣютъ волосы, внуки возмужаютъ, уйди въ лѣсъ». Но, конечно, жизнь отшельника ведутъ не одни старцы; среди нихъ были и прекрасные юноши, презрѣвшіе жизнь тѣлесныхъ наслажденій ради высшей духовности, чистыхъ небесныхъ радостей. Отшельники питаются *воздухомъ и водой* и, донашивая послѣдніе, умирающіе, бранные остатки тѣлесной одежды, живутъ необъятно глубокою духовною жизнью, разрушая смертныя преграды межъ собою и вѣчнымъ міромъ. «Три рожденія имѣеть человѣкъ: рожденный матерью, возрождается въ сынѣ и высшее рожденіе обрѣтаетъ въ смерти». Для *Саньясина*, переживающаго послѣднюю ступень земной святости, «дѣла въ ничто обратятся»; какъ существо уже внѣземное, онъ пребываетъ въ стихіи запредѣльнаго бытія, гдѣ нѣтъ ни добра, ни зла, ни времени, ни формы. «Отрекаюсь! трижды онъ долженъ сказать, и взять посохъ (аскета). Только врачеваніе тѣла долженъ онъ видѣть въ своей малой пищѣ, нищенство, чистоту, правду блюсти, не вредить ни малѣйшему изъ существъ. «Миръ несущимъ существамъ» долженъ помышлять. Гнѣвъ, сладость, всякую похоть, ложь, гордость, зависть—все отжени. Отца, сына и жену, трудъ и жертвы покинь. «Омъ, омъ, омъ (святой и таинственный звукъ, символъ Бога)!» носи въ себѣ непрестанно (здѣсь, вѣроятно, начало «умной молитвы»). Нагъ какъ рожденный, выше страданій и радостей, идетъ путемъ правды, стезею Бога. Отдыхая на кучѣ травы, подъ корнями дерева, въ покинутой хижинѣ, у храма, на уединенномъ островѣ, въ ущельѣ, въ пещерѣ, въ дуплѣ дерева, на камняхъ водопада, онъ проживаетъ безъ желаній, чистымъ духомъ поживая въ Великомъ Атманѣ». Душа человѣка, по ученію Упанишадъ,

двоедина: одна живетъ всецѣло жизнью своего тѣла, вся обращена ко внѣшнему міру; другая, болѣе глубокая, тяготѣетъ къ иному міру; въ нее входитъ человекъ въ минуты высшаго самоуглубленія, встрѣчая далекій, тихій покой: «Двѣ птицы неразлучно на древѣ живутъ: одна вкушаетъ плоды, другая, не вкушая, только смотритъ на нихъ». Саньяса—полное *водушевлѣніе* въ эту вторую, болѣе духовную и чистую свою душу. «Выше подвиговъ—познаніе, выше познанія—созерцаніе». Мудрость созерцательнаго познанія еще выше подымаетъ духъ въ Бого-проникновеніяхъ Йоги, навсегда вынося изъ «круга рожденій», сѣни смертной, скоро готовя послѣднее, загробное вступленіе въ *Нирвану Брахмана*, въ покой Божій. «Онъ—Душа души моей, къ Нему, въ *Душу мою*, возвращусь, исходя отселѣ... Какъ потоки, протекая, въ море впадаютъ, теряя видъ свой и имя, такъ мудрый входитъ въ Божественный Духъ... Вѣчное, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни сѣтованій, ни имя, ни лика, ни сна, ни сновидѣній... Сама въ себѣ покоится Вѣчная Мудрость, вѣчно постоянная, миръ и безскорбіе, невыразимая радость... Духъ жизни его не исходитъ, но отъ Брахмана пришелъ и вновь въ Брахмана уходитъ... Въ комъ угашены всѣ желанія, въ томъ смерть становится Безсмертьемъ... Кто въ *Блаженствѣ* постигъ Брахмана, предъ которымъ смолкаетъ слово и мысль изнемогаетъ, для того нѣтъ (загробнаго) страха... Изъ небытія возведи меня къ бытію, изъ мрака веди къ свѣту, отъ смерти къ бессмертью... Духъ, чистый, омытый въ купели мудрости, ликуетъ въ *Атманѣ*; никакимъ словомъ нельзя повѣдать о блаженствахъ тому, кто самъ не испыталъ своимъ сердцемъ... Въ нѣдрахъ слѣпотаго міра спитъ, не видитъ душа; въ пробужденной душѣ живетъ Вѣчное... Путь

простирается, трудно проходимый, путь древній, путь мудрыхъ, познавшихъ Брахмана, идущихъ къ Небесному... Кто зреть въ духъ Вѣчнаго, творящаго невѣчное, Единого во многомъ, Духъ Божій въ богахъ, вѣчный миръ обниметь его сердце». Минута смерти для саньясина—новое рожденіе въ новомъ, божественномъ свѣтѣ, непостижное *восновленіе въ духъ Отчемъ*. «Всеобъемлющій, всюду сущій, вседѣйствующій, Онъ—внутреннее души моей, Брахманъ, и въ Него вниду, исходя отсель...»

Саньясинъ, святой мудрецъ, разрушившій въ себѣ всякую власть, силу и даже самое ощущение плоти, еще при жизни становится «безтѣлеснымъ въ тѣлѣ», почивая духомъ въ божественной жизни. Его духъ обрѣлъ свой чистый бессмертный образъ, *во-существился въ истину*. Никакое зло, страданіе, ничто нечистое не коснется его души, въ которой почиваетъ тайное присутствіе Бога-Духа. «Кто *въ тѣлѣ сталъ безтѣлесенъ*, въ томъ не живетъ ни страданіе, ни страхъ... Кто взираетъ въ Высь и Глубь, свободный сердцемъ, въ томъ не возникнетъ сомнѣній... Къ Нему, свѣтящему за предѣлами небесъ, къ Нему, и въ чистой глубинѣ сердца свѣтящему, идутъ они... Кто *въ глубинѣ святой сердца обрѣлъ Атмана*, безраздѣльнаго, неподобнаго, всевидящаго, тотъ пересѣкъ море суетной жизни... Погибла всякая страсть, которая гнѣздится въ сердцѣ человѣка, и смертный сталъ бессмертнымъ, здѣсь достигшій Брахмана... Вошедшій въ Душу, въ душѣ тайно сущую, превозмогаетъ и голодь и жажду, страданія и желанія, старость и смерть. Кто перейдетъ этотъ мостъ (межъ «этимъ» и «тѣмъ» берегомъ), межъ земнымъ и бессмертнымъ бытіемъ), тотъ, бывъ слѣплъ, прозрѣетъ, бывъ согбенъ, воспрянетъ, бывъ боленъ, исцѣлится...

Онъ не влачится (носимый земными стихійными силами), но отъ Духа онъ есть и въ Духъ пребываетъ... Блаженный, блаженъ въ Богъ (Брахманъ)». Въ совершенной жизни Саньясы подвижникъ достигаетъ *Мокши* (спасенія), облекается въ высшія мистическія силы Йоги: «Утихли волненія чувствъ, миръ въ его сердцѣ, онъ почиваетъ въ Атманъ... И можетъ великій путь принять,—не вкушать вовсе, ходить по водамъ, проходить невредимо чрезъ огонь, *принять Смерть* (возжелавъ умереть, силою своей воли вызвать смерть)». И, умирая, саньясинъ, «во плоти безплотный», сбрасываетъ ветхія одежды своего земного существа, переходитъ отъ «смерти» въ этомъ мірѣ въ «Жизнь»,—«отъ имени и вида освобожденный, входитъ въ Духъ нераздѣльный, безсмертный».

Й О Г А.

Долгое время въ Европѣ относились къ случайно доходившимъ рассказамъ о йогинахъ, одаренныхъ таинственными знаніями и силами, какъ къ суевѣрнымъ сказкамъ, пока не столкнулись и въ своей средѣ съ гипнотическими и телепатическими явленіями, напоминающими йогическія. Однако, западный гипнотизмъ представляетъ чисто внѣшнее сходство съ нѣкоторыми изъ йогическихъ силъ и прежде всего требуетъ искусственной обстановки и болѣзненныхъ объектовъ, что вовсе не нужно для йогиновъ, которыхъ, слѣдуетъ замѣтить, часто смѣшиваютъ съ факирами, гипнотизерами-фокусниками и магическими врачами. Другія же ихъ силы и теперь вызываютъ сомнѣнія, — напримѣръ, способность силою взгляда очаровать злѣйшее животное, сковать его

до полнаго онѣмѣнія. Иныя же силы считаются безнадежно-фантастическими, хотя во всѣхъ религіяхъ древняго происхожденія мы встрѣчаемся съ полной увѣренностью въ нихъ: напримѣръ, проникновеніе въ будущее, хожденіе по водѣ и воздуху, способность отбрасывать свое видимое отраженіе на далекое разстояніе, пониманіе происходящаго въ душѣ людей, звѣрей и птицъ. Йогины не факиры-очарователи, маги и фокусники, и даже не факиры-подвижники, иногда дѣйствительно обладающіе меньшими изъ йогическихъ силъ. Подлинныя йогины, очень немногіе во всякое время, не показываютъ свое «искусство» предъ праздною толпою, тѣмъ болѣе за плату, и тайныя силы для нихъ не искусство и забава, но *религіозная мощь души*. Йогинъ, мудрецъ «великихъ созерцаній», несущій въ себѣ «тайноприсутствіе» Духа, если не живетъ въ полномъ уединеніи, то пребываетъ въ кругу учениковъ, отшельниковъ, не чуждаясь людей, и выдѣляется только мудростью и нравственной красотой, а свои особенныя силы проявляетъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Въ глазахъ народа йогинъ «богъ», или «небесный духъ» во плоти. Йога, по ученію восточныхъ мудрецовъ, *безконечное упоеніе Божественной жизнью, стяжаніе запредметнаго бытія въ его блаженной сущности*. Духъ, объятый «йога — огнемъ», мистическимъ, священно-страстнымъ вдохновеніемъ, весь войдя «внутрь себя», не разсѣиваясь по тѣлесно-органическимъ путямъ обычной духовно-плотской жизни, раскрывается въ своей трансцендентной чистотѣ, являя высшія силы *свободы, воли и познанія*, еще невѣдомыя міру. Самое отвлеченное, далеко парящее мышленіе, все же посредственно и условно. Йога—духъ является какъ *живая сила*, превозмогшая тяжесть, косность и противобор-

ство матеріи, сила *духовнаго движенія, обрѣтенія и стяжанія*. Въ параллель четвертому измѣренію новой геометріи йогическое познаніе можно назвать «вторымъ познаніемъ, подъ формою истинной безконечности» нашего духа. Послѣдняя цѣль «священныхъ дѣйствій йога—духа»—встрѣча въ себѣ съ своимъ Богомъ, таинство *вобожествленія*. Йогизмъ считается въ Индїи высшею ступенью *святой мудрости*, доступной очень немногимъ; никто не видитъ въ немъ особенной, чуть ли не расовой «способности» къ чрезвычайнымъ экстагическимъ переживаніямъ, безразличной въ этическомъ отношеніи. Йогизмъ одинаковъ и въ буддизмѣ, и въ вишнуизмѣ, и въ бхакти; во всѣхъ религіяхъ онъ признается долей людей *высшаго духа и сердца*, вѣнцомъ святости. Первымъ условіемъ йогическихъ «обоготвореній» духа признается «тѣлесная чистота и духовная святость», достигаемая «постомъ и подвигомъ, полнымъ очищеніемъ отъ всякой нечистоты». Йогическія силы не случайный даръ природы; онѣ раскрываются въ душѣ по мѣрѣ того, какъ она освобождается отъ *вліянія* тѣлесной жизни, насквозь проникшей, отяготившей духовную; обнажаясь въ йогѣ отъ всѣхъ *тѣлесно-духовныхъ покрововъ познанія и чувства*, духъ возстаетъ въ своей доземной сущности, *божественно-безсмертной, божественно-свободной, божественно-духовной*, — въ своей «вѣчной формѣ», какъ сказалъ бы Спиноза. «Идея поглощенія души Высшимъ Божествомъ не составляетъ ученія Йоги», говоритъ Раджендралалъ Митра. Йога говоритъ не о сліяніи, но *соединеніи*: душа, «отъ-единенная», по выраженію йогиновъ, отъ міра, безраздѣльно живетъ въ своей внутренней безконечности, находитъ свое царственное *удиненіе въ Богѣ*. Йогизмъ уходитъ въ далекія глубины религіоз-

ной исторіи Индіи. Именно онъ составляетъ едва ли не самую возвышенную часть Упанишадъ. Первый опытъ систематизаціи сдѣлалъ Патанджали, позднѣйшій комментарий далъ джайнскій мудрецъ Гемачандра. Йогинъ «закончилъ путь», достигъ цѣли, къ которой стремятся люди въ своихъ нравственныхъ подвигахъ, молитвахъ, бореніяхъ мысли. Нашъ міръ съ своими грѣхами, страданіями, минутными просвѣтленіями и новыми паденіями далекъ отъ него. Йогинъ «не отъ сего міра», и его жизнь «не для этого міра», все же хаоса, только прорѣзаннаго идеальными лучами вѣющаго Духа. Онъ не рабъ жизни, но «свободный въ Духъ», не ищущій, но владѣющій, не молящій, но внемлющій, чудно носимый Божественнымъ Духомъ. «Истина выше жертвы», говоритъ Патанджали, и «свободный находитъ покой души въ Богѣ». Йогинъ «не знаетъ ни болѣзней, ни старости, ни страданій, облекся въ *тѣло Йога-Пламени*». «Какъ зеркало, прежде пылью покрытое, теперь, очищенное, блеститъ какъ свѣтъ», такъ чистъ и ясенъ духъ йогина, который теперь весь, безъ малѣйшей пылинки земного праха, одна чистая, неподобная духовная сущность. Первое условіе йогическаго озаренія—нравственное совершенство. «Не человекъ съ преступной душой, не тотъ, чье сердце еще не покойно, кто далекъ отъ *тишины совершенной*, ища его, найдетъ... Отъ гнѣва и страха, отъ долгаго сна и свержнаго бденія, отъ чревоугодія и изнурительнаго поста долженъ отвратиться йогинъ... Всякую похоть презрѣвшій, на познаніе какъ посохъ опираясь, почивая духомъ въ Безподобномъ, Высшемъ, почтится именемъ подвижника... Неизслѣдимъ путь святыхъ йогиновъ, Парамахансовъ, и немногіе могутъ итти имъ... Живущій въ *чистотѣ*, святъ онъ, великій... Духъ его всегда

во Мнѣ (говорить Богъ), и оттого Я всегда въ немъ. Онъ отрекся отъ жизни и живетъ лишь для того, чтобы другимъ являть богатую помощь... Не радуется хваламъ, не огорчается хулою, не зная ни холода, ни зноя (ни равнодушія, ни страсти), ни радости, ни горя, ни чести, ни безчестья, ни старости, ни смерти; все отринувъ, зная лишь Того, кто есть *Неизмѣнный Покой*, говоря: Бесподобный, Блаженство и Мудрость, онъ—моя высшая обитель... Межъ духомъ (йогина) и Духомъ (Паратманомъ) нѣтъ преграды... *Одежды его — пространства міра*, онъ не влечетъ къ себѣ и не отстраняетъ, нѣтъ для него святыхъ словесъ Ведъ и размышленія (надъ ними, ибо онъ не достигающій, какъ прочіе, но *достигшій*), нѣтъ для него видимаго и невидимаго (недоступнаго прочимъ, ибо онъ вѣдаетъ всю полноту бытія), нѣтъ «я» и «не я», міра внѣшняго (обычныхъ формъ сознанія, ибо ему принадлежитъ чистое, непосредственное познаніе).»

«Радость его безъ желаній, горе не вторгнется, мирны чувства, дыханіе жизни—познаніе, жизнь его въ духѣ... Его духъ проникъ тѣло (самая плоть стала *духовной*), и жизнью стало *Блаженство*. «Я—сей Духъ», вѣдаетъ онъ, стяжавшій»... Здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно своеобразной религіозной идеей *вобожествленія*: отзывчивой любовью Божества, свято-жаждущей человѣческой любовью, по вѣрѣ йогиновъ, въ тайнѣ небесной любви къ безконечной, всепревозмогшей любви человѣка, Божество проникаетъ его своей божественностью, дѣлаетъ причастнымъ *Своему бытію*, и духъ йогина становится *духомъ отъ Бога и Истины*. Поученію Йога-Упанишадъ, совершенный духъ святого, освободившись отъ «одеждъ» своей *тѣлесной духовности*, раскрывается въ преджизненной, до-земной чистотѣ, вѣчно

живой и истинный, рожденный отъ Вѣчной Жизни и Истины. Нельзя научить Йогѣ, очень немного изъ этихъ таинственныхъ явленій можно облечь въ слова, и однихъ внѣшнихъ знаній йоги недовольно, чтобы стать йогиномъ. Если перескажъ великой поэмы даетъ только поверхностное представленіе, не раскрывая того моря думъ и чувствъ, живыхъ образовъ и яркихъ картинъ, какія наполняютъ произведеніе, тѣмъ болѣе Йога, несравненная, эфирно-духовная, безпредѣльно парящая жизнь. «Не найдешь Вѣчнаго Духа по чужому наученію, никто не поможетъ достичь его мыслью, никто не укажетъ къ нему путь,— избраннику своему открывается онъ, достойному». Йогическое познаніе не вмѣщается въ кругъ обычной философской терминологіи, и только мистическія понятія «духовнаго дѣланія, озареній, ляннія Духа, прозрѣнія» подводятъ довольно близко къ Йога-пути. Йогическое вдохновеніе, мучительно-блаженное возжеланіе прильнуть всей душой къ родному Богу. нѣжная тоска по Отцу разлученнаго сына, позднѣе вылилась въ *Бхакти* въ страстный зовъ безпредѣльной любви, ненасытное «возгорѣніе сердца о Богѣ». Йога-путь въ общихъ чертахъ одинаковъ и въ древнѣйшихъ Упанишадахъ и въ сравнительно новыхъ комментаріяхъ. «Йога есть подавленіе дѣйствій сознанія (бѣглаго, центробѣжнаго сознанія, вспыхивающаго и переливающегося въ связи съ внѣшними впечатлѣніями). Тогда достигается *чистое зрѣніе* (сознаніе, сосредоточившись въ своей центростремительной силѣ, собирая *въ себя* всю свою прежде разсѣянную энергію, одухотворяющую мертвые сами по себѣ органы нашихъ чувствъ, является въ своемъ чистомъ видѣ, какъ *Духовное Осязаніе*). Оно достигается *чистотою и силою* (духа). Въ обрѣтеніи *Недвижимой мысли*

наступает *покой* (глубокая внутренняя тишина, полная внеления, подобная величавой тишинѣ вдали от шумнаго міра, среди высокихъ горъ, въ глубинѣ лѣса). Тогда духъ познаетъ инымъ познаніемъ, чѣмъ познаніе изъ откровенія и вывода. И путь и конецъ пути иные. Тогда возникшее *Дѣйствіе* въ духѣ подчиняетъ всѣ другія дѣйствія, и надъ всѣмъ царитъ *Надземное Сознаніе* (самадхи)».

Ишвара (божество йогическихъ наитій) есть «Духъ Несравненный, источникъ возвышеннаго *непобѣди-маго вѣдѣнія*. Онъ, вѣчный, Учитель древнихъ. Знакъ его—священное слово *Омъ*. Шепчи сей звукъ и мысли смыслъ его, и сгинуть препятствія (къ достиженію созерцанія): недуги, сомнѣніе, вкрадывающіяся ложныя мысли («прелесть» аскетовъ), недостатокъ силъ восхожденія (по ступенямъ Йоги), ослабленіе силъ на полпути, и достигнешь *внутренняго воспріятія*... Подвигъ, познаніе писанія (Веды), преданность Богу (постоянная дума о немъ и любовь) составляютъ Йога-Дѣяніе (или: Йога-Вѣру). Йога покоится на силѣ *Вхожденія* (духа въ безконечность, *самадхи*) и слабости пороковъ: невѣдѣнія, себялюбія, вражды, похоти къ жизни». Въ Йогѣ не угашеніе сознанія,—напротивъ, небывалое, *свышедуховное* горѣніе мысли и невыразимая радость въ близи божества. Вся душа созерцателя становится одной живою любовью, однимъ неотступнымъ, страстнымъ рвеніемъ ищущей воли. Такая *сила любви* «дѣлаетъ возможнымъ все»: *святой инстинктъ любви увлекаетъ душу къ завѣтному предмету желаній*. Восточная философія—это вдохновеніе, священный трепеть, религіозная поэзія любви и страданія, мудрость, говорящая къ Богу. Даже наше обычное, сколько-нибудь творческое мышленіе далеко не простое пассивное сочетаніе

силлогизмовъ; въ немъ есть безпокойство предчувствія, напряженная *воля мысли*, подлинное *дѣйствіе* ума, *исканіе* и *обрътеніе*. Тѣмъ болѣе Йога—«свѣтъ и пламя», горѣніе духа въ мистической жертвѣ любви, невыразимыя муки души, ищущей своего Бога, *Блаженство-Страданіе*. Йога поднимаетъ духъ въ тѣхъ безконечныхъ силахъ его *вѣчной* природы, для которыхъ въ тѣсныхъ и скудныхъ условіяхъ тѣлесной жизни нѣтъ ни путей, ни достойныхъ цѣлей, ни простора, которые такъ рѣдко возгораются здѣсь, и только *по слѣдамъ вѣянія Божьяго*. Отъ самыхъ древнихъ временъ человѣкъ «рвется изъ оковъ» въ настойчивомъ предчувствіи возможной иной высшей жизни, высшаго познанія. Душа, какъ абсолютная невещественность, непротяженность и въ то же время безграничная распространяемость, непроницаемость и безконечность прониканія, какъ неподвижный центръ своихъ безконечныхъ движеній, касается всѣхъ плоскостей бытія и сквозь космическую среду ощущаетъ теплоту и свѣтъ божественнаго всеприсутствія. Страстною волей вѣры, привлекающимъ чувствомъ Бога душа подымаетъ себя выше, рождаетъ въ себѣ новую безконечность, образуетъ себя въ мысль высшаго познанія. *Силой любви*, въ таинственномъ привлеченіи, мысль влечется по путямъ вѣчности, духовно проникающимъ міръ, и *чувствомъ истины* узнаетъ Бога.

Вѣра-любовь-надежда, религіозный Эросъ, уносящій душу въ міръ красоты и безсмертія, создавая идеальную духовность, достойную внутреннихъ богоявленій, преображаетъ человѣка земли и времени въ *человѣка вѣчности*. Йога—одинъ изъ путей *богопризванія*. Не ощущая своего тѣла, какъ мы не чувствуемъ давленія окружающаго воздуха, съ какъ

будто омертвѣвшими плотскими чувствами, йогинъ держится въ томъ духовномъ пространствѣ, которое, все проникая, чудно не касается матеріей и несетъ въ себѣ всю безконечность міра вещества и пространства. Йога—путь духовной *рождающей смерти*, смерти въ высь, изъ «утробы земной» въ жизнь и вѣчность. Йогинъ, достигшій «самадхи», *метапсихической жизни*, насыщенной божественностью, становится безконечно-свободнымъ, чудно-сильнымъ, «вѣчнымъ и истиннымъ». Въ «иномъ бытіи», гдѣ космическая вѣчность утопаетъ въ Вѣчности Божественной, среди священнаго покоя, ненарушаемаго «великимъ шумомъ» зримаго *Явленія Міра*, онъ вдыхаетъ Божественную Жизнь. Земное зло, счастье и плачь, все великое и низкое земли—только тѣнь, нежалѣемая, тающая тѣнь въ морѣ тишины, святого забвенія. Какъ только въ прохладномъ безмолвіи серебряной ночи, навстрѣчу грустному нѣжному свѣту луны, раскрывается во всей красотѣ мечтательный лотосъ, такъ *оживляется* и душа подъ тихимъ свѣтомъ Истины, упиваясь близостью святого присутствія. Духъ йогина, въ чудномъ срътеніи, входитъ въ единство съ Вѣчнымъ Духомъ, высшая запредѣльная жизнь «материализуется» въ его жизни, все «плотское, человѣческое» смолкаетъ въ немъ, «умершемъ во плоти» и воскресшемъ въ радости чистаго бытія, надъ которымъ безсильны время и смерть. Онъ *чувствуетъ* своего бога такъ же ярко, какъ самого себя, и его божественную сущность какъ свою. Становится «божественно-чистымъ и свободнымъ», ибо въ немъ царитъ Ишвара, Богъ Истины, который «*одинъ только своимъ Духомъ можетъ освободить весь міръ*». Въ святой тишинѣ ощущаетъ движеніе Безконечной Любви, привлеченной его любовью. Не какъ рабъ и червь, не въ чувствахъ земного праха

йогинъ сознаетъ свое Божество, — какъ духъ свободный, мудрый, прекрасный. Дивную близость узнаетъ по несравненно нѣжнымъ радостнымъ чувствамъ, — «никакія чувства любящаго, — говорятъ вишнуитскіе йогини, — не сравнятся въ тѣмъ, что онъ испытываетъ близъ возлюбленнаго». Потерявъ свою земную душу, вновь находитъ ее, бесконечно-чистую, въ образѣ вѣчности и красоты, обвѣянную истиной и любовью, подъ вѣчнымъ свѣтомъ Нирваны, того *Неявленнаго Бытія*, которое такъ бесконечно духовно и чудно, что исключаетъ всякую возможность *пересозданія* въ осязаемыя формы, всякую возможность *выраженія*, не изливаясь въ творчество «этого берега», вѣчно оставаясь на «иномъ», вдали отъ «потока міра», въ «мѣстѣ безмѣстномъ», для котораго сознаніе и мысль такъ же грубы, какъ грубо зрѣніе для духовнаго міра. «Въ *безсловномъ* познаніи (въ Йогѣ) найдешь жизнь, а не смерть (не пустое ничто)». Какъ надъ видимымъ міромъ разстилается небо, далекое и прекрасное, куда не достигаютъ ни прахъ, ни шумы земные, такъ надъ земнымъ духомъ и его сферой есть *Небо Истины*, Нирвана Брахмана, до-творческое тайное и чистое бытіе, гдѣ йогинъ, «спасшійся изъ пучины бѣдствій», находитъ свой покой при жизни и вѣчное упокоеніе за гробомъ. Въ Упанишадахъ есть слово: «разрушая, творитъ Йога», — гибнетъ въ «йога-пламени» земной человѣкъ и возстаетъ новый, въ «тѣлѣ истины». Йога вѣруетъ въ бесконечность души, въ ея *динамическую бесконечность*, въ безбрежность творческихъ силъ, зажженныхъ Богомъ, въ новую высшую жизнь, которая преображаетъ духъ, сбросившій рабскую подчиненность природѣ, въ духъ, царственный въ мірѣ, благостно-творящій. «Раджи-йогини», йогини-цари, «святые властные», являются среди могучихъ, но

механическихъ силъ природы, новыми *чисто-духовными силами*, творящими въ духѣ и истинѣ.

Упанишады даютъ едва ли не лучшей ключъ къ пониманію Йоги, чѣмъ позднѣйшіе комментаріи. То, что обыкновенно называютъ «упражненіями» Йоги, въ глазахъ йогина—*религіозное дѣйствіе*, таинство богообщенія, нѣкоторая *литургія души*, внутренняя мистерія, доступная безгрѣшнымъ, готовымъ для Божественной любви. «Какъ трудно итти по острію ножей, труденъ путь, которому учать мудрые». На вершинѣ *священнаго познанія* йогинъ чувствуетъ въ себѣ чистаго духа, внѣ времени и пространства. Какъ ни прекрасны звуки струнъ подъ рукою мастера, все же въ нихъ примѣшивается грубый звукъ вещества; какъ ни прекрасна душевная жизнь, все же она *тѣлесно-духовная*, и только въ чистой душѣ йогина, переставшей *воспринимать и чувствовать свое тѣло*, душа живетъ чистою жизнью, полна только собою. «Что въ твоей мысли есть недоступное мысли, сокрытое,—въ то погрузи сознание». Могучая воля йогина удерживаетъ весь потокъ матеріальной жизни въ состояніи замедленнаго, *неслышнаго* теченія, «плоть смолкаетъ» и духъ раскрывается въ своей глубокой сущности, связанной съ внутренней божественной тканью міра. Невообразимо прекрасная небесная жизнь заливаетъ всю душу йогина. Но нужно замѣтить, что первое правило Йоги—искать *вѣчной жизни* не ради сладкихъ наслажденій, но только ради ея божественности и истины... «На чистомъ мѣстѣ избираетъ йогинъ крѣпкое сидалище, не высоко, не низко, покрываетъ одеждой или кожей. И собираетъ духъ, удерживая бѣглую мысль, разсѣянные чувства. Неподвижно и прямо сидитъ, неподвижно вперивъ очи предъ собою, и Буддхи («я» самосознанія)

приходить къ покою, и разумъ стихаетъ, и мысль... Бездыханіе, оцѣпенѣніе тѣла, зрѣнье (мысленное, духовное), самозабвеніе, цареніе духа, вступленіе (всецѣло въ духовность)—путь Йоги... Когда достигъ покоя пятичувственный Манасъ (чувственное сознание), неподвиженъ Буддхи, открывается путь высокій... Молчитъ слово, безмолвствуетъ разумъ, затихшій въ Буддхи, и вотъ—Буддхи затихаетъ въ «Великомъ Я» (въ чувствѣ «я», какъ въ вѣчнаго духа), и вотъ—«Великое Я» затихаетъ въ Авьяктахъ («Тихомъ Я», погружаясь въ чувство неподвижной духовности)... Мудрый, непрерывно мысля святой гласъ *Омъ*, сердцемъ обнимаетъ Высшаго Бога». Конечные предметы умозрѣнія: Истина, Безконечное, Божественность, Чистое Бытіе является для йогическаго познанія не въ формѣ «сущаго мыслимаго», но со стороны ихъ внутренней жизни. «Радость невѣдомая (нездѣшняя), безначальная и безконечная (т.-е. она не начинается и не гаснетъ въ субъектѣ, но онъ самъ какъ бы входитъ въ нее, плаваетъ въ *сущемъ блаженствѣ*), вѣчная...» Таинству *возношенія души въ высшее* предшествуетъ въ йогѣ семь ступеней (анги): 1) чистота и совершенство, правда, безкорыстіе, смиреніе, бѣдность, (ибо всѣ сокровища въ мірѣ не стоятъ въ его глазахъ обрѣтенія святой «тайной силы»); 2) постъ, изученіе писаній, преданность Богу и любовь; 3) правила бдѣнія; 4) сила надъ дыханіемъ (йогинъ можетъ задерживать дыханіе до видимой полной бездыханности); 5) власть воли надъ сознаниемъ и чувствами; 6) сила собиранія духа; 7) духодѣйствіе (влекущая воля, сила *уносящей любви*, соединяющей съ Духомъ). Восьмая, увѣнчивающая ступень—*Самадхи*, вхожденіе духа въ потокъ божественной вѣчности, явленіе Бога: «Разрушены

всѣ узы, и онъ, свѣтлый, непорочный, свободный, подобясь Брахману, вступаетъ въ великое Блаженство... Въ сердце свѣтитъ Солнце, и въ Солнцѣ (свѣтящемъ въ сердцѣ) есть Огнь, и внутри его (какъ въ центрѣ) Вышній Богъ».

Йогическая философія раздѣляетъ ученіе Упанишадъ о Брахманѣ-Атманѣ, и когда комментаторъ Патанджали говоритъ: «Богъ есть Духъ, надъ временемъ сущій, имя Его—Слава», то въ этихъ словахъ нѣтъ причины видѣть «зарожденіе новыхъ теистическихъ идей, смѣняющихъ пантеизмъ Упанишадъ», какъ иногда говорятъ. Богъ-Духъ въ Упанишадахъ представляется Божествомъ, сущимъ въ себѣ, и въ то же время, какъ конечный творческій моментъ, двигатель, *принципъ* жизни въ каждой жизни, источникъ силы въ каждой силѣ, соприсущимъ вселенной. Такова и йогическая идея. Йога-Упанишадъ говорятъ о Брахманѣ-Атманѣ: «Есть въ твоёмъ духѣ таинственное, Духовное (т.-е. отъ чистаго Духа), въ мысль невмѣстимое,—въ него внѣдри свой духъ... Кто трудно узримаго, тайнаго, въ глубяхъ глубокихъ сокрытаго Старца (Вѣчнаго Атмана), жертвуя собой въ Йогѣ, познаетъ какъ Бога, тотъ оставитъ предѣлы жизнесмертнаго міра, и въ разлукѣ со здѣшнимъ, въ близи съ тайнымъ, блаженъ, чистою радостью въ Радость войдя... Брахманъ, *во всемъ—источникъ (первоначало), и для всего—высшая цѣль*. Мысль неподвижная (вѣчно равная себѣ, вѣчно наполненная Истиной), и Духъ и Пространство. Не Ничто и кажется ничѣмъ (какъ *абсолютно-непостижная* безконечность, доступная только отрицательнымъ опредѣленіямъ, (какъ «тьма паче свѣта»). Высшее выше (всего—и міра и разума) пребываетъ... Онъ все и ничто, и нѣтъ ему высшаго, не сотворенному, не пробужденному къ бытію, без-

видному, немислимому... Брахманъ, безраздѣльный, неизмѣримый, безконечный, неизмѣнный, безпричинный, безъ границъ и начала,—онъ высшее спасеніе, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни возрожденія, ни дѣйствія, ни покоя... Безстрастіе, Безмолвіе, Пробужденіе, Вѣчный миръ». Тотъ идеальный міръ, который едва мелькаетъ въ отдаленныхъ видѣніяхъ философіи, обнимаетъ всю душу созерцателя, живой, неподобно прекрасный. Душа замерла, но ее заполняетъ высшее, болѣе чистое, безконечно сильное. Кончилась тѣлесная душа, смолкла, объятая Духомъ и Блаженствомъ. «Его, у чьихъ ногъ, волнуясь во дняхъ и годахъ, текутъ времена, Безсмертный Свѣтъ, въ чьемъ свѣтѣ (раскинулись) пространства и (дышитъ) жизнь,— какъ Душу мою познаю, познаю въ немъ Безсмертье моего безсмертія.. Чистый, нераздѣльный, Жизнь и Блаженство, День незакатный... Угасла всякая скорбь, нѣтъ печали (тамъ, гдѣ) Свѣтъ, Вѣчный Покой... Въ лучахъ безконечныхъ тайный свѣточъ горитъ; одинъ лучъ высоко восходитъ, въ Жизнь Высшую идетъ, въ немъ путь души въ царство Бога... Безгрѣшно радуясь единству съ Брахманомъ, всѣхъ существъ обнимаетъ въ себѣ, ко всѣмъ простираетъ свой духъ (въ горѣннй святой любви обнимаетъ весь міръ, какъ бы всѣхъ прижимая къ сердцу)... Всѣмъ существамъ, гдѣ пребываетъ, йогинъ защиту даруетъ какъ самому себѣ (*йогическими силами* и вліяніемъ благостной воли, *рождающей* въ сердцахъ миръ и любовь)»... Муки йогина, воскресающаго въ духъ и свѣтъ изъ умирающей плотской души, въ йога—тайнѣ «умиранія—возрожденія», или «смерти для жизни», обращаются въ несравненную радость. «Чистъ отъ плоти свободный; пробужденный, онъ знаетъ: я—не она (духъ горитъ въ немъ такъ ясно и

свободно, что чувствуется самая легкая тѣнь, падающая на него отъ «движеній плоти»). Въ Духѣ живеть безмятежно, бессмертно... Тлѣнная плоть погибаетъ,—духъ вѣченъ... Живя въ мірѣ, не живеть міромъ... Желанія, страсти души и тѣла—все сгорѣло, какъ костеръ въ огнѣ,—достигнута Нирвана... Въ Немъ, Божествѣ, Истинѣ, Духѣ радость йогина». Йога начинается дѣлами *ищущей любви*, кончается дѣломъ *любви творящей*. Первая заповѣдь «пути»: «лучше небольшое добро, но отъ чистаго сердца, чѣмъ многое, но съ гордостью, хвалой, ложью; и малое добро, но отъ души, драгоцѣнно, какъ малый алмазъ, приводитъ къ блаженству»; послѣдняя заповѣдь «свершившаго путь»: «побѣдить свой умъ, рѣчь и тѣло не значитъ быть безмолвнымъ, неподвижнымъ, безмысленнымъ, но царствовать духомъ, *создавая (въ мірѣ) доброе слово, дѣло и мысль*».

Священное слово йогиновъ *Омъ*—слово «неизглаголанной тайны», съ каждымъ переливомъ трехъ (санскр. *А—и—т*) звуковъ котораго духъ йогина восходитъ выше и выше, пока «съ послѣднимъ звукомъ (не) замретъ Священное Слово, ибо—*беззвучна Вышняя Обитель* (невыразима, неизглаголема)». Нашъ старинный востоковѣдъ Сеньковскій остроумно сближалъ санскритское *Омъ* (*а—и—т*) съ славянскимъ *Умъ*, въ древнемъ смыслѣ высшаго, божественнаго разума, что довольно правдоподобно, если вспомнить выраженія старинныхъ мистиковъ: *умное дѣланіе, умная молитва*. Въ этомъ случаѣ *Омъ*, по Сеньковскому, значитъ: Богъ—Разумъ, Богъ—Духъ. Съ этимъ таинственнымъ звукомъ, *символомъ Безконечнаго, безымяннаго*, «возстаетъ Высшее... *Омъ!* гласъ Брахмана,—имъ дыши! сей звукъ небесный омоетъ душу». Поэтическая философія Йога—Упанишада видитъ «въ хра-

минѣ сердца» растущій тайный «Лотось—цвѣтокъ» (мистическая душа, небесное рожденіе Брахмана). «При А—звукѣ онъ разгорается свѣтомъ, при И—звукѣ (замирая въ неземномъ упоеніи) закрывается въ чашечкѣ, при М—звукѣ тихо, (въ мистическомъ самозабвеніи) недвижно звучить... Тогда, какъ въ чистомъ горномъ кристаллѣ переливается солнце, свѣтитъ въ душѣ какъ душа Вышній Духъ». Йогинь, при жизни вступившій въ Нирвану, обладаетъ чудесными силами. «Ни старости, ни болѣзни, ни страданій не знаетъ, облекшись въ тѣло *Йога—Пламени* (вспоминается лермонтовское «изъ пламя и свѣта рожденное слово»). Жизнь его—въ *тишинѣ Духа* (Атмана). Дѣла однихъ бѣлы, другихъ черны, третьихъ—и бѣлы и черны; ни черны, ни бѣлы дѣла йогина (ибо онъ *выше дѣль*: не достигаетъ, не свершаетъ, но есть «достигшій и свершившій», это напоминаетъ ницшеовское «выше добра и зла», но въ болѣе святомъ значеніи). Видя *Начало и Конецъ*, зная міръ, зная Бога, онъ сбросилъ всѣ узы, чистый въ Чистомъ. Безконеченъ спасенный...» Высшая цѣль Йоги — *мокша* (спасеніе) «обрѣтается въ Йога—познаніи», и «въ йогѣ въ жертву себя принеся», мудрецъ «переходитъ за грань смертной жизни, вступаетъ въ Вѣчный Покой. Какъ птица, вырвавшись изъ сѣтей, безстрашно парить въ высотѣ, такъ духъ, сорвавши всѣ узы, возносится изъ смертнаго круга». Йогинь выше живущихъ однимъ познаніемъ, «въ полныя силы йоги облеченный, онъ господинъ надъ плотью и владѣетъ господствомъ (властью) надъ свободой». Йогинь — «дѣяніе и сила», «туча добрыхъ дѣлъ»: можетъ *силою духа* творить великое добро и великое зло, можетъ убить однимъ взглядомъ, но творитъ только добро, ибо «да будетъ благо всѣмъ существ-

вамъ»—таково одно лишь *послѣднее земное желаніе* йогина. Почивая духомъ «въ неизглагольномъ, неоткровенномъ Богѣ», радостный «въ Духѣ, чистомъ и вѣчномъ, Правдѣ и Жизни и Истинѣ», онъ только присутствуетъ въ этомъ мірѣ до минуты отхожденія въ «Нирвану Бога», но не *живетъ* здѣсь: «какъ нѣтъ пламени въ сгорѣвшемъ кострѣ, такъ йогинь, сжегшій (въ йога—пламени) всѣ движенія жизни, *не—есть* здѣсь», вышелъ навсегда изъ круга возрожденій, сталъ жильцомъ иного міра, новымъ *богозарнымъ существомъ*.

БУДДИЗМЪ.

Въ одной изъ раннихъ *Джатакъ* Будда рассказываетъ: «Въ уединеніи сидѣлъ я, размышляя: какое бѣдствіе вновь и вновь возродиться, имѣть тѣло—снѣдь смерти. На рожденье, старость, гибель обреченный, я хочу искать утоленья, гдѣ нѣтъ ни гибели, ни смерти, но вѣчный покой. О, если бъ могъ освободиться отъ тѣла, жалкой хижины изъ костей, и идти въ мірѣ своимъ путемъ, о покинутомъ не жалѣя. *Есть же убѣжище, должно быть оно!* Буду стремиться, найду путь освобожденья отъ жизни! За днями бѣдствій улыбается счастье, прохладой смѣняется зной. Всюду пламя жизни пылаетъ, но есть гдѣ-нибудь покой Нирваны. Если есть путь рожденій, есть и путь *нерожденной жизни...*» Буддійское ученіе проникнуто не «разочарованіемъ въ жизни», но тѣмъ болѣе глубокимъ универсальнымъ и благороднымъ чувствомъ, которое въ прежнее время называлось «міровой скорбью», «страданіемъ за человѣчество». «Можно ли радоваться, когда есть печальные, можно ли быть счастливымъ, когда весь міръ полонъ несчастныхъ»,

вотъ высшая побудительная мысль буддизма. Проповѣдуя удаленіе отъ міра, буддизмъ говоритъ не о «бѣгствѣ отъ страданій». Самъ Будда, удалившись въ пустыню, покинулъ не бѣдственную жизнь, но рѣдкое земное счастье, удѣлъ немногихъ избранныхъ. Не въ томъ страданія мудреца, что жизнь скудна, и радости ея немноги,—и безъ радостей она можетъ быть величава, прекрасна и глубока. Его удручаетъ общій скорбный характеръ земной жизни, обычная мелкость и слабость людского духа, обидная жестокость слѣпой судьбы, смѣющейся надъ человѣческимъ сердцемъ. Буддизмъ не имѣетъ характера безвыходнаго пессимизма. Мрачный взглядъ на земную долю смягчается отрадной мыслью о безмятежномъ «мѣстѣ покоя», гдѣ утомленный духъ сладко отдохнетъ отъ тяжелаго земнаго пути. Да и чья, сколько нибудь живая, чуткая мысль не болѣла мучительнымъ недоумѣніемъ предъ ужасающимъ хаосомъ всей исторіи земнаго бытія, орошеннымъ вѣчными слезами и страдальческой кровью? Даже у «олимпійца» Гёте вырвались (въ «Фаустѣ») слова почти злобнаго отчаянія: «verflucht, was als Besitz uns schmeichelt, als Weib und Kind, als Knecht und Pflug... fluch jener höchsten Liebeshuld»... Старыя мечты о быломъ золотомъ вѣкѣ, новыя грезы о радужномъ счастьѣ классическихъ временъ,—все только обманчивыя попытки мысли, утомленной неприглядной дѣйствительностью, утѣшиться хоть прекрасной мечтой. Ницше, съ его фантастическимъ культомъ Діониса, грезилось въ древней греческой жизни чуть ли не вѣчное празднество. Какъ Шиллеръ, въ прелестныхъ гимнахъ Элладѣ, онъ видѣлъ нѣжную идиллію тамъ, гдѣ разыгрывалась тяжкая драма межъ человѣкомъ, божественными силами и рокомъ. Весь эллин-

скій міръ казался ему очаровательной сказкой. Древній эллинъ, между тѣмъ, несъ не менѣе суровый крестъ, не менѣе насъ мучился надъ странными загадками жизни и смерти. «Ни одинъ народъ, говорилъ старинный ученый, знатокъ Греціи Дёллингеръ, не почувствовалъ такъ живо и не выразилъ такъ сильно безотрадную картину земной жизни и всеобщее жалкое положеніе человѣка, какъ греки. Поэты, историки, философы часто говорили, что человѣкъ—самое достойное жалости существо, что міръ полонъ бѣдственности, и нѣтъ нигдѣ спасенія для несчастныхъ смертныхъ». Во всей всемірной литературѣ едва ли не самымъ глубокимъ мотивомъ звучитъ скорбь за человѣка, тоскливое недоумѣніе предъ загадочнымъ строемъ міра. «Осенніе листья, сорванные, носимые вѣтромъ,—такова участь людскихъ поколѣній», говоритъ Гомеръ. «Кто знаетъ, наша жизнь—не смерть ли, а смерть, можетъ быть, лучшая жизнь... О, какъ утѣшительна мысль о Благомъ Промыслѣ, но увы! какъ колеблется эта вѣра при взглядѣ на жизнь и дѣла людей,—полна превратностей, несправедлива наша судьба». Этимъ вздохамъ Эврипида и черезъ двадцать два вѣка отвѣчало такое же грустное раздумье поэта: «Мы плачемъ, рождаясь, и жизнь каждымъ своимъ днемъ объясняетъ намъ, почему». Даже юмористъ, пытаясь добродушно пошутить, говоритъ однако очень горькое слово: «Вѣкъ за вѣкомъ міръ обновляется въ новомъ изданіи, со старыми опечатками... Жизнь—кошмарная болѣзнь, сонъ—паллиативъ, радикальное средство—смерть». Даже у такого человѣка вѣры, какъ нашъ глубокой и совершенно неощененный поэтъ—философъ В. Бенедиктовъ, въ чудномъ гимнѣ Богу звучатъ байроническія струны: «Создатель, можетъ быть, во глубинѣ отъ вѣка не-

проницаемыхъ и чудныхъ намъ небесъ творишь ты новый міръ, гдѣ горестъ человѣка идетъ въ составъ твоихъ невѣдомыхъ чудесъ. Быть можетъ, это цѣль иного мірозданья, чтобъ полный грозныхъ силъ, событій вихрь земли прекрасныя созданья куда-то уносилъ. Неумягчаемость божественныхъ законовъ, быть можетъ, держитъ все, чѣмъ населенъ эфиръ...» И въ отвѣтъ на утѣшительныя рѣчи объ идеальныхъ элементахъ мірозданія раздается это полное отчаянія и горечи слово Шопенгауэра: «Нѣтъ, жизнь только безконечная охота, въ которой существа бывають по очереди то охотниками, то дичью, оспаривая другъ у друга клочки ужасной добычи». Тотъ «бунтъ», который такъ мучительно волнуетъ въ мятежно-геніальныхъ вспышкахъ Достоевскаго, въ этомъ гордомъ «почтительномъ возвращеніи билета на входъ» Ивана Карамазова, за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Достоевскаго съ такою же силой возмущенія вырвался у французскаго поэта А. де-Виньи: «Я чувствую проклятіе, постоянно тяготѣющее надъ моей головой, и, не зная своего преступленія, не выслушавъ суда, я томлюсь, осужденный, въ темницѣ. Я примиряюсь со всѣми свсими несчастіями и только благословляю за каждый день, который обошелся безъ новыхъ... Или—осужденіе на смерть, или—осужденіе на жизнь, вотъ двѣ вѣроятности. За что, откуда это осужденіе—не узнаемъ никогда. Документы великаго суднаго процесса исчезли,—безполезно ихъ искать... Онъ придетъ оправдаться предъ всѣми душами и предъ всѣмъ, въ чемъ есть жизнь. Онъ явится и будетъ говорить и скажетъ ясно, зачѣмъ твореніе и зачѣмъ страданія и смерть невинности. Въ ту минуту родъ человѣческой будетъ судьей... и будетъ судъ поколѣній, осужденныхъ на жизнь...» Есть ли что мрачнѣе размышленій

де-Виньи надъ загадочнымъ словомъ: «и сына не пожалѣлъ»?.. Какимъ холоднымъ и гордымъ блескомъ побѣжденнаго и непобѣдимаго Люцифера проникнуть этотъ «отказъ отъ неба» де-Виньи: «Вѣчному холодному и безучастному молчанію небесъ отвѣтимъ холоднымъ молчаніемъ... Страдай безмолвно и въ гордомъ безмолвіи умри...»

Имѣя въ виду разнообразіе современныхъ буддійскихъ ученій, казалось бы, слѣдовало говорить скорѣе о буддизмахъ, чѣмъ буддизмъ. Однако, единство нравственнаго ученія и всюду сохранившееся неизмѣннымъ «Слово Будды» позволяютъ выдѣлить общую для всѣхъ буддійскихъ культовъ, не измѣнившуюся въ потокѣ времени, основу, «Буддха—Дхарму». «Система буддизма, говоритъ Фужишима, очень обширна и разнообразна; она должна была измѣнять внѣшнія формы, сообразно съ временемъ и мѣстомъ. Если взглянуть поверхностно, невозможно допустить, что буддизмъ есть созданіе только Будды. Между тѣмъ, пытливыя изслѣдованія разныхъ системъ показываютъ, что Хинаяна и Махаяна происходятъ изъ одного и того же первоначальнаго источника. Кромѣ того, нужно различать въ буддизмѣ двѣ формы: внутреннюю и внѣшнюю. Первая всегда едина и неизмѣнна, вторая же измѣняется примѣнительно къ обстоятельствамъ». Будда сталъ божествомъ въ глазахъ вѣрующихъ очень рано, если только уже во мнѣніи современниковъ не былъ лицомъ необычнымъ, «пути котораго невѣдомы». Буддизмъ связанъ съ древнею вѣрою въ Буддъ, существъ особеннаго, божественнаго порядка, на которыхъ почиваетъ духъ иного міра. Болѣе религіозныя теченія этой вѣры говорятъ о Буддахъ, нисходящихъ съ небесъ, несущихъ Откровеніе; болѣе философскія—о необычныхъ герояхъ

мудрости, силою любви и мысли «срывающихъ покрывало съ лица міра», *исхищающихъ* сокровенную Истину. Ученіе о Буддахъ міровыхъ эпохъ придаетъ вѣрѣ, въ глазахъ послѣдователей, универсальный характеръ: всѣ Будды возвѣщали единую, вѣчно сущую истину, въ какія бы одежды познанія и вѣры ни облекали ее въ связи съ своимъ временемъ и мѣстомъ. О Готамѣ, «зрѣвшемъ всѣхъ Буддъ», слѣдовательно, *Буддъ вѣчномъ*, если только не *предвѣчномъ*, говорится даже въ старѣйшемъ палійскомъ канонѣ. О рожденіи Будды (въ 623 г. до Р. Х. по счисленію южныхъ буддистовъ и въ 1027 до Р. Х. по японскому) легендарная біографія Лалита-Вистара рассказываетъ какъ священномъ событіи въ исторіи вселенной. Зачатый божественно-тайнымъ образомъ и рожденный «женою, юной, непорочной и чистой», умершей черезъ семь дней, дабы чувственное чело-вѣческое прикосновеніе не осквернило ту, которая носила во чревѣ божественное существо, онъ явился въ міръ давно ожидаемымъ свышнимъ пришельцемъ. Зачатіе и рожденіе сопровождалось чудесными знаменіями, небесные духи воспѣвали его пришествіе: «Родился несущій спасеніе, воздвигнетъ праведное царство, разсѣетъ тьму міра. Слепые увидятъ, глухіе услышатъ, къ безумнымъ возвратится разумъ». Буддъ воспѣвается такой гимнъ: «Въ міръ тварей, издревле мучимомъ бѣдственнымъ состояніемъ природной грѣховности, ты явился, царь и цѣлитель, освободившій насъ отъ зла. Съ твоимъ пришествіемъ божества и люди исполнились благоволенія... Покланяюсь тебѣ, побѣдитель царя лжи, цѣлитель, принесшій совершенное врачеваніе. Слово твое истинно, путь твой—путь вѣчный, небеса и земля неложно славятъ тебя, Несравненный. Нынѣ явился ты, свѣтъ Истины, ра-

зорившій грѣхъ и тьму, о, Смирение и Величіе! О, Сладкій Голосъ, поклоняюсь тебѣ. Тихое Сердце!» и т. д. Нужно замѣтить, что и въ болѣе древнихъ текстахъ пали біографіи не менѣе легендарны. Выраженіе: «существо его Дамма (Истина), существо его Брама (Богъ), онъ *Богъ и Истина*», довольно обычно. Болѣе рѣдко встрѣчающееся выраженіе: «Ади-Буддха, предвѣчный, вмѣстившій Дхарму, Буддхи и Бодхи», намекаетъ на какую-то или затерявшуюся, или же не сформировавшуюся буддологію. Самое слово Будда значитъ «облеченный въ Боди (Бодхи)», т.-е. въ идеальное Совершенство Разума, Сердца и Воли. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ Будда представляется внѣмірнымъ существомъ, сущимъ въ самыхъ Таинницахъ бытія, «бесѣдовавшимъ» съ Брамой, вѣщавшимъ ему нѣкое, невѣдомое до него *Слово Новаго Закона* (Даммы). Даже о земномъ тѣлѣ Будды сказано, что оно «не отъ плотскаго естества родителей». Самое хвалебное имя Будды—*Татхагата* значитъ: «такъ пришедшій» (какъ и прежніе Будды), или «того же пути», «того-же духа» (какъ и прежде нисходившіе Будды), или—и этотъ переводъ впервые указанъ нашимъ стариннымъ знатокомъ монгольскаго буддизма о. Іакинфомъ,—«паки пришедшій» (т.-е. Вѣчный Будда, вновь явившійся въ мірѣ въ новомъ воплощеніи). Образъ *Божественнаго Будды* обыченъ въ древнихъ палійскихъ текстахъ: «Скрестивъ стопы, недвижимый пребываю и Силой Любви, во Мнѣ сущей, простираюсь во всѣ концы міра, ввысь, внизъ и окрестъ; во всѣ міры, на все и на всѣхъ, простираюсь Силой Любви, во Мнѣ сущей, великой, неизмѣримой, безпредѣльной, и нѣтъ и тѣни зла и жестокости въ любви Моей». Даже современные ученые буддисты, на видъ очень позитивные, признають

Божественность Будды: «Вѣчность и Безконечное Блаженство, говоритъ пр. Курода,—*сущность Будды. Мы не можемъ собственными силами, безъ Свѣта Будды, освободиться въ этой юдоли страданій и тлѣнности*». Интересно отмѣтить рѣдкую набожность японскаго ученаго: въ заголовкѣ своихъ трудовъ онъ ставитъ священный знакъ Будды, символъ свѣта (бога Агни) въ ведійское время, и молитвенную формулу *буддхамъ саранамъ гаччхами* (да будетъ убѣжищемъ мнѣ Будда!), а одно сочиненіе начинается даже такъ: «призывая на помощь Будду (молясь) и вопрошая древнія писанія мудрыхъ, я» и т. д. Комментаріи Куроды написаны въ духѣ своеобразной позитивной метафизики, о Буддѣ говорится какъ міровой сущности и трансцендентномъ принципѣ правды, добра, истины, а между тѣмъ повсюду въ рѣчахъ о Буддѣ прскальзываетъ религіозный лиризмъ и полная вѣра въ дѣйствительную божественность учителя: «Въ Буддѣ, какъ историческомъ явленіи, мы чтимъ его истинную *сущность*,—другими словами: историческій Будда есть соединеніе двухъ аспектовъ: природно переходящаго и *Сверхъестественно Вѣчнаго*... Будда, свободный отъ узъ, обрѣтшій Нирвану, въ вѣчномъ покоѣ и блаженствѣ Нирваны—*Есть Онъ!* Онъ воплотилъ въ своемъ существѣ Вѣчную Истину. Если, говоря о Буддѣ, будемъ видѣть въ немъ только историческую личность, значитъ мы не познали *Существа (Естества)* Будды и внутреннимъ образомъ не пріобщились ему. Будда, котораго мы чтимъ, есть тотъ *Будда*, естество котораго—вѣчность и безконечное Невыразимое Величіе... Будда, возвышенный, *пришелъ* въ этотъ міръ изъ состраданія къ нашей бѣдственной участи... Существо Будды чрезвычайно глубоко и *неисповѣдимо*; нельзя познать его ни чрезъ

таинственную интуицію Могдальяны (мистикъ буддизма), ни чрезъ тонкую философію Шарипутры (метафизикъ буддизма), и онъ самъ училъ, что Совершеннаго нельзя познать подъ формою его *земного явленія*... Только тотъ достигнетъ Сукхавати—Вьюха (Долина Блаженствъ), кто можетъ дышать духовною атмосферою Сукхавати, чья душа вся насквозь проникнута *Свѣтомъ Будды*...

Палійскіе тексты говорятъ: все преходить, преходить и *міръ боговъ*,—самыя божества мѣняють свой ликъ и имя, вѣрнѣе: мѣняются ихъ образы въ людской мысли,—вѣчна и неподвижна только Истина, божества же истинны лишь поскольку они гармонируютъ съ *духомъ Истины*. Въ Буддѣ *«восуществилась Истина»*, *стала Жизнью и Словомъ*. «Кто будетъ искать меня, говорилъ Будда, по образу моему, тотъ не найдетъ меня; кто исполнить ученіе мое, приблизится ко Мнѣ, и Я буду съ нимъ». Таковъ-же взглядъ и современнаго буддизма: «кто достигъ совершенной чистоты и мудрости, тотъ сталъ единъ съ Духомъ Будды», говоритъ Нагао. Тѣмъ не менѣе реликвиі Будды пользуются поклоненіемъ, первое мѣсто среди нихъ занимаетъ святой фікусъ, подъ которымъ Будда достигъ прозрѣнія, — священный символъ: Бодхи-Древо (Древо Познанія). Статуи и образы Будды читались въ самыя далекія времена буддизма: «когда, говоритъ буддистъ-профессоръ Нарасу, глядятъ на образъ Будды, смолкаетъ въ сердцѣ всякая вражда, нисходитъ миръ». Нужно замѣтить, что нигдѣ, даже среди болѣе грубыхъ и суевѣрныхъ формъ у сѣверныхъ буддистовъ, «почитаніе Будды», не заглушаетъ «послѣдованія Буддѣ», духъ же Будды, во всѣхъ вѣтвяхъ буддизма,—«великое милосердіе ко всѣмъ живымъ существамъ, безъ изъятія». Во всѣхъ ли «словахъ

Будды» мы имѣемъ подлинное слово учителя,—это, конечно, никогда не будетъ выяснено съ безусловной точностью; болѣе того, помня о долгой средѣ передачи и толкованій, не забывая о возможности искаженій болѣе мелкими умами учениковъ, думаемъ, что къ буддизму, какъ и другимъ величайшимъ ученіямъ, приложимо правило: подлинныя слова ученія были *несравненно выше и прекраснѣе*, нежели та форма, въ которой они запечатлѣлись въ преданіи, писаніи, и особенно въ комментаріяхъ. Конечно, феноменальная память индійскихъ ученыхъ,—и теперь брахманы знаютъ наизусть огромныя Веды,—и сравнительная скорость записи говорятъ за возможно большую точность «словъ Будды», по крайней мѣрѣ въ краткихъ стихотворныхъ изреченіяхъ, довольно однообразно повторяющихся въ различныхъ текстахъ, тѣмъ не менѣе позднѣйшія «нарощенія» вполне очевидны. Напримѣръ, Готама, съ такимъ сарказмомъ бичевавшій, особенно въ «Суттѣ-Нипатѣ», схоластическую изощренность брахманъ, самъ въ другихъ текстахъ является чистѣйшимъ схоластикомъ невыносимо-тягучей «буддійской метафизики». Но,—послѣдователи Будды знаютъ и видятъ въ немъ только образъ небесной любви, милости и правды, чтутъ божественное существо, указавшее путь спасенія, Нирваны. То обаяніе, которое, судя по старымъ палийскимъ текстамъ, Будда производилъ на окружающихъ, чудная сила, которая мягко и нѣжно привлекала къ учителю, и по его смерти жили и живутъ въ его образѣ и словѣ. Сохранился рассказъ китайскаго пилигрима: какъ будто подъ притяженіемъ какой-то чарующей силы, увлеченный «святымъ видѣніемъ», онъ идетъ въ далекую Индію, чтобы видѣть ту землю, гдѣ ходилъ учитель, дышать воздухомъ, въ которомъ

звучали «неземныя слова». Этому обаянію личности Будды, дивной душѣ, которая, какъ живая, сквозитъ въ его словѣ, буддизмъ и обязанъ распространеніемъ, проникая всюду безъ «огня и меча», ни одной каплей крови не запятнавъ свой путь. Буддизмъ— философія побѣды надъ роковой сущностью міро-зданія. Далекій мудрецъ поставилъ себѣ страшно великую, можетъ быть, даже безумную, на нашъ взглядъ,—безумную, но святую,—цѣль освободить чело-вѣка отъ рокового зла и страданія, ставшихъ самой *душой* нашего міра. Будда хотѣлъ создать *чистую религію Истины*. Хотя буддійскій культъ развился позднѣе вокругъ имени учителя, но уже въ самой проповѣди Будды былъ культъ единого божества всѣхъ мудрыхъ, свободныхъ и высокихъ душъ— культъ Истины. Будда осудилъ неоправдимое страданіе, лежащее въ роковой суровой структурѣ міро-зданія, какъ *недолжное, неблагое, неистинное*. Мудрецъ любви, онъ стремился вдохнуть въ потокъ міра, уносящій къ хаосу, гибели и смерти, новое прекрасное движеніе, несущее къ истинѣ, величію, красотѣ. Изъ нѣдръ темнаго бытія не течетъ любовь тихимъ и ласкающимъ извѣщеніемъ,—Будда мечталъ влить ее въ міръ отъ прекрасной души, ясной, глубокой какъ небо, какъ вѣчное счастье. Одно уже чувство недо-умѣнія предъ нравственной несправедливостью міро-зданія говоритъ за то, что чело-вѣкъ выше природы и въ этой *вѣрѣ* въ «должную» правду хранить глубокое *знаніе Истины*. Буддійская «критика божественнаго», развѣнчавшая популярныхъ боговъ съ ихъ пристрастными, «слишкомъ чело-вѣческими» чувствами и мы-слями, говорила какъ все же, при свѣтѣ Вѣчной Истины, *судящей съ высоты должной правды встѣмъ мірамъ, земнымъ и божественнымъ*, далеки эти боги

отъ чистаго *Идеала*, какъ суетна ихъ слава, груба торжествующая сила,—что только чудное *Совершенство Любви* достойно царить надъ міромъ, что есть *Идеальное Бытіе*, и въ него можетъ войти человѣкъ, и найдетъ жизнь—правду, жизнь—красоту, жизнь—чистую радость. Если все это, на современный позитивный взглядъ, только золотая легенда, и тогда славенъ мудрецъ, навѣвавшій множеству людей, томимыхъ горькою земной долей, такіе сны нѣжнаго утѣшенія. Проповѣдь безгнѣвія, любви до самозабвенія и жертвы, кротости, пощады, милости—больше чѣмъ простая гуманность и возникла изъ ученія Будды о спасеніи, какъ *освященіи* началъ міра, *преображеніи* духа, *угашеніи* стихійнаго зла. Отсюда же идетъ универсализмъ буддійской морали: для насъ весь остальной безбрежный міръ суц'ствъ заслоненъ величіемъ человѣка, мы видимъ въ немъ только декорации міровой сцены, на которой разыгрывается драма нашей земной жизни, и только; буддизмъ же вводитъ въ міровую драму все живущее, для всѣхъ признавая право на жизнь, свободу, счастье. Моральное ученіе буддизма требуетъ высшаго нравственнаго совершенства и дѣятельной любви. Какъ извѣстно, иногда видятъ въ морали Будды только «холодное равнодушіе», «мертвую беззаботность» о вещахъ міра, чисто аскетическую безчувственность одинаково и къ злу и къ добру. «Равнодушіе къ міру», обязательное для буддійскаго монашества, извѣстно въ монастырскихъ уставахъ всѣхъ религій; общее же нравственное ученіе одинаково и для аскетовъ и для мірянъ, проникнуто *духомъ* милости, любви и терпѣнія. Формула: «выше (или: далеко отъ) любви и ненависти», давшая поводъ къ обвиненію въ *абсолютной безучастности*, не выражаетъ съ полной точно-

стью буддѣйскѣй смыслъ слова, именно потому, что наше слово «любовь» одинаково прилагается и къ любви возвышенной, святой, божественной, и къ любви низменной, чувственной, даже самой грязной, тогда какъ пали располагаетъ двумя словами для характеристики обоихъ родовъ любви: *кама* (чувственная) и *метта* (идеальная), параллельно греческимъ: *eros* и *аgape*, и латинскимъ: *amor* и *caritas*. Порицая первую,—но только въ ея грѣшныхъ проявленіяхъ, такъ какъ непорочная супружеская любовь благословляется въ буддизмѣ въ границахъ мірской жизни,—буддизмъ признаетъ вторую обязательной для всѣхъ, а для монаховъ въ ея высшей йогической формѣ. Буддѣйская мораль не только далека отъ «безучастности», но вызвала въ свое время въ буддѣйскихъ странахъ разныя гуманныя учрежденія: дома для нищихъ и убогихъ, больницы для животныхъ, благотворительныя заботы о сиротахъ и бѣдныхъ, колодцы на дорогахъ для жаждущихъ и пр. «Любовь—спасеніе сердцемъ» говорятъ буддисты, какъ есть спасеніе волей, мыслью, религіозною вѣрой. «Избѣгать всего грѣховнаго, дѣлать добро, просвѣщать свое сердце, учить заблудшихъ,—вотъ вѣра Буддхы». Любовь—показатель идеальнаго совершенства одинаково и для земли и для неба: «въ какомъ бы мірѣ ни пребывало существо, оно прекрасно только *состраданіемъ*». Никакой грѣхъ и зло не могутъ быть, по буддѣйскому ученію, погашены внѣшнимъ образомъ, но только очищены, искуплены въ самомъ грѣшникѣ подвигами, личными страданіями и любовью. Въ то же время буддизмъ подчеркиваетъ свое требованіе любви ко всѣмъ существамъ только ради *самой любви*, а не изъ-за «выгодъ спасенія»: «ищите любовь ни ради пользы ни ради сладости любви».

Эта заповѣдь: не искать ни земныхъ, ни небесныхъ наградъ за добро, даже къ Нирванѣ стремиться не ради ея блаженства, но совершенствоваться ради высшаго идеала, ради безкорыстной любви къ духовной и прекрасной жизни, ради благороднаго презрѣнія къ низменной и грѣховной, проникаетъ всю буддійскую мораль. Извѣстный буддологъ Ольденбергъ полагаетъ, что буддизмъ говоритъ: уйди отъ людей, тогда какъ завѣтъ европейской морали: иди къ людямъ съ любовью. Однако, «удаленіе отъ людей» извѣстно въ ученіяхъ всѣхъ религій, гдѣ только есть аскетическій, монастырскій элементъ. Болѣе того, жажда *счастья одиночества* свойственна многимъ людямъ *вышей природы*, утомленнымъ докучной пошлостью шумной жизни, мелкими людьми, мелкими характерами: «ахъ, говоритъ Гёте, люди невыносимо плоски и методически-абсурдны; кто проживетъ сколько я, тотъ научится ихъ вполне презирать». Между тѣмъ, Ольденбергу, конечно, извѣстна своеобразная буддійская *Молитва Любви*, Майтри,—йогическое *молитводѣйствіе любви* къ міру, таинственное излученіе духа въ *карунъ* (состраданіи), *мудитъ* (благоволеніи) и *упекитъ* (обрадованіи). Даже въ этихъ сказкахъ, такихъ странныхъ на западный взглядъ, какъ *джатаки*, легенды о воплощеніи Бодисаттвы въ слона, тигра и т. д., лежитъ въ сущности чудная идея *сострадательнаго переживанія божествомъ тяжелой доли всѣхъ земныхъ существъ, обреченныхъ на иго жизни*. «О, если бы всѣ, говорилъ Будда, повиновались голосу состраданія. И днемъ и ночью храню безгнѣвное сердце, ко всѣмъ существамъ сердце благое, не враждебное никому. Я возлюбилъ змѣю и птицу, и звѣря и насѣкомое возлюбилъ... Кто несетъ мнѣ страданіе и кто даетъ радость, оба равны

для меня. Миръ свершился во мнѣ». Упасакамъ, вѣрующимъ мірянамъ, буддизмъ предписываетъ не грѣшить, не лгать, не убивать живыхъ существъ, не пить хмельныхъ напитковъ, вести непорочную семейную жизнь, заниматься непостыдными промыслами, отнюдь не торгуя оружіемъ, людьми, мясомъ, виномъ, ядомъ. «Чистота сердца, состраданіе, пощада, милость, покой души»—первыя заповѣди буддизма. Ольденбергъ и другіе указываютъ на презрительно-высокомѣрное отношеніе къ женщинѣ, нужно замѣтить, съ большимъ преувеличеніемъ. Не говоря о Vollнѣ уважительномъ отношеніи къ женщинѣ—мірянкѣ, Будда считалъ женъ достойными быть его ученицами. Принявъ въ братство жену Висаку, онъ сказалъ: «Развѣ Будды рождаются ради однихъ мужей? Развѣ Висака не вступила на Истинный Путь? Врата отверзты и для мужей и для женъ». Въ буддійскихъ книгахъ не рѣдки рассказы о женщинахъ замѣчательнаго ума, объясняющихъ ученіе малосвѣдущимъ монахамъ, великихъ проповѣдницахъ, способныхъ вести тонкіе философскіе дебаты о предметахъ вѣры.

«Ни травы, ни зерна не повреди. Взгляни, даже звѣри живутъ въ довѣріи межъ собою, въ мирѣ, съ (взаимнымъ) участіемъ. Да не будетъ между людьми ни раздоровъ, ни гнѣвныхъ словъ, ни ссоръ, ни попрековъ. Не должно убивать, ни допускать убійства никакихъ живыхъ существъ, никому не причинять вредъ, ни сильнымъ, ни слабымъ, живущимъ въ страхѣ за свою жизнь, постоянно дрожащимъ. Будь добръ и милостивъ ко всѣмъ существамъ, всѣхъ встрѣчай любовью, дѣлай всѣмъ добро. Молящаго о прощеніи не отринь, отъ просящаго помощи не отвернись. Злоба не побѣждаетъ злобу, побѣждаетъ любовь—такое

вѣчный законъ. Кротость прекраснѣе кадилныхъ ароматовъ: Если хочешь почитать меня (Будду), будь сострадательнѣе. Не гнѣвайтесь, если при васъ порочать меня, мое ученіе, моихъ учениковъ. Если монахи и духовные другихъ вѣрѣ въ нуждѣ и просятъ васъ о помощи, не удерживайтесь отъ щедрости, снабжайте въ чемъ имѣютъ нужду. Пусть милосердіе ваше будетъ *дѣломъ*. Какъ мать всю жизнь свою хранитъ своего сына, единственнаго, такъ и ты склони сердце ко всѣмъ существамъ. Весь міръ вмѣстите въ любви своей, безъ изытія, не различая ни вражды, ни ненависти. Трудясь или отдыхая, сидя или въ пути, усердно питайте ту *мысль любви*,—мысль радости, состраданія, мира». Насколько глубоко буддизмъ проникаль въ жизнь какъ начало высшей культуры, видно изъ сохранившихся надписей царя Пійядаси-Асока, могущественнаго покровителя буддизма, принявшаго вѣру въ 256 г. до Р. Х. Личность благороднаго царя въ высшей степени привлекательна. «Если величіе человѣка, говоритъ Кёппенъ, можетъ быть измѣрено числомъ сердець, которые свято чтутъ его память, и числомъ устъ, которые произносили и теперь произносятъ съ благоговѣніемъ его имя, тогда, конечно, Асока выше Цезаря и Карла Великаго». Въ этихъ надписяхъ какъ живой вѣетъ благородный, нѣжный духъ буддизма: «Надписью этой, которую здѣсь на скалѣ начерталь, заповѣдую потомкамъ не предпринимать завоеваній. Должно познать, что завоеванія мечомъ недостойны имени побѣды, ибо запечатлѣны варварствомъ. Да помнятъ потомки, что нѣтъ (иной достойной) побѣды, кромѣ побѣды вѣры... Истинная вѣра—любовь и милость... Служеніе Богу состоитъ въ милосердіи, любви, справедливости, чистотѣ, добротѣ, благородствѣ, благоволеніи... Не суевѣрные обряды,

но доброта къ слугамъ и подвластнымъ, безгнѣвіе, милость ко всѣмъ живымъ существамъ, благія дѣла;— вотъ *обряды*, которые да свершаютъ повсюду. Царь Пійядаси, возлюбленный Божій, желаетъ, чтобы всѣ вѣры повсюду были свободны. Я приказаль рассадить на путяхъ бананы, дабы люди и звѣри находили тѣнь и прохладу, и вырыть колодези, для питья повсюду, на пользу людямъ и звѣрямъ. Да пребываютъ всѣ въ согласіи, съ терпѣніемъ относясь къ вѣрѣ другихъ. Всѣ люди для меня какъ дѣти (мои); какъ дѣтямъ я желаю счастья и благополучія здѣсь и въ иномъ мірѣ, такъ желаю и всѣмъ людямъ. Только Иной Міръ почитаетъ великимъ благочестивый (Асока). Щедрую милостыню раздаю всѣмъ. Вижу долгъ свой въ трудахъ на общее благо. Никто бы не имѣлъ страха предо мной, (всѣ) имѣли бы довѣріе ко мнѣ, и чрезъ меня только счастье, а не несчастье находили. Всѣ вѣры ищутъ благочестія и чистоты сердца. Да будетъ каждый чистъ сердцемъ, сдерженъ и крѣпокъ въ любви и добрѣ. Царь Пійядаси чтитъ всѣ вѣры и желаетъ, чтобы добрая слава и *Истина* (какъ неизмѣнная, существенная часть) всѣхъ ученій возрастали. Царь Пійядаси привѣтствуетъ братство Магадхское, желаетъ благоденствія. Вы знаете, достопочтенные, какъ велико мое почитаніе и привязанность къ Буддѣ, (его) Закону и Братству. Все возвѣщенное Буддой есть благо. Всѣ вѣры стремятся къ чистотѣ сердца и обузданію чувствъ. Но разнообразны желанія и наклонности челоуѣка. Всѣ вѣры *Все* (или: полный *свой идеаль*, или: *Абсолютную Истину*, многообразно и частично отражающуюся въ истинахъ каждой вѣры) только частью осуществляютъ...» Въ Асокѣ можно бы видѣть Марка-Аврелія Индіи, съ своей философской высоты одинаково терпимо и

одинаково безстрастно относящагося ко всѣмъ вѣрамъ, если бы онъ не принялъ буддизма. Теперь же въ его терпимости, въ безпристрастїи «къ саманамъ и брахманамъ, джайнамъ, вишнунитамъ и всѣмъ другимъ вѣрующимъ» надо признать не только величіе его духа, но и величіе милосердной вѣры, которая теплилась въ его сердцѣ. Изъ надписей смотритъ самъ Будда, нѣкогда сказавшій: «Если какія ученія ведутъ къ радости, а не страданію, къ смиренію, а не гордости, къ желанію истиннаго, а не мнимаго, къ миру, а не враждѣ,—истинно! вы должны узнать сердцемъ, что это правда, что это—*ученіе Учителя*».

Благословляя нравственную и благочестивую жизнь мірянъ, буддизмъ все же признаетъ высшею жизнью «святое отшельничество», обожествленную жизнь йогина. Душа,—вся проникнутая уже не *чувствомъ* любви и добра, но сильная—*силою любви, благой и святой волей*,—единственная защита мудреца, живущаго въ лѣсу, среди хищныхъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй и гадовъ. Ни страха, ни вражды нѣтъ у него въ сердцѣ, и животныя покоряются одному его взгляду, подчиняясь *благой власти*. Высшее чувство йогина—*метта*, «святая любовь», дыханіе любви ко всему живущему. Западному пониманію йогизма много мѣшаетъ сосредоточенность нашей мысли на *статикъ* познанія и духа, тогда какъ йогизмъ—явленіе *высшей динамики, высшей дѣйственности* духа. Конечной ступенью йогическихъ тайнодѣйствій является Созерцаніе и Любовь (метта, или санскр. майтри),—*вѣяніе* души къ міру состраданіемъ, сочувствіемъ, покоемъ святымъ, любовью. «Путникъ святого пути, благой въ мысли, познаніи, въ рѣчи, дѣлѣ, чистый, недоступный силѣ грѣха и плоти», уединяется въ пещерѣ, въ ущельѣ, въ чащѣ лѣса, на

тихомъ погостѣ, «незлюбивый, съ сердцемъ правды, съ сердцемъ любви ко всѣмъ существамъ, чистый». Забывши весь міръ обольщенья и зла, недоступный никакимъ земнымъ впечатлѣніямъ, «погружается духомъ въ нѣдра мира, прекраснаго, чуднаго». Тогда, «возвышаясь надъ (тѣлесными) взоромъ, чувствомъ и мыслью, входитъ (духомъ) въ *Покой* глубокой и чудный, (полный) чистой (отъ всякихъ чувственно-тѣлесныхъ примѣсей) радости. И возвышаясь, пребываетъ въ *Безстрастїи*, съ духомъ яснымъ, о чемъ говорятъ святые: «блаженъ безстрастный, яснымъ духомъ парящій». И возвышаясь, выше печалей и радостей, входитъ въ неподвижныя глубины духа, чистѣйшаго,—въ *Святую Тишину*, неподобную, неизслѣдимую, безконечную. И свѣтитъ въ немъ *Сердце Любви* во всѣ концы міра, и небеса и бездну и весь кругъ земной, все, всѣхъ и всюду обнимаетъ любовью, глубокою, безграничною, безъ тѣни гнѣва. И свѣтитъ *Сердце Состраданія* во всѣ концы міра, и небеса, и бездны, и весь кругъ земной, все, всѣхъ и всюду обнимающая состраданіемъ, безграничнымъ, глубокимъ, безъ тѣни гнѣва. И свѣтитъ въ немъ *Сердце Радованія*... и свѣтитъ въ немъ *Сердце Тихое* (и т. д.). И, восходя надъ міромъ именъ и образовъ, входитъ въ *Мѣсто Безмѣстное* (внѣпространственное бытіе), и, восходя, восходитъ въ *Духъ Безконечный* (чистую духовную сущность), и, восходя, восходитъ въ *Жизнь Безжизненную* (новую, неизъяснимую жизнь, не облеченную ни въ какія, ни извѣстныя, ни вообразимыя формы), и возвышаясь надъ всѣми предѣлами Жизни и Познанія, исходитъ за предѣлы доступнаго (погружается въ *самыя нѣдра истоковъ всякаго бытія*), и послѣдняя тѣнь земная (на его духъ) угасаетъ въ *Чистомъ* (въ немъ, ставшемъ въ то мгновеніе абсолютно-незем-

нымъ, запредѣльно-чистымъ существомъ)». Съ самыхъ первыхъ временъ по смерти Будды и до нашего времени буддизмъ сталъ въ глазахъ послѣдователей полною религіей, гдѣ Божествомъ является *Истина*, а сущимъ Духомъ и словомъ Истины—Будда. «Мы,—говоритъ современный ученый буддистъ Нагао,—возлагаемъ свои надежды не на образы и статуи Будды. Какъ наши слова только символы, такъ и свои идеи можемъ выразить только въ символахъ, но наше сердце и мысль связаны съ тѣми истинами, которыя образно выражаются въ этихъ символахъ. Наша молитва предъ образомъ Будды значить, что мы хотимъ привести свой духъ въ полную гармонію съ Буддой, а Будда есть Чистота, Любовь, Сожалѣніе, Правда, Добро. Буддисты призываютъ имя Будды не для того, чтобы вызвать его милость, изменить его волю, умолить его простить наше зло и грѣхи. Ибо,—какъ сказано въ *Брамаджаласутрѣ*,—если человѣкъ говоритъ, мыслить или дѣйствуетъ со зломъ, за нимъ слѣдуетъ зло и страданіе, какъ колесо за пятою вола; кто мыслить, говорить и поступаетъ отъ благого сердца, за тѣмъ слѣдуетъ радость, и какъ тѣнь никогда его не покинетъ. Никто да не думаетъ легкомысленно о грѣхѣ: ничего не возрастетъ изъ этого для меня! Какъ кружка наполняется капля за каплей, такъ безумецъ весь проникается зломъ, по малу творя злое». Люди, по ученію буддистовъ, спасаются не милостью Будды, но подъ сѣнью его заповѣдей *правды и любви*. Самъ Будда—только путеводный свѣтъ, выводящій человѣка изъ этой пучины зла и страданія къ *Иному Берегу*. Нашъ міръ,—говорятъ буддисты,—«Превратность, Суета и Страданіе», въ самой основѣ буддизма лежитъ *критика мірозданія*. Задолго до германской философіи

въ буддизмѣ уже слышались слова: мнимый міръ, мнимая жизнь, лжеличность, міръ только наше представленіе, видимый міръ—не-сущность, форма и имя—не дѣйствительность. Буддизмъ училъ объ условности нашего сознанія: «чувственное сознаніе обусловлено чувствами, тѣлесное—тѣломъ, мыслительное—мыслью и представленіемъ». Поэтому буддисты наряду съ тлѣнностью тѣла признаютъ и «тлѣнность *земного* сознанія», которое «безпрестанно измѣняется». *Невъѣдѣніе*, отсутствіе истиннаго познанія, обрекаетъ насъ на относительное и условное (въ формахъ пространства, времени, вида, имени и т. д.). Этотъ иллюзорный міръ, такъ сказать, «міръ по чело-вѣку», есть, въ сущности, наше представленіе о немъ; чело-вѣкъ отбрасываетъ на міръ свои миражныя представленія, невѣдомую сущность облакаетъ въ свои «имена и формы». Соприкасаясь съ нимъ посредствомъ орудійнаго познанія (тѣломъ и его органами), онъ связывается съ нимъ въ этой средѣ «прикосновенія» цѣлымъ міромъ возбужденныхъ чувствъ, идей, желаній, влеченій, похотей, страстей, которыя и увлекаютъ чело-вѣка въ круговоротъ *Смертной Жизни* съ ея призрачнымъ, мимолетнымъ содержаніемъ. Привязанность къ жизни становится *жаждою жизни*, второю непреоборимою природою чело-вѣка. Въ ней Будда видѣлъ «причину всѣхъ причинъ», источникъ рабства чело-вѣка у стихійнаго міра, могучую силу притяженія, которая держитъ существо въ этой средѣ «бесконечныхъ перерожденій». Отягченный грѣхами въ одномъ существованіи, переходитъ въ новое, неся всю тяжесть своихъ *неугасимыхъ грѣховъ*; омытый доброю жизнью и подвигами, переходитъ въ новыя формы съ болѣе свободной, чистой, совершенной душой. «Дѣла чело-вѣка идутъ вслѣдъ за

нимъ»,—это тотъ обще-индійскій законъ кармы, о которомъ прекрасно отозвался Эмерсонъ: «поэтической попыткой со стороны индусовъ было примирить деспотизмъ судьбы со свободой и смѣло сказать: судьба наша не что иное, какъ результатъ дѣйствій, совершенныхъ въ предыдущемъ видѣ нашей жизни». Обильные комментаріи къ ученію о кармѣ у старыхъ и новыхъ буддійскихъ философовъ показываютъ, насколько при общей ясности *идеи кармы* остается неясной, неопредѣленной, колеблющейся ея *философія*. Болѣе прочно установившееся толкованіе объясняетъ карму такимъ образомъ. Одинъ буддійскій апологетъ на диспутѣ съ христіанскимъ миссіонеромъ спросилъ: «Библия, которую ты держишь въ эту минуту въ рукахъ, та ли Библия, которая написана впервые? Конечно, не та и въ то же время, несомнѣнно, та же самая»,—т.-е. ни бумага, ни печать, ни форма уже не та, что были въ первой, въ то же время ея духъ и слово, все ея внутреннее содержаніе то же самое, и только оно одно и составляетъ «неизмѣнную библию» на всемъ протяженіи вѣковъ. Такимъ же образомъ тѣлесные и духовные элементы, изъ которыхъ «слаженъ» земной человѣкъ, распадутся и развѣются въ безконечной средѣ бытія «по стихіямъ» и только собственное *твореніе человека*, его *дѣло* въ этомъ мірѣ, всѣ его добрыя и злыя мысли, рѣчи, дѣянія, все до послѣдней іоты, что онъ *лично* внесъ добраго или злого въ этотъ міръ, что *не было бы здѣсь безъ него*,—лишь это одно не проходитъ, и только этотъ комплексъ добрыхъ и злыхъ нравственныхъ элементовъ, которые *реально созданы и внесены* въ сферу жизни каждымъ человѣкомъ, и есть *истинный человекъ*, его непреходящая душа, его дѣйствительное я. Это ученіе о душѣ, какъ этически—*волевой силой*,

дѣйствительно вносящей тѣ или инья черты въ нравственный обликъ міра, неизгладимо отпечатлѣвающей *нравственную личность* человѣка въ сферѣ бытія, составляетъ примѣчательную особенность буддійской психологіи.

Искупившій свои грѣхи и зло, не внесшій новыхъ, выходитъ изъ круга смертной жизни и какъ чистая сущность внѣдряется въ Чистой Сущности. Спасеніе отъ вѣчнаго страданія и обрѣтеніе Нирваны, составляетъ положительное содержаніе *Буддха-Дхармы*. «Когда все низменное, грѣховное,—говоритъ Курода,—угаснетъ въ человѣкѣ, раскрывается *истинная сущность духа* съ своими безчисленными силами и чудесными формами дѣйствій. Идея Нирваны далека отъ мысли о полномъ угашеніи». Тлѣнный міръ, страданіе и смерть, призрачная земная жизнь, несовершенная и невѣчная—таковъ «Этотъ Берегъ»; совершенное бытіе, Нирвана, истинное и вѣчное,—на «Томъ Берегу». Буддизмъ не отрицаетъ опредѣленнаго блаженнаго бытія, но только не признаетъ въ немъ даже и тѣни хотябы идеально-опозитизированнаго, но все же чувственнаго характера. «О, монахи, испейте отъ вина цѣленія! Истины вкусивши стариться не будете, не умрете вовѣкъ и, жизни пути порвавъ, войдете въ Нирвану, блаженные!» говорилъ Будда. *Дамма*, засвидѣтельствованная міру Буддой, есть вѣчная, *сверхсущно-сущая Истина*, какъ *Идеаль Совершеннаго Бытія*, какъ *Вѣчный Судъ* судящая міру земному и божественному, и въ нее *восуществляется* архать, вышедшій «стезею Будды» изъ круга жизни «въ видѣ и имени». Прекрасно говоритъ Шрадеръ: «Кто признаетъ *аписсам-дуккхам-апатта* (т.-е. «невѣчное—страданіе—не-я», какъ называютъ буддисты этотъ міръ), тѣмъ самымъ под-

разумѣваетъ противоположную формулу: *piṣṣam-ādikkham-atta* (т.-е. «вѣчное—нестраданіе—безсмертное я»). Слѣдовательно, Нирвана, какъ «Не-Страданіе» и «Вѣчное» есть только для Безсмертнаго (чистаго Я). Палийскіе тексты подтверждаютъ выводъ почтеннаго ученаго: въ *Саньютта-Ник. XXII, 33* сказано: «отбросьте, о монахи, что *не ваше*: тѣло, чувства, воспріятіе», и въ *Маджима-Ник. I, 32*: «это (т.-е. *духовно-земной* обликъ человѣка)—не мое, это—не я, не это—мое я (или: моя сущность)». По сю сторону бытія: постоянное «становленіе и разрушеніе», мимолетные образы, сгорающее само въ себѣ время, жизнь, вся проникнутая умираніемъ; по ту сторону—абсолютная противоположность здѣшнему, полное отрицаніе всего содержанія земнаго круга какимъ-то невыразимо великимъ инымъ содержаніемъ. Если бы Нирвана была абсолютнымъ уничтоженіемъ, ни о какой Нирванѣ не могло бы быть и рѣчи, ибо нельзя себѣ и представить никакой формы «существованія въ смерти». Между тѣмъ всѣ тексты, и Хинаяны и Махаяны, называютъ Нирвану «непреходящимъ, миромъ, неизмѣннымъ мѣстомъ, берегомъ спасенія, вѣчной радостью, недоступнымъ островомъ, гдѣ болѣзнь, старость, страданіе и смерть теряютъ свою власть, мѣстомъ безконечнаго счастья, несравненнымъ блаженствомъ, безмятежнымъ покоемъ» и т. д.—всюду Нирвана представляется чѣмъ-то абсолютно-безподобнымъ, но положительно *сущимъ*. Весь путь къ Нирванѣ—эполнѣ очевидное *уготовленіе* духа для какой-то чудной священной жизни, воспринять которую достойно только *безусловно-безгрѣшное, чистое, идеально совершенное существо*. Когда Упанишады говорили о Божествѣ: «нѣтъ-нѣтъ», «не тотъ, не тотъ», это значило справедливый отказъ отъ всякихъ по-

пытать изобразить, описать Невыразимое: Божество— нечто безусловно иное всему, среди чего вращается наше познание. Вполнѣ права и буддѣйская философія, стремясь только разрушить всякія суевѣрныя, грубыя, чувственно-образныя представленія о *Высшемъ Бытіи*: Нирвана не познается познаніемъ, но *восхищается святою жизнью*. Мы видимъ только, какъ «свободный подходитъ къ Вратамъ», на мгновенье чрезъ нихъ, едва отверзтыхъ, и на насъ дышитъ нечто блистательное, дивное, и вотъ—врата закрыты, и о томъ, что тамъ, мы не увидимъ съ «этого берега». *Брамаджаласутра* авторитетно разъясняетъ: «философія, которая учить *полному уничтоженію души*, коренится въ глубокомъ невѣжествѣ». Объ отшедшихъ въ Нирвану буддисты говорятъ: «нельзя сказать: онъ есть (ибо онъ теперь уже не тотъ, кто былъ здѣсь), но нельзя сказать онъ *не есть* (ибо его новая чистая сущность все же связана духовнымъ единствомъ *нравственной личности*, по закону кармы, съ прежнимъ «имъ»), и нельзя сказать: онъ, не существуя, есть» (что именно слѣдовало бы сказать, если бы Нирвана дѣйствительно была какою-то фантастическою жизнью—въ нѣдрахъ смерти). Идея Нирваны не создана буддизмомъ; Нирвана была постояннымъ предметомъ вѣры въ исторіи философіи и культовъ Индіи, и для буддизма она такой же положительный фактъ, какъ и для Упанишадъ; этимъ объясняется также и то, что въ буддизмѣ болѣе говорится объ *истинномъ пути* къ Нирванѣ, чѣмъ о самой Нирванѣ. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ буддѣйскихъ философовъ, мадрасскій профессоръ Нарасу, видитъ въ Нирванѣ *пресуществленіе духа въ Истиннѣ*: «Достигшіе высшаго озаренія—въ *тихомъ свѣтѣ Будды*», совершенные уже здѣсь на землѣ облакаются

въ *Бодхи*,—одѣваются высшей духовностью, «миромъ, чуднымъ покоемъ сердца, священной мудростью». Прижизненное состояніе Нирваны — совершенная жизнь безъ тѣни чего-либо низменнаго, земнаго, благодное дыханіе вѣчности: «какъ же узнать Ниббану? въ свободѣ отъ страха и горя, въ покоѣ, чистотѣ, радости, ясности (духа), въ блаженствѣ узнаете Ниббану». Земная Нирвана (на пали-Ниббана)— жизнь совершеннаго человѣка, загробная— жизнь совершеннаго духа: «освобожденный,— говоритъ Будда,— неизмѣримъ никакою мѣрою тѣлеснаго міра, глубокъ, неизслѣдимъ, какъ бездонный океанъ», онъ уходитъ въ такія далекія глубины бытія, куда нѣтъ никакого доступа для земной предѣльной мысли, выросшей въ ограниченной сферѣ «этого берега». Всѣ предикаты Нирваны въ буддійскихъ текстахъ: «несозданное, безконечное, вѣчное, незримое, блаженное» говорятъ, конечно, не о пустомъ «ничто»,— о какомъ-то высшемъ бытіи, неподвижной и неизмѣнной *истинной дѣйствительности*. «Онъ угасъ, какъ пламя задутое вѣтромъ, угасло «имя и видъ», и не найдешь слѣдовъ вступившаго въ Нирвану, какъ нѣтъ слѣдовъ птицъ въ воздушномъ пространствѣ»,—онъ абсолютно вышелъ изъ *міра явленій, формъ, времени и движенія*, «достигъ Нирваны, неизмѣнной обители, гдѣ нѣтъ страданія», куда не дохлынуть мутныя волны низшаго потока, гдѣ нѣтъ ничего по образу и подобию познаваемаго міра, гдѣ одно Вѣчное въ своемъ внутреннемъ бытіи, болѣе прекрасномъ, чѣмъ все излившееся въ міръ явленій,— то совершенство, которое не можетъ облечься ни въ какую форму, возможно только въ *своей* невыразимой чистотѣ, неподобно-прекрасной, безконечной. Тамъ, въ вѣчномъ упокоеніи въ Тайныхъ,

духъ претворяется, можетъ-быть, *возсоздается* въ высшую жизнь, ибо даже и здѣсь наша душа прекрасна не собою, но только тѣмъ, что есть, или *создается* въ ней отъ истины, красоты, блага,—становится *единосущнымъ Истинѣ*. Какъ несправедливы упреки буддизму за недостаточно рельефное изображеніе Нирваны, видно хотя бы изъ того, что и всюду наша мысль, подходя къ предметамъ высшаго вѣдѣнія, при всей яркости чувствъ и ощущеній Безконечно-Сущаго, бессильно никнетъ предъ недоступностью его для представленія и словъ. Напримѣръ, бл. Августинъ въ одномъ изъ своихъ дивныхъ гимновъ говорить: «Когда ищу Его, я не ищу ничего тѣлеснаго, ни красоты, ни звука, ни свѣта, ни аромата, ни осязанія. Но я ищу Свѣтъ выше всякаго свѣта, недоступный очамъ, Голосъ выше всякаго голоса, беззвучный для слуха, Сладость выше всякой сладости и невкусимую, Объятія выше всякихъ объятій. Этотъ Свѣтъ сіяетъ тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста, и Голосъ звучитъ, гдѣ нѣтъ воздуха, благоуханіе вдыхается, гдѣ его не разноситъ вѣтеръ, Сладость вкушается, гдѣ нѣтъ усть, это объятіе безъ прикосновенія». Буддійская идея Нирваны связана съ тою же идеей въ Упанишадахъ, гдѣ жизнь въ Нирванѣ означаетъ жизнь въ нѣдрахъ Божественнаго Бытія: «восходитъ мудрый, имя и видъ совлекшій, къ Высшему Духу, Божественному» (Чанд.-Упан.) Въ текстахъ Махаяны встрѣчается изреченіе: «Только ослѣпленные считаютъ смерть дѣйствительной. Я же называю смерть— *призракомъ*, а истинной жизнью называю безсмертную жизнь... Какъ человекъ снимаетъ изношенныя одежды, такъ и *несущій тѣло* (душа) сбрасываетъ ветхія покровы... *Если бы Нирвана была (полною) смертью, я не говорилъ бы вамъ, что возможенъ выходъ изъ*

царства преходящаго... Есть вѣчное убѣжище отъ тлѣнной жизни, есть нерожденное, несотворенное, не создавшееся этимъ міромъ рожденій, творенія, созданія... Нирвана—пробужденіе отъ тяжкаго (земного) сна»... Въ томъ же смыслѣ говорится о Нирванѣ и въ текстахъ Хинаяны, признаваемой за болѣе раннюю форму буддизма: «Есть царство, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды, ни огня, ни воздуха, ни мѣста, ни времени, ни смерти, ни рожденія, ни міра и не не-міра, ни движенія, ни покоя,—есть *Бытіе Безскорбное*... Есть среди бушующаго потока гибели и смерти, есть для всѣхъ Островъ Спасенія, несравненный островъ, гдѣ нѣтъ жажды, Нирвана, гдѣ нѣтъ увяданія и смерти... Есть Нерожденное, Несотворенное, Несозданное; если бы не было, не было бы выхода изъ царства рожденія, сотворенія, созданія, но есть оно—и есть *выходъ изъ Царства Смерти*». Одинъ французскій философъ сказалъ: «душа живетъ не тамъ, гдѣ она есть, а тамъ, гдѣ она любитъ». Весь живя однимъ лишь вѣчнымъ, уже здѣсь дыша «блаженнымъ воздухомъ Нирваны», арахать живетъ внутренней жизнью, непонятной для окружающихъ, *сокрытою въ Нирванѣ*: «новый путь его незримъ». То *Тайнобытіе*, безконечное упоеніе въ Любви и Духѣ, *вѣчная радость*, которая испытываетъ йогинъ въ мистическихъ *созерцаніяхъ и вхожденіяхъ*, становится въ Нирванѣ его вѣчною долей. Толкуя древніе тексты, современные буддисты говорятъ: «Паранирвана (полная, загробная Нирвана, завершающая прижизненную) представляется научному матеріализму полнымъ уничтоженіемъ, разрѣшеніемъ индивида въ ничто; между тѣмъ, въ глазахъ тѣхъ, кто достигъ архатства (святости) скорѣе же нашъ земной міръ явленій есть именно это «ничто», миражъ и кошмарный при-

зракъ, а Паранирвана—Истинное бытіе, вѣчное и неизмѣнное, гдѣ нѣтъ ни страданій, ни болѣзней, ни зла». Тамъ, гдѣ «нѣтъ ни внѣшняго, ни внутренняго», душа, какъ говорятъ Упанишады,—восуществляется въ «свою истинную Душу», находитъ «Безсмертіе своего безсмертія». Здѣсь—только рѣдкія мгновенія *безсмертныхъ чувствъ*, мимолетные отблески Истины, тамъ — божественно-прекрасная безконечность жизни и чувствъ, *восыновленность въ Истинѣ*, священная вѣчность.

Въ вопросахъ буддійскаго ученія рѣшающей голось принадлежитъ, конечно, самимъ буддистамъ. Вотъ что говоритъ о Нирванѣ проф. Нарасу: «Міръ для буддистовъ не простой механизмъ, въ немъ бьется пульсъ жизни, есть извѣстная одухотворенность и нравственный порядокъ. Дхармакайя есть *норма бытія*, образъ истины, мѣрило правды, благой законъ. Ограниченность нашего познанія и несовершенство сердца не позволяютъ въ земныхъ условіяхъ увидѣть всю полноту Дхармакайи. Но наши знанія о ней все-таки вполне достаточны для того, чтобы сдѣлать ее своимъ путеводителемъ въ жизни. Хотя Дхармакайя одна для всего міра, разныя существа усваиваютъ въ разныхъ формахъ *мѣру истины* и разными путями идутъ по зову Ея Свѣта... Первая изъ тридцати благодатей, которыя озаряютъ совершеннаго, есть сердце, полное нѣжной, жаркой и сильной любви. Святой, достигшій Нирваны, живетъ и дѣйствуетъ не ради себя, но для другихъ. Нирвана не абсолютное небытіе, какъ утверждаютъ иные, она—дѣйствительная *жизнь вѣчной юности въ чистой сферѣ истины, добра, свободы, свѣта*, полное совершенство любви и справедливости. Архатъ, озаренный свѣтомъ Дхармакайи, *сущій въ Буддѣ*, идя благороднымъ восьми-

вѣтвеннымъ путемъ, недоступенъ страданіямъ, связанымъ съ земной жизнью, и достигаетъ тихой пристани Блаженной Нирваны. Достигшій Нирваны искалъ ее не ради личного счастья: *«ради желанія сдѣлать счастливыми всѣ существа желаютъ достигъ Боддхи»*, по слову Будды. Архатъ съ душой *Бълаго Свѣта*, не только недоступенъ грѣху, но посвятилъ себя дѣлу добра, онъ не только сладко вдыхаетъ благоуханіе святой жизни, но сердце его постоянно горитъ жаркою, сильной, нѣжной любовью. У него нѣтъ своихъ желаній, живетъ и трудится ради всѣхъ существъ. *Его любовь—всемирна*, и состраданіе не исключаетъ даже тѣхъ, кто ненавидитъ и поноситъ его. Угашеніе безконечныхъ страданій міра—его высшее счастье. *Его душа—любовь, миръ, вѣчность...* Когда умираетъ архатъ, *скханды*, составлявшіе здѣсь его индивидуальность, распадаются, но онъ—живетъ. Въ прижизненной Нирванѣ онъ еще не свободенъ отъ того, что природно связано съ тѣлесной жизнью, но въ Паранирванѣ онъ входитъ въ абсолютно-чистую сферу, достигаетъ «мѣста, которое не рождено, не сотворено, не создано, гдѣ нѣтъ образовъ (формъ), ни земли ни воды, ни зноя ни вѣтра, ни пространства, ни времени, ни страданія, ни смерти, ни міра, ни ничто»,—онъ становится единымъ съ той Вѣчной Истиной, воплощеніемъ которой на землѣ былъ Будда, ибо сущность (естество) Будды—Вѣчность, Любовь, Милосердіе. Мы не можемъ видѣть Будды или слышать его, но тотъ кто, видитъ Дхарму, видитъ Будду. Онъ *въченъ въ Дхармакайтъ,—Божественномъ Духѣ Вселенской Любви и Познанія*, который (какъ путеводная звѣзда) ведетъ человѣчество на его блуждающихъ путяхъ къ правдѣ и нравственной красотѣ... Въ мудрости и добрѣ, въ благодатныхъ чув-

ствахъ и миломъ словѣ, въ небесной тишинѣ души, въ поступкахъ любви—найдешь Его. Найдешь Его въ борьбѣ за справедливость, въ самопожертвованіи ради всѣхъ, въ радости и мирѣ сердца.

Будда говорилъ: «Истина убѣжище, а не личность, духъ убѣжище, а не буква, не сознание убѣжище, а Мудрость». Обычное сознание неустойчиво и подвижно, вспыхиваетъ и гаснетъ на своемъ тѣлесномъ аппаратѣ, какъ бѣглые огоньки въ электрической машинѣ; новое, *нирванское* сознание—потусторонній, мистическій свѣтъ, зрящій въ душѣ вѣчностью и духомъ. Идеаль Нирваны приводитъ, по мнѣнію буддистовъ, къ созданію высшей жизни человѣчества: земная жизнь творится человѣкомъ, и чѣмъ небеснѣе, возвышеннѣе душа, *источникъ нравственнаго творчества*, тѣмъ выше и чище развиваемая ею жизнь. Въ буддизмѣ еще ярче чѣмъ въ Йогѣ проходитъ ученіе о *святой волѣ*, какъ воплощенной *силѣ истины*, преобразующей міръ въ болѣе идеальный образъ. «Свѣтъ, который я зажегъ,—говорилъ Будда,—разсѣетъ тьму, покрывшую міръ, ибо *не въчень сей ликъ міра*». «Пересозданіе» грѣшнаго и злого міра въ царство праведности, вѣчно символизуемое побѣдой Святого Добра надъ Духомъ Зла, входитъ и въ буддійское ученіе. Буддизмъ, привлекая къ идеальному бытію, не бичуетъ мірскую жизнь въ чистыхъ радостяхъ семейнаго и общественнаго круга. «Буду цѣломудренной женой, ласковой, стану тебѣ сладко говорить; если захочешь, рабынею буду»,—вотъ какой, въ этихъ словахъ одной джатаки, рисуется образъ нѣжной и преданной жены, выросшій въ культурѣ буддизма. Буддизмъ видитъ въ мірской жизни только состояніе духовнаго дѣтства и отрочества, надъ которымъ возвышается высшій, старѣйшій возрастъ

души—мудрость и святость. Уединеніе—идеаль священной жизни, но не обязательное правило. Вся нравственная атмосфера буддизма проникнута теплой задушевностью, снисходительностью и удивительной терпимостью, которая разъ вылилась даже въ такомъ завѣтѣ: «въ какой бы странѣ ни обиталъ мудрый, пусть чтить святыхъ и добрыхъ сей страны и жертвами чтить боговъ этихъ странъ». Нельзя не признать величавымъ буддійскій идеаль земной жизни: нѣтъ обиженныхъ и плачущихъ, недужныхъ, согбенныхъ непосильною земною ношей, нѣтъ позорно живущихъ въ грѣхѣ, злѣхъ, грубо издѣвающихся надъ сердцемъ и правдой, не льется ничья кровь, человекъ—другъ и покровитель всего живущаго, а не холодный мучитель и хищникъ. Въ болѣе древнихъ мѣстахъ канона еще можно разглядѣть сквозь образъ Будды-Божества черты удивительнаго человекъ, мудреца великой мысли любви, который возлюбилъ Истину больше себя, счастья, всей жизни, и *воззвалъ ее къ бытію* въ темномъ хаосѣ смертнаго міра. Будда—геній *силы* любви и вѣры. Страстное желаніе правды, безграничная вѣра въ Истину привели его, въ мукахъ исканія и творчества, въ мистической жертвѣ жизни, къ завѣтному идеалу. Онъ отвергъ абсолютный характеръ міра страданій и зла, предузналъ Истину и любовью къ ней исхитилъ ее для земного міра. Еще не зная, онъ предчувствовалъ ее, въ святыхъ мечтахъ узнавалъ чудное бытіе. Вѣруя, всю жизнь и рѣдкое счастье принесъ ей въ жертву, уносящею силой безконечной любви осязалъ ее и привлекъ ея свѣтъ и тайну къ потоку земной жизни...

Вмѣстѣ съ распространеніемъ вѣры нерѣдко понижается чистота прежнихъ идеаловъ, и побѣдоносный ростъ культа бываетъ связанъ съ упадкомъ

духа ученія. Если постоянный герой религиозныхъ легендъ, дьяволъ не можетъ при жизни побѣдить учителя, то есть въ мірѣ иной, дѣйствительно побѣдоносный злой духъ—людская изменность и пошлость, нерѣдко разрушающая великія созданія генія. Предчувствіе будущаго упадка вѣры томило подчасъ сердце буддійскихъ подвижниковъ. «Въ лѣсу, сидя среди цвѣтущихъ деревьевъ,—говорится въ одной изъ «пѣсенъ монаховъ»,—думалъ отшельникъ: нѣтъ, не таковъ былъ обычай монаховъ, когда спасителя міра, высшаго изъ людей, жаждали зрѣть. Отъ холода защититься, да стыдъ тѣла укрыть,—вотъ и вся была ихъ скудная одежда. Держались строгаго поста и, вѣруя, всѣмъ были довольны. Вкушали, чтобы только силы тѣла подкрѣпить, не ради алчности. Въ рощѣ, въ тѣни деревъ спасаясь, подвизались, дабы освободился духъ. И былъ ихъ путь прекрасенъ тогда, жизнь была свѣтомъ міру. Такихъ побѣдителей лжи и зла, погруженныхъ въ великое созерцаніе, мало теперь. Проходитъ любовь къ добродѣтели, и мудрость изсякаетъ,—погибаетъ ученіе Побѣдителя, прекрасное несравненно! Небрегутъ благимъ ученіемъ, примыкаютъ къ ложной вѣрѣ и думаютъ: вотъ—лучшая. Ъдятъ до сытости, возлежать на мягкихъ постеляхъ, рассказываютъ исторіи, которыя Учитель запретилъ. Въ хитростяхъ изощряясь, жаждутъ собирать и копить богатства. О, монахи, монахи! подумайте о прежнихъ йогинахъ, вспомните, какъ они жили»... Въ другой пѣсни еще сильнѣе горечь предчувствія паденія, а можетъ-быть и гибели возлюбленной идеи. «Извратятъ безумцы ученіе, которое возвѣстилъ Благій. Среди братьевъ послышатся дерзкія рѣчи, далекія отъ истинъ Благого Пути. Будутъ брать въ дары серѣбро и золото, и жито и

козъ, рабсвъ и рабынь, о безумцы!—вотъ что принесетъ будущее. Братское платье, желтое, радость Освободителя, не по душѣ имъ, одѣнутся въ бѣлое. Будутъ любить только земное добро, лѣнивцы, тишина лѣсовъ не плѣнитъ ихъ, поселятся въ селеньяхъ. Пока не пришло то бѣдственное время, будьте кротки, любите другъ друга, научитесь благоволенію, будьте сострадательны, укрѣпляйтесь въ доброй жизни. Укройтесь на восьмичленномъ пути, онъ есть путь, ведущій къ Ниббанѣ...» Кроткая вѣра Будды была нѣкогда могущественна въ Индіи и окрестныхъ странахъ. Руины въ Туркестанѣ, Афганистанѣ, Кандагарѣ, Кашмирѣ, долинахъ Ганга, на Явѣ свидѣтельствуютъ о славномъ прошломъ буддизма. Переживъ свой золотой вѣкъ на родинѣ, оказавъ большое вліяніе на религіозную мысль Индіи и всюду оставивъ по себѣ величавые вещественные памятники, буддизмъ сохранился въ цвѣтущемъ состояніи въ Сіамѣ, Бирмѣ, на Цейлонѣ и сталъ религіей милліоновъ чужой монгольской расы. Когда и какими путями онъ былъ вытѣсненъ изъ Индіи, неизвѣстно. Сохранилось одно сказаніе (XIV в. по Р. Х.), съ чистѣйшей «святой простотой» повѣствующее о нѣкоторой «варфоломеевской ночи», пережитой буддизмомъ. Достоверно сказаніе или нѣтъ, все же въ немъ указана важнѣйшая изъ возможныхъ причинъ—гоненіе ортодоксальныхъ брахманъ. Вѣками скоплявшаяся фанатическая ярость жрецовъ наиболѣе суевѣрныхъ народныхъ культовъ, возможно, могла разразиться бурнымъ и злобнымъ гоненіемъ. Шиваитская легенда объ избіеніи буддистовъ въ Индіи объясняетъ это «гнѣвомъ Божьимъ». «Однажды боги приблизились къ Богу боговъ (Шивѣ) на Сребрянной Горѣ (Меру), когда Хладнолучистый (Шива оли-

цетворяется мѣсяцемъ) тамъ пребываль. Пали предъ нимъ, молились: «Сугаты (буддисты) слова древляго не цѣня, омрачили землю, какъ ночная тьма. И касты, и степени жизни, и обряды благочестія они, ненавистники брахманъ, ненавидятъ; о древле-священныхъ книгахъ говорятъ, что онѣ—о, Владыка, ужасно!—только предметомъ доходовъ служатъ. Молитву вечернюю и другія службы и религіозныя начертанія (на тѣлѣ) никто больше не исполняетъ, всѣ впали въ ересь. Для словъ святого писанія замкнули слухъ и жертвъ не приѣмлютъ. Посему, о боже, ради спасенія міра искорени злодѣевъ до единого, и путь древняго благочестія возставъ, да грядутъ по немъ съ миромъ всѣ люди». Тогда Шива сказалъ: «Желаніе ваше исполню, приму образъ человѣка, искоренить злодѣевъ потщусь и возвѣщу міру новое толкованіе древняго Закона». Для борьбы съ буддизмомъ Индра воплотился въ миѣическомъ царѣ Судханванѣ, а самъ Шива въ лицѣ мудреца Шанкары (творца благородной Веданты!) «божественнымъ внушеніемъ» Шивы царь отдалъ такой приказъ: «Отъ Моста (Рамы у Цейлона) до Снѣжныхъ Горъ (Гималайя), кто буддистовъ, включая младенцевъ и старцевъ, не будетъ избивать, да будетъ самъ убитъ!» Сказаніе оправдываетъ эту жестокость чисто инквизиторскимъ соображеніемъ: «даже любимыхъ своихъ, но грѣшныхъ должно избивать,—развѣ Бхричу по велѣнію отца не убилъ своей матери на глазахъ у всѣхъ». Избіеніе совершилось, и «послѣ того, какъ злодѣи были изничтожены, процвѣлъ путь священнаго писанія, какъ солнце возсіялъ, разогнавшее тьму». Какъ бы то ни было, въ Индіи отъ буддизма остались только рукотворные и нерукотворные памятники: древніе храмы и реликвіи и очень глубокой слѣдъ въ брахманской мысли, особенно въ

вишнуизмѣ. Современные буддисты чтутъ въ Буддѣ не мудреца человѣческой природы, но Божество, воплотившееся на землѣ; буддійскіе же философы поклоняются въ немъ Вѣчной Истинѣ, ставшей «Плотью и Словомъ», и въ этомъ направленіи нѣкоторые японскіе ортодоксы, какъ, на примѣръ Шойэнъ-Шаку, заходятъ такъ далеко, что видятъ во всемъ мірѣ въ безконечныхъ отраженіяхъ «Бѣлый Свѣтъ Будды». Въ довольно раннихъ суттахъ встрѣчаются выраженія: «Размышляя о Буддѣ зримомъ, познали Будду Незримаго, зрѣли Духъ Будды въ одеждахъ безконечно-великаго состраданія ко всѣмъ существамъ». Выраженія: «Будда имѣлъ плотью Истину», «облекся въ тѣло Истины» обычны у современныхъ буддистовъ, а китайскіе тексты приписываютъ самому Буддѣ такое изреченіе: «Кто думаетъ видѣть *меня* въ (моемъ) тѣлесномъ видѣ, не видитъ меня; никто изъ смертныхъ *не видѣлъ меня, ибо Святой—первородная Сущность*». Всѣ чтущіе Будду молятся ему какъ боже-ству. «Хотя великій Учитель, говорилъ еще знаменитый китайскій пилигримъ И-Тсингъ, вступилъ въ Нирвану, образъ его существуетъ, и мы должны почитать его какъ живого. Кто постоянно приноситъ цвѣты и ароматы къ его образу, очищаетъ свое сердце, и кто омываетъ его ликъ, омываетъ (въ себѣ) свои грѣхи». И теперь, какъ прежде, японцы, принося благоухающіе цвѣты къ образу или изваянію Будды, молятся, преклонивъ колѣна: «Буддѣ грядущихъ временъ, Буддѣ вѣковъ прошедшихъ, Буддѣ нынѣ хранящему міру, приступаю благоговѣнно. Иного прибѣжища мое сердце не знаетъ. О, Прибѣжище, Вѣчный Учитель, въ твоихъ словахъ да почерпну силу истины, найду миръ глубокой Нирваны... Омывая священной водой, чту Ликъ Святой Будды...»

Тибетскіе буддисты, облакая изваяніе въ новыя драгоценныя одежды, читаютъ молитву: «Какъ драгоценное тѣло твоего образа облакаю, благоговѣя, въ божественныя ризы, такъ и я да одѣнусь по смерти въ нетлѣнное тѣло. Принося лику твоему, о Будда, цвѣты и куренія отъ земли, молюсь, да *водворятся асть живыя существа въ небесномъ царствѣ*». Въ монгольскомъ буддизмѣ многіе видятъ извращеніе первоначальнаго чисто-философскаго ученія; въ тибетскомъ, съ его пышной литургией, ладаномъ, колоколами, ризами, образами, торжественными шествіями, католическіе путешественники находили «дьявольское подражаніе мессъ», и въ наше время многіе изъ той же среды видятъ «остатки извращеннаго христіанства, нѣкогда занесеннаго іезуитскими миссіонерами». Нужно замѣтить, что богослуженіе, хотя сравнительно скромное и не мистичное, есть и у южныхъ буддистовъ; особенная же пышность ламайскихъ службъ объясняется вліяніемъ Китая съ его пристрастіемъ къ красивымъ церемоніямъ, процессіямъ со знаменами и разными эффектными символическими предметами. Несомнѣнно, въ современномъ ламаизмѣ встрѣчаются суевѣрія, несомвѣстимыя съ религіей такой глубокой философской чистоты; какъ буддизмъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ духѣ ламайскаго буддизма, въ писаніяхъ, молитвахъ сохранилось сполна въ «словѣ Будды» все древнее содержаніе ученія. Той же трогательной печалью за всѣхъ существъ,—людей, духовъ, звѣрей, птицъ и духовъ злыхъ, бродячихъ и безпокойныхъ, которая такъ поражаетъ въ старыхъ палійскихъ текстахъ, дышатъ и молитвы современныхъ ламитовъ. «Надежда всѣхъ живущихъ, Будда, побѣдившій сонмы дьявольскіе, приди на царство, *соедини астьхъ жаждущихъ совершенства*... Покланяюсь тому,

кто даетъ миръ ищущимъ мира, помогаетъ всѣмъ, *созидающимъ благо во всѣхъ мірахъ*, и свѣтомъ мысли своей всюду есть... Все злое во всѣхъ странахъ сокруши, уничтожь, укроти... Жизнь всѣхъ да будетъ радостна.. Радуюсь благу всѣхъ существъ, храню въ сердцѣ Будду... Да обрящутъ всѣ существа благоденствіе, освободятся всѣ отъ страстей и пороковъ, большихъ и малыхъ, и миръ въ ихъ сердце войдетъ. Да исполнятся всѣ той радости (Нирваны), въ которой одной нѣтъ страданія... Да достигнуть чистоты душевной и блаженства люди, асуры и драконы, да будутъ совершенны, святы, блаженны *всѣ и повсюду*. Да утвердятся блаженство и святость навѣки вѣковъ... Да возрастетъ въ величїи и добродѣтели жизнь милостивыхъ и добрыхъ... Да увеличится добрая слава друзей и рабовъ, да исполнятся чистыя желанія сердца...»

По поэтическому представленію ламаитовъ, на недоступныхъ высотахъ бытія цвѣтетъ Божественный Лотосъ. Въ немъ возсѣдаетъ свѣтозарный Будда, осѣненный свѣтлыми облаками, окруженный сонмами бодисатвъ и святыхъ. Далекій отъ міра, онъ близокъ къ нему и слышитъ каждый стонъ сердца, каждое моленіе, плачь,—вотъ почему предъ земными образами Будды въ золотомъ лотосѣ теплятся лампы и свѣчи, приносятся безкровныя жертвы: «вода—отъ морей, сѣмена—отъ земли, ароматы—отъ воздуха, лампы—отъ огня, опрѣсноки—отъ человѣка, музыка—отъ (радости) всѣхъ міровъ, славящихъ дивнаго Будду, единаго Чистаго». Къ нему, «милостиво взирающему на міръ съ высоты», несутся мольбы и покаянныя слезы. «И небеса и земля, говорится въ одной молитвѣ, простерты у ногъ твоихъ, боже вѣчный и безначальный, богатый любовью. Будь милостивъ,

прости руку свою ко мнѣ, гибнущему въ пучинѣ жизни, плачущаго спаси меня. Женѣ ближняго моего соблазнялъ, въ невѣдѣніи живое убивалъ тысячами, похоть всяческая ослѣпляла мнѣ очи, ради сладостей жизни, ради выгодъ много я лгалъ. Я плачу, господи. Не Ты ли сказалъ: и къ человѣку, и звѣрю, и къ духамъ и демонамъ я сострадателенъ. И на меня, грѣшника, взгляни, будь ко мнѣ милостивъ. Услышь меня, да не буду низверженъ въ адъ. И недостойнымъ ты творишь добро, всѣхъ помнишь, боже, ни отъ кого не отвернулся, милосердый!..»

Ученіе о загробныхъ мукахъ встрѣчается и въ палійскомъ канонѣ, но Небесный Рай, обитель блаженныхъ душъ, составляетъ особенность Махаяны, хотя нѣкоторыя частности въ картинахъ «святаго царства Будды» можно найти и въ Хинаянѣ, напримеръ въ суттѣ «Великій Царь царей». Душа, повѣствуетъ ламайскій буддизмъ, восходя къ небесному судилищу, съ ужасомъ и трепетомъ оглядывается на землю, лежащую вдали. Жилища грѣшныхъ видятся какъ змѣиныя норы, вся земля стонетъ отъ людскихъ грѣховъ, и нѣкій мистическій дымъ грѣшныхъ дѣлъ, словъ и мыслей клубится отъ земли къ небу. Въ загробномъ мірѣ душа предстанетъ предъ «Зерцаломъ» и въ немъ увидитъ до мельчайшихъ подробностей всю свою грѣшную жизнь, каждое самое малое дѣло неправды, которое давно забыла или даже не понимала прежде, и тогда, горько плача, она *сама осудитъ себя*, негодуя на себя и страдая, пойметъ, какой низкой и грязной была ея жизнь, казавшаяся такой сладкой и радостной. «Адъ, говорятъ японскіе буддисты, *не созданъ Богомъ,—Огонь сердець, исполненныхъ ненависти, грѣха, злобы, производитъ адское пламя и пожираетъ своихъ же создателей; человѣкъ, творя*

грѣхи, разжигаетъ адскій огонь и сгораетъ въ собственномъ же злѣ». Представленія объ адѣ у монгольскихъ буддистовъ гораздо грубѣе и конкретнѣе: «тамъ однихъ (грѣшныхъ) разрываютъ на куски, другихъ рубятъ мечами, толкутъ въ ступѣ, размалываютъ жерновами, гоняютъ по горѣ, утыканной ножами, варятъ въ котлахъ»... Несмотря на разнообразіе представлений о загробной карѣ, самая идея возмездія сохранилась въ чистомъ видѣ у всѣхъ буддистовъ: *вѣчный законъ воздаянія неуломимъ*, ибо жизнь—довольно широкое и долгое поприще для покаянiя, исправленiя, добрыхъ дѣлъ; никакое зло не останется не отмщеннымъ. Вся философія древняго буддизма сохранилась и въ новомъ. Земная жизнь—обитель зла и страданiя, путь спасенiя—чистая и благая жизнь, высшая цѣль—блаженная Нирвана. «Все живущее ссуждено на гибель, жизнь проникнута смертью, она похищаетъ и старцевъ, и младенцевъ, и мудрыхъ, и неразумныхъ,—надъ всѣми тяготѣетъ рука смерти, все подчинено ея власти. Тѣло чловѣка—обитель скорбей, всякая сладость въ немъ порождаетъ страданіе. Весь (этотъ) міръ мимолетныхъ вещей — *невѣчность*; весь міръ мимолетныхъ вещей—*тлѣнность*; весь міръ мимолетныхъ вещей—*несущность*. Познавшій освободится отъ узъ страданiя, вступитъ на *путь Чистоты*».

Буддiйскій рай, по ученію Махаяны, «блаженная страна Сукхавати, гдѣ свѣтитъ Амитабха, Чистый свѣтъ, Амитаюсь, Свѣтъ Безконечный, Долина Святыхъ, обитель Вышнихъ Блаженствъ». Живущіе тамъ пребываютъ въ божественномъ покоѣ, «не зная ни скорбей, ни наслажденiй (земныхъ), ни желанiй, ни не-желанiй». Нирвана—чистая *божественная жизнь*, и въ нее внидутъ только «безстрастные, чистые сыны

Будды, герои, побѣдители міра». Тамъ «не знаютъ ни радости, ни горя, *не знаютъ себя*, *не знаютъ иного*», тамъ—миръ, покой и сладкія мысли, нѣжныя мысли, тихія, сильныя, невыразимыя, въ океанѣ мудрости, тамъ радостно внемлютъ гласу Будды, взираютъ небеснымъ окомъ, свѣтъ великій и чистый, радость духовная, восторгъ»... Вся атмосфера Сукхавати наполнена «гласомъ Будды», какъ небесной музыкой. На райскихъ деревьяхъ на каждомъ три мистическихъ цвѣтка лотоса, и въ каждомъ цвѣткѣ свѣтитъ «блаженный образъ Будды». Святые, «одѣтые красотой, силами, счастьемъ, въ блестящихъ одеждахъ», пребываютъ «въ дивныхъ садахъ, чертогахъ, среди благовоній и чудныхъ воздушныхъ звуковъ, радостныхъ, божественныхъ». Тамъ растеть «Бодхи-Древо, пресвятое, сіяющее всяческимъ свѣтомъ, несущее плоды безконечнаго рода, и *звуки и священный шумъ Древа наполняетъ всть міры*». (Здѣсь мы встрѣчаемъ, конечно, мистическій образъ ученія Будды.) «Сукхавати (Долина Святыхъ) полна нѣжными ароматами, цвѣтами и плодами, драгоценными деревьями, и птицы съ дивными голосами поютъ на вѣтвяхъ... Когда Небесные Вѣтры колышатъ деревья, они (своими цвѣтами, листьями, вѣтвями) поютъ сладкія нѣжныя пѣсни, ликуя». Всюду «небесные лотосы, неподобно-прекрасные». Весь рай «наполненъ чуднымъ пѣніемъ», весь воздухъ звучитъ «небесными голосами: Будда! Истина! Святость! Силы! Совершенство! Свобода! Духъ! Безгрѣшность! Несотворенное! Дивный конецъ! Миръ! Великая Любовь! Милосердіе! Радость!» И блаженствующіе, «слыша тѣ чудные голоса, видятъ духомъ Будду». Внемля «Сладкому Гласу Будды», они «взираютъ окомъ небеснымъ, окомъ Истины»... «Ярче солнца, прекраснѣе тихаго

мѣсяца свѣтъ ихъ мудрости, Бѣлый Свѣтъ (мистическій свѣтъ Будды) сіяетъ въ красотѣ ихъ познанія, слава ихъ ярче пылающаго золота. Какъ Чистый Лотосъ (символь Будды), они чисты отъ всего земного; какъ небеса ясно ихъ чувство безконечной любви...» И къ далекому міру льется отсюда «Божественный Свѣтъ, несравненный, безгрѣшный, угашая всякое пламя (грѣшныхъ страстей), проливая утѣшеніе сердцу»... «Не солнце, не мѣсяцъ, не звѣзды свѣтятъ (въ Сукхавати), но Свѣтъ Дхармы, Божественный Свѣтъ... Отдыхая сладко въ божественномъ покоѣ, (святыя) зрятъ духомъ Величіе Будды». Отъ чела Будды льются «всѣ восемьдесятъ родовъ лучей, и въ каждомъ лучѣ свѣтитъ образъ неизьяснимый Будды». Будда украшенъ «гирляндой изъ восьми тысячъ лучей, и въ каждомъ отражается образъ Совершенной Красоты»... Небесные сонмы святыхъ и бодисаттвъ воспѣваютъ хвалу «Буддѣ-Свѣту, вѣчному, святому, неподобному, любви и радости, безконечному, несотворенному»... Тамъ же предъ Буддою пребываетъ будущій Будда, «Меттейя, спаситель міра», который въ свое время воплотится на землѣ, «принесетъ на землю любовь и благоволеніе, добро и кротость, дабы жизнь достигла высшаго совершенства». На землѣ нѣтъ ничего ни вѣрнаго, ни вѣчнаго; вѣчно и прекрасно только духовно-прекрасное, истинное, небесное, и буддизмъ во всѣхъ своихъ формахъ, и древнихъ и новыхъ, учитъ искать только нравственныхъ сокровищъ, правды, чистоты сердца, высшей духовности. «Этотъ строй міра будетъ разрушенъ, говоритъ буддійскій апокалипсисъ, даже великій океанъ изсохнетъ, и великая земля будетъ низвергнута и разрушена; и вселенная будетъ царствомъ безплотныхъ. Посему, о братья, будьте милосерды,

живите въ любви, сочувствіи, въ мирѣ!» Таково послѣднее напутствіе «Будды съ небесныхъ высотъ».

Д Ж А Й Н Ы.

Джайна—вѣра, начало которой относятъ къ V или VI вѣку до Р. Х., возникла, какъ полагаютъ одни, изъ буддизма, по мнѣнію другихъ, сама была его раннею колыбелью, а третьихъ—представляетъ само-бытное явленіе, развившееся наряду съ буддизмомъ изъ какого-то болѣе древняго религіознаго движенія. Джайны, существующіе въ Индіи и въ настоящее время, съ давнихъ поръ раздѣлялись на двѣ секты: *дигамбары*, «одежды которыхъ воздухъ», считавшіе обнаженность признакомъ святой невинности, и *свѣтамбары*, «свѣтосущные», носившіе бѣлыя одежды. Дигамбары опираются на слово Учителя: «Кто слѣдуетъ вѣрѣ моей, назовется нагимъ, ибо въ радостяхъ моей вѣры гибнетъ (всякая) грѣховность». Древній мудрецъ Джинадаттасури, рассказывая о раздорѣ между обѣими вѣтвями джайна-вѣры, замѣчаетъ: «безъодежные, пьющіе изъ горсти, вкушающіе стоя въ дому даятеля, по мудрости ниже Джина-святыхъ, одѣянныхъ бѣлыми одеждами. Безъодежные учатъ, что жены не достигнутъ вѣчнаго блаженства, имъ не доступенъ путь спасенія; и въ томъ у нихъ съ бѣло-одѣянными великій раздоръ». Несмотря на вражду, мораль, философія спасенія и культъ въ обѣихъ сектахъ сходны во всемъ существенномъ, поэтому о джайна-вѣрѣ можно говорить какъ одномъ цѣломъ. Легенда Вардхаманы, основателя вѣры, довольно близка къ легендѣ Будды Готамы, вплоть до совпаденія семейныхъ именъ. Онъ былъ младшимъ сыномъ

раджи Сиддхарты и жены его Тришаны, до тридцати лѣтъ прожилъ во дворцѣ, былъ женатъ на Яшодѣ, отъ которой имѣлъ дочь Анаджу. Когда его отецъ «голодною смертію мудрыхъ скончался», Вардхамана, на тридцать первомъ году, рѣшилъ покинуть міръ. Получивъ позволеніе старшаго брата, онъ роздалъ имѣніе и принялъ подвигъ пустынножителства. Двѣнадцать лѣтъ странствовалъ безъ крова, одежды, почти безъ пищи, предаваясь размышленіямъ. Тогда на тринадцатомъ году свѣтъ божественнаго познанія объялъ его духъ. Онъ выступилъ на поприще мудреца, пророка, образовалъ братство Нигрантхаскетовъ, получилъ имя Махавиры, имѣлъ множество послѣдователей среди мірянъ и духовныхъ. Скончался въ городѣ Павѣ; послѣ его смерти возникли распри въ братствѣ, и вѣра распалась на двѣ враждебныя вѣтви. Какъ и Будда, Махавира сталъ очень рано въ глазахъ своихъ учениковъ и вѣрующихъ таинственной личностью божественнаго рода, если только не казался имъ такимъ и при жизни: «Джина-учитель и Богъ нашъ, открывшій намъ истинную вѣру», говорятъ о немъ послѣдователи. Имя «Вардхамана» встрѣчается довольно рѣдко въ джайнскихъ книгахъ; обычныя имена учителя: Джина (побѣдитель), Махавира (великій герой), Татхагата (Свершитель), Будда (прозрѣвшій), всезнающій, обрѣтшій путь и т. д. Какъ и Будда, Джина вознесся надъ царствомъ грѣха и плоти силою своего духа. Какъ буддисты, и джайны вѣрятъ, что каждый періодъ міра имѣетъ своего Будду, и до Махавиры, Джини послѣдняго цикла, былъ рядъ другихъ Джинъ, мистическія и довольно однообразныя біографіи которыхъ рассказываются въ джайнскихъ книгахъ. Махавира, какъ и Будда, до земной жизни пребывалъ

въ небесахъ, возвѣщая свое ученіе прежде чѣмъ принести его на землю. Въ джайнскихъ храмахъ, схожихъ съ буддійскими, изображенію Джинны-Божества приносятся цвѣты, благоуханія, поются хвалы и молитвы.

Джайны вмѣстѣ съ буддистами порицають кастовую нетерпимость. «Двери спасенія открыты для всѣхъ: для аріевъ благородныхъ, для мудрыхъ и для Млечновъ (самыхъ презрѣнныхъ въ Индіи пришельцевъ)... Всѣмъ, и своимъ и чужимъ, и благороднымъ и отверженнымъ, возвѣщаль Онъ, не уставая, Законъ». Ученіе Джинны близко къ буддійскому, хотя никогда не достигаетъ той возвышенной поэзіи, которою выдѣляются лучшіе памятники буддизма; въ аскетическомъ же направленіи джайны уходятъ гораздо далѣе буддистовъ. «Взгляни на рожденіе и старость, испытай, гдѣ же счастье живущихъ. Узами связаны смертные, услады плоти навлекають недуги на тѣло и духъ, жажда наслажденій вводитъ подъ иго кармы, вновь и вновь возрождая несчастныхъ... Темень земной міръ, глухъ къ истинѣ... Въ этомъ мірѣ, полномъ страданій, взгляни, безумцы сами причиняють страданія... Человѣкъ, добыча старости, добыча смерти, не вѣдаетъ истины, темный. «Нужно добывать для матери, для отца, для сыновъ, жены, дочерей, сестеръ, близкихъ, копить добро, собирать пищу и одежды»,— такъ заботясь (о тлѣнномъ), беззаботны (о вѣчномъ); страдая днемъ и въ ночи, неустанно трудясь и на хорошихъ и на дурныхъ путяхъ, гонясь за богатствомъ, совершаютъ несправедливости и насилія... Скудна ихъ жизнь... Въ безвыходномъ кругѣ жизни человѣкъ страдаетъ и самъ заставляетъ страдать другихъ... Всѣ существа, и двояко-чувствующіе (съ двумя внѣшними чувствами), и тройко, и четверично, и

пятерично, и всѣ растенія, и все иное живущее,—всѣ чувствуютъ радость и скорбь, муки и страхъ, несчастье... И вотъ, смотри,—здѣсь омраченные причиняютъ великія страданія, умерщвляютъ»...

Путь изъ «пучины бытія» къ «Иному Берегу», Нирванѣ,—тотъ же путь «правой вѣры, правой мысли, правой жизни» буддистовъ. Нравственное ученіе проповѣдуетъ ту же мягкость и кротость сердца, духъ любви и терпимости. «Не убивай, не лги, будь честенъ. Будь сострадателенъ ко всѣмъ существамъ, милостивъ, кротокъ, смирененъ, нелицемѣрно слѣдуй заповѣдямъ... Убійство приноситъ стыдъ и горе здѣсь и въ томъ мірѣ... Имѣй въ сердцѣ благосклонность ко всему живущему, состраданіе къ порочнымъ. Не гнѣвайся на обидчиковъ... Убиваютъ животныхъ для жертвъ, другихъ ради шкуры, иныхъ ради мяса, крови, сердца, перьевъ, хвостовъ, роговъ, зубовъ, костей, и съ цѣлью убиваютъ и безъ цѣли убиваютъ. Одни убиваютъ, будучи сами (ими) ранены, другіе—мстя за прежнія раны, иные спасаясь... Ложная вѣра, страсти и похоти, забвеніе заповѣдей создаютъ узы этого міра. Грѣшатъ, употребляя во зло даръ слова, даръ мысли, дѣла, питаюсь пищей изъ живыхъ существъ, грѣшатъ жаждой жизни, призываніемъ смерти, желаніемъ новыхъ радостей, сладкой памятью прежнихъ... Высшій законъ: терпѣніе долгое, безграничное, смиреніе, духъ простой и ясный, правда, свобода, чистота, постъ, воздержность, обѣтъ бѣдности, слово мудрости и мира, безгнѣвіе, прощеніе, терпимость... Многіе ведутъ жизнь отшельника въ надеждѣ избѣжать печалей міра (т.-е. не ради высшей, дѣйствительной цѣли—совершенства)... Гордость, зависть, ненависть, жадность, похоть вводятъ въ кругъ рожденій и смерти, ада и мукъ... Отрекись отъ убіенія

живыхъ существъ, большихъ и малыхъ, движущихся и неподвижныхъ, не убивай и не допускай убійства, и всю жизнь, пока живешь, хранись отъ этого грѣха и мыслью, и словомъ, и дѣломъ»... Всюду, куда проникло ученіе Джинны, воцарялось милосердіе, благородные, добрые нравы, смягчались обычаи. Путь роста джайнской вѣры, какъ и буддійской, не запятнанъ ни одной каплею крови, никакимъ насиліемъ и безчеловѣчностью «во славу вѣры и истины». Напротивъ, всюду, гдѣ расцвѣтала благородная вѣра, утихали дикія страсти, останавливались убійства и вражда, прекращались кровавыя жертвы, уничтожались боины, запрещалась охота, для животныхъ устраивались даже больницы, — однимъ словомъ, зарождались нравы, близкіе къ идеалу истинной цивилизаціи. Интересенъ сохранившійся указъ Кумарапалы, царя Гуджаратскаго (XII в.), послѣдователя джайнской вѣры: «Отъ охоты да воздержатся всѣ люди по примѣру царя. Да не будетъ избіенія живыхъ существъ. Послѣ того, какъ на охоту будетъ наложенъ запретъ, будутъ звѣри всякаго рода въ лѣсахъ также невозбранно мирно проживать, какъ коровы въ стойлахъ. Да не будетъ на землѣ (царя) ни голубиныхъ, ни пѣтушиныхъ боевъ». Слѣдуетъ отмѣтить также одну страничку изъ біографіи величайшаго джайнскаго проповѣдника Гемачандры: «Жрецы Канътешвари и другихъ богинь извѣстили царя: «государь, на седьмой день долженъ царь по обычаю предковъ богинямъ 700 козъ принести, на восьмой 800, на девятый 900». Царь, слыша, пошелъ къ Гемачандрѣ и сказалъ о томъ. Великій учитель шепталъ ему (что-то) на ухо, и тогда царь обѣщалъ жрецамъ. Ночью козы были приведены въ храмъ богини, входы во храмъ были заперты, и на стражу встали

бдительные раджупуты. На утро пришелъ царь, повелѣлъ открыть двери. Посреди храма мирно лежали всѣ козы, освѣженныя и отдохнувшія въ тихомъ убѣжищѣ и ночномъ покоѣ. Тогда царь сказалъ: «Жрецы, этихъ козъ я отдалъ богинямъ, но козы живы, стало быть, богини не имѣютъ вкуса къ мясу. Вы его любите». Жрецы опустили головы. Козы были выпущены. Царь же повелѣлъ принести богинямъ (безкровныя) жертвы такой же цѣнности, какъ и тотъ даръ козъ».

Вѣра джайновъ вполне допускаетъ мирную семейную жизнь; джайнскія семьи отличаются образцовыми нравами, самые богатые, культурные, предпримчивые люди въ Индіи—джайны. Все же вѣнцомъ совершенной жизни считается у джайновъ полное удаленіе отъ міра. Святая жизнь ведетъ къ посмертной Нирванѣ, святое подвижничество вводитъ еще при жизни въ радость безсмертной жизни. «Совершенное познаніе, созерцаніе и путь ведутъ къ спасенію... Кто обрѣлъ четыре *великія силы* (мудрость, любовь, отреченіе, *благая воля*), кто сокрылъ (въ Богѣ) душу свою отъ міра, соборолъ восемь золъ, тотъ достигъ спасенія, безъ возврата вышелъ изъ міра... Терпѣніемъ побѣждаютъ джайна-святые, въ бѣлыя одежды одѣтые... Побѣдивъ Мару, свободны отъ смерти... Да умреть твое тѣло въ духѣ... Какъ растеніе растетъ, какъ разгорается пламя, возрастаютъ мудрость и силы мудрыхъ, идущихъ добрымъ путемъ... Ради величія, чести и славы этой жизни, ради полной свободы (духа) отбросившій всѣ грѣхи міра, познавъ ихъ корни, есть муни, мудрецъ, знающій цѣль... Какъ ржавчина на серебрѣ выжигается огнемъ, такъ въ Нигрантхѣ-нищемъ очищается всякій прахъ прежнихъ грѣховъ... Какъ змѣя сбрасываетъ старую

кожу, такъ мудрый свободенъ отъ *тѣла страданій*... Призраченъ міръ страстей и желаній, удѣлъ безумцевъ; есть Высшій міръ, пожелай его, всей силой стремись къ нему... Вырвавъ (изъ себя) самые корни грѣховъ, свободенъ мудрый, и карма не подчинитъ его... Герой, побѣдитель зла, идетъ путемъ Нирваны, ничьей жизни не отнимая и не смущая ничьей... Тотъ (лишь) достоинъ имени *бездомнаго*, кто справедливъ, милосердъ, не вноситъ гибели (въ міръ)... О Мокшѣ (Нирванѣ) джайнскіе тексты говорятъ въ тѣхъ же буддійскихъ терминахъ. «Безъ тѣла, безъ соприкосновенія, ни мужъ, ни жена, сущій *безвидно въ безвидномъ*... Ученіе о Мѣстѣ Покоя возглаголено Джиной, какъ свѣтъ, зажженный (имъ) тремъ мірамъ, во тьмѣ ихъ»...

Высшей ступеню джайнской святости является полный отказъ отъ жизни, принятіе *чистой духовности*. Такой святой не питается даже и прежней скудной пищей: «Кевалинъ ничего не вкушаетъ». Джайнскій отказъ отъ жизни далекъ отъ тѣхъ пессимистическихъ мотивовъ желанія смерти, которые выразились въ горькихъ словахъ французскаго поэта: «видѣвъ эту жизнь, благодарю небеса, что, создавъ жизнь, они не забыли создать и смерть». Въ глазахъ джайна смерть лучшая послѣдняя минута жизни, торжественный переходъ къ желанному Вѣчному Покою, изъ тьмы къ безсмертному свѣту Нирваны. Она свята и прекрасна и для джайна является религиознымъ актомъ. «Мудрый, достигшій Иного Берега, чистый и недостижимый (для подчиняющихся силъ жизни) призываетъ смерть». Религиозный актъ добровольной смерти составляетъ особенность джайнизма. Религиозная смерть разрѣшается подвижникамъ, сбросившимъ всѣ узы земной жизни и въ теченіе двѣ-

надцати лѣтъ совершившимъ всѣ подготовительные подвиги. Достигшій святости, живущій жизнью безсмертнаго духа, онъ не нуженъ для этой жизни, и она не нужна ему, какъ низшее, отжитое,—и тогда «какъ змѣя сбрасываетъ съ себя изношенную шкурку», святой сбрасываетъ съ себя скудныя, послѣднія, ветхія одежды своей бренной плоти. «Взявъ соломы, удаляется обрешій себя монахъ въ уединенное мѣсто, дабы не было въ травѣ никакихъ живыхъ существъ, ни яицъ, ни гнѣздъ, ни воды, ни росы, разстиляетъ солому. Тогда предается смерти по вѣрѣ (итвара,—или смерть силою воли, или постепенное тихое угасаніе тѣла, совершенно обезжизненнаго абсолютнымъ постомъ, или самоубійство).. Безстрастный, изшедшій изъ круга сансары, познавшій Истину покидаетъ бренное тѣло. Превозмогшій жизнь печали и страданій, въ утѣшеніи вѣры онъ совершаетъ эту безстрашную благочестивую смерть. Въ должное время пресѣкаетъ жизнь». Умираніе по волѣ не обязательно, оно увѣнчиваетъ жизнь особыхъ избранниковъ, общее же правило требуетъ спокойнаго ожиданія смерти, готовность встрѣтить ее чистой душой и, наряду съ «жаждою жизни», любовью къ ней, осуждается, какъ равный грѣхъ, и жажда смерти: «Не долженъ монахъ ни жаждать жизни, ни желать смерти; не долженъ огорчаться ни жизнью, ни смертью».

Джайны вѣруютъ въ существованіе души: «души—сущности вѣчныя и безтѣлесныя; природа души—духовна». Душа, блуждая въ стихіяхъ Самсары, потемнѣвшая въ грѣхахъ, обновляется въ своей первозданной чистотѣ нравственнымъ совершенствомъ, святыми подвигами, таинственнымъ богоприсутствіемъ йоги. Величайшій джайнскій мудрецъ Гемачандра,

счастливый насадитель учения Махавиры, составил прекрасное руководство йоги, под таким заглавием: «Тайное учение Йоги, котораго одна часть здѣсь, другая тамъ (т.-е. начинается на землѣ и кончается въ небесахъ, соединяя земное и небесное), изъ святаго писанія, изъ устъ блаженныхъ учителей, изъ (собственнаго) опыта познанное и удивленіе во всѣхъ вызывающее, здѣсь учителемъ Гемачандроу въ слова одѣто». Въ его Йогасутрѣ (пракаша X, шлок. 24) есть авторитетное свидѣтельство о вѣрѣ джайновъ въ единаго Бога-Духа: высшимъ моментомъ йогическаго созерцанія является «*рупатита Дхьяна*»,—размышленіе о безплотномъ Парамъ-Атманѣ, который есть «Духъ и Блаженство, въ комъ—освобожденіе души». Интересна джайнская мысль о единой универсальной религіи, неизмѣнной во всѣ времена, сквозящей свѣтомъ Вѣчной Истины чрезъ все разнообразіе культовъ и системъ: «Всѣ святые, блаженные, въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, всѣ говорятъ одно, всѣ учатъ одному: все, что дышитъ, чувствуетъ, существуетъ, живетъ, не должно убивать, не должно мучить, изгонять, обижать. Это чистый, неизмѣнный, вѣчный законъ, возглашаемый среди ревностныхъ и нерадивыхъ, набожныхъ и безбожныхъ, жестокихъ и милостивыхъ». Относясь съ уваженіемъ къ чужой вѣрѣ, джайны осуждали въ брахманизмѣ только суевѣрія, упадокъ чистаго національнаго культа, эксплуатацію народной простоты, въ то же время высоко почитая древнее Писаніе: «Древнія рѣчи радуютъ сердце мудрыхъ», высшихъ похвалъ достоинъ «ученикъ, измѣрившій океанъ священныхъ писаній». Джайнизмъ не враждовалъ съ внѣшними формами богочитанія, привычными для народа, но только стремился научить понимать за символами и образами

невыразимую божественность и тайну. Въ этомъ отношеніи знаменателенъ одинъ эпизодъ изъ жизни Гемачандры. Когда царь Кумарапала воздавалъ по чести изображенію Шивы по брахманскому ритуалу, мудрецъ обратился къ Шивѣ съ такой молитвой: «Кто бы ты ни былъ, каковы бы ни были твое имя, время и мѣсто, если ты свободенъ отъ всякихъ пятенъ и ошибокъ, то да будетъ тебѣ честь, о *достойный* (тогда) молитвъ! Хвала тому, въ комъ погасли всякія страсти, въ комъ нѣтъ нечистаго, Брамой ли, Вишну или Махешварой будетъ называемъ!» Джайны стремились очистить народную мысль отъ чрезвычайнаго миеологизма. «Не должно,—сказано еще въ древнихъ сутрахъ,—говорить: боги небесъ, богъ бури, богъ молніи, свѣта, богъ послалъ дождь, богъ запретилъ дождю,—или молиться: боже, подаждь дождь! о, богъ, не посылай дождя! о, богъ, возрасти нашу жатву! о, богъ, подаждь побѣду нашему царю!—но зная *природу вещей*, нужно говорить: небо, воздухъ, облака разсѣялись, или пролились дождемъ» и т. д. Конечно, нѣтъ надобности повторять при этомъ, что джайнизмъ далекъ отъ безбожія. Напротивъ, самъ Махавира, основатель ученія, былъ въ глазахъ почитателей воплощеніемъ Божества. Въ одной изъ своихъ проповѣдей при дворѣ царя Кумарапалы Гемачандра отождествляетъ Джину съ Вишну и Шивой. Въ божественность Джини вѣровали въ самыя дальнія времена, о чемъ свидѣтельствуется разсказъ о нѣкоторомъ Небесномъ Вѣнчаніи Махавиры, переданный въ старыхъ сутрахъ. «Шакра, царь боговъ, воздвигъ чудесный шатеръ (бесѣдку), украшенный алмазами, золотомъ, перлами. Посреди былъ тронъ съ подножіемъ... Привѣтствуя славнаго Махавиру, онъ восхвалялъ его и поклонялся. Подведя къ Божественному Трону,

возсадилъ и умащаль множествомъ разныхъ маслъ, ароматовъ, мастей, омываль Чистою Водою, одѣль въ одежды, тончайшія, какъ дыханіе эфира» и т. д. съ скропулезной подробностью описывается чествованіе и украшеніе, отчасти сказочнаго, отчасти мистическаго характера. «Тогда возвелъ его въ чудный паланкинъ съ вѣнцомъ въ тысячу лучей... посреди былъ тронъ, покрытый божественнымъ покровомъ, драгоценными коврами и серебромъ, для лучшаго изъ всѣхъ Джиновъ. На головѣ его была діадема, тѣло сіяло. Онъ вошелъ въ паланкинъ, *освѣщая весь міръ своимъ свѣтомъ*». Послѣ этой славы на небесахъ, Махавира, «бессмертный учитель божественнаго міра», низшелъ на землю, тронутый бѣдственной участью людей и умоленный богами: «святой! проповѣдуй вѣру, благодѣтельную для всѣхъ существъ!» и здѣсь завѣщаль вѣру милости, любви и Блаженнаго Мира на землѣ и въ небесахъ.

ВИШНУИЗМЪ.

Богъ, вочеловѣченный въ божествахъ народной вѣры, являющій свой Духъ и Слово въ духъ и словъ человѣческомъ и свою силу въ силахъ міра, самъ же недоступно-духовный, невмѣстимый ни въ какой образъ,—*Богъ-Духъ* Упанишадъ представляетъ *внутренній*, а иногда сокровенный, предметъ вѣры наиболѣе философскихъ религій позднѣйшей Индіи. «Всюду око его и сила, онъ во всемъ, властитель и Богъ, вышній и вѣчный, благой, неизмѣнный». Этому слову Упанишадъ вторятъ вишнуйскіе гимны: «Владыка, хвала тебѣ! Все, что есть, всякая жизнь тобою жива, ты мой Отець, я твой сынъ, все мое счастье

въ твоей благодати. Боже, кто знаетъ тебя! Высшій высшего, ты движешь мірами»... Въ культахъ послѣ ведійскаго періода Божество представляется въ конкретныхъ образахъ или Великаго Трибожія, Триединаго Бога (Брама-Вишну-Шива), или преимущественно въ лицѣ Вишну (вишнуизмъ), или Шивы (шиваизмъ). Все же *божественной сущностью* чтимыхъ боговъ является чистая духовность, а въ дальнѣйшемъ развитіи релігій преобладаетъ идея трансцендентнаго Божества: *истинная Божественность Бога выше представленій о немъ всѣхъ релігій*. Постепенно, изъ культовъ Вишну и Шивы и «Бхакти», релігии любви, возвышается идея «Бога Вѣчно сущаго», отъ вѣка осіявшаго весь міръ своимъ духомъ и вѣчно близкаго къ людямъ даже *въ несовершенныхъ образахъ Божествъ ихъ вѣры и любви*. Ученіе о троичномъ Божествѣ (Тримутри) зарождается, повидимому, въ Упанишадахъ. Въ «Маха-Нарайяна-Уп.» (11, 12) сказано: «среди (запредѣльныхъ) свѣтовъ Онъ царигъ, вышній, Духъ Міра, Богъ вѣчный и дивный, Брама, Шива, Индра». Возможно, что здѣсь простое сочетаніе именъ божественныхъ силъ, «ликовъ» безконечныхъ атрибутовъ Брахмана. Нужно замѣтить, что всѣ имена ведійскихъ боговъ—названія силъ и качествъ: Митра—другъ, Арьяманъ—вѣрный, Бхага—щедрый, Адити—безконечность, Вишну, Индра—дѣйствующій, сильный, Пушанъ—питающій, Савитръ—жизнедатель, и т. д. Но также допустимо, что изрѣдка встрѣчающаяся въ Упанишадахъ связь трехъ божествъ указываетъ и на источникъ релігии Тримутри. Три божества характеризуются: Брама, какъ творецъ, Вишну—хранитель, Шива—разрушитель. Брама не имѣлъ большого значенія въ философскомъ и релігіозномъ творествѣ Индіи, и только

въ Эпосѣ прославляется какъ первое и главное лицо: «Парамбрама, Высшее божество, Богъ-Отецъ», который говоритъ о себѣ: «Я—царь міровъ, высшій вышихъ... Вѣчная, неизмѣнная первопричина бытія... Первый, Святой во Святыхъ, собою Сущій, Богъ Вѣчный». Соотношеніе Вишну и Шивы такъ же неясно и противорѣчиво, какъ у Аполлона и Діониса: возможно, что Аполлонъ небесный—образъ перваго чисто-божественнаго, а Діонисъ—второго, небесно-земного естества въ Двоединомъ божествѣ. По мнѣнію вишнуитовъ, Шива исходитъ отъ Вишну, если только не второй, *стихійно-міровой* его же образъ, у шиваитовъ Вишну исходитъ отъ Шивы. Всего же чаще у тѣхъ и другихъ встрѣчается представленіе двухъ ликовъ, или двухъ единосущныхъ божествъ. Вишну говоритъ Шивѣ: «Знающій тебя, меня знаетъ, тебѣ преданный преданъ мнѣ, ты и я—одно». Иногда въ вишнуитскихъ текстахъ Вишну называется Шивой, а на Шиву возлагаются атрибуты, обычно присущіе Вишну. Философія же обѣихъ вѣръ ясно говоритъ объ единствѣ всѣхъ трехъ лицъ: «Тотъ, кто есть Вишну, есть и Шива, и кто есть Шива, есть и Первоотецъ міра. Единосущно Троичное Божество: Шива, Вишну и Первоотецъ». Вишну воплощается на землѣ, когда міру грозятъ несчастія. Послѣднее его воплощеніе было въ лицѣ Кришны, съ культомъ котораго и связанъ вишнуизмъ. Нѣкоторые полагаютъ, что культъ Кришны, «богочеловѣка», возникъ подъ вліяніемъ христіанства. Между тѣмъ, идея «Бога и человѣка» восходитъ въ Индіи къ очень далекимъ временамъ: о Васудевѣ (человѣкобогѣ) было извѣстно еще во II вѣкѣ до Р. Х. грамматикъ Патанджали, а слѣдовательно, самая идея уходитъ еще глубже. О Васудевѣ говорится также въ Брахм.-Уп., 18: «Всѣ су-

щества въ любви своей зрящій—это я Васудева, это я Васудева». Хотя Васудева представляется человѣкомъ, ставшимъ божественнымъ Логосомъ, а Кришна, Божій сынъ и Логось, богъ Вишну, сталъ человѣкомъ ради блага людей, но въ вишнуитскихъ текстахъ Вишну нерѣдко называютъ Васудевою, а еще ранѣе, въ Упанишадахъ, встрѣчается такая священная формула, видимо ритуальная,—обращенія къ Вишну: *Омъ, намо бхагавате васудевайя!* По ученію вишнуитовъ, Вишну въ своемъ воплощеніи былъ «истинно богъ и истинно человѣкъ въ таинственномъ единствѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣрятъ, что Вишну есть тотъ Истинный Богъ, котораго чтутъ народы, называя своими излюбленными именами: «На многихъ престолахъ возсѣдаетъ Онъ, *Многообразный*... Его сердце—истина, онъ—правда, жизнь и спасеніе». Въ самое дальнее ведійское время Вишну является въ чертахъ милостиваго божества, покровителя и заступника людей: «богъ радѣющій, свѣтъ и солнце, великодушный податель, другъ (людей)!» Въ Упанишадахъ, посвященныхъ Вишну, онъ также славится, какъ «истинный Богъ», «Господь-Атманъ»: «Бога тысячеликаго славимъ, вѣчнаго, всесущаго, всевышняго; истинно!—вся вселенная отъ него свою жизнь пріяла». Загробное небесное царство называется мѣстомъ, «гдѣ Вишну высокій путь». *Нарайяна-Упанишадъ* говоритъ о немъ: «Всюду сущій, вездѣ его очи, ко всему обращенъ своимъ ликомъ, всюду его длань, всюду стопа и мышцы, создавая, напряжены; землю и небо сжимаетъ въ крылахъ своихъ, Богъ, Единый. Отецъ, благой къ намъ, видитъ каждое существо... Глазь священный, трехзвучный Омъ (*Аит.*), Лотось-Цвѣтокъ, въ *тѣлѣ истины!*..» Хотя въ вишнуизмѣ сохранились слѣды

трибожія, все же о Вишну говорится почти всегда какъ объ единомъ Богѣ: «Въ Вишну весь міръ возлежитъ. Сущій, сотворившій сонмы духовъ и тварей, сотворенное уносящій въ потокъ времени и вновь творящій. Безначальный, безконечный, блаженный Богъ. Земля—подножіе ногъ, чело покоится въ небесахъ, руками объемлетъ пространства, всюду слухъ его». Самъ Вишну говоритъ: «Во всѣхъ дѣлахъ своихъ *ко мнѣ полагай свое сердце*, увидишь мою милость, не оставляю... Если во мнѣ твоя надежда, моей милостью невредимо пройдешь всю тяжесть пути; на себя же надѣясь, погибнешь»...

Лучшій гимнъ Вишну воспѣваетъ *Бхагавадгита*, пѣснь пѣсень Индіи. Арджуна восхваляетъ Васудеву, стоя предъ нимъ лицомъ къ лицу: «Безконечный, всеобнявшій! О, море свѣта, свѣтящее во всѣ концы, меня ослѣпляютъ твои лучи ярче солнца. Единый, дивный конецъ всего и сердце, ты хранишь завѣты безсмертія. Вѣчный и сильный! солнце и мѣсяць твои очи, твоя любовь грѣетъ весь міръ, небеса и земля полны тобою. Явишься ты въ *образъ грозномъ*, и всѣ міры содрогнутся, бѣгутъ въ смятеніи боги. Всѣ міры въ страхъ и трепетъ взираютъ на твое величіе, какъ же не содрогаться моему сердцу? Отверзты твои уста, ты пылаешь всѣми пламенами, страшатъ меня твои огненные очи, моя душа не находитъ покоя, о Вишну!» Въ эту минуту Вишну принимаетъ свой *ужасный видъ Разрушителя міровъ*, пожирающаго въ мистическомъ пламени времени и смерти всякую жизнь, всякое явленіе. «Ты поглощаешь огненными устами всѣхъ смертныхъ, страшные лучи твои пронзаютъ весь міръ, тварь устрашая. Кто ты, скажи, Богъ Ужасный!?! Преклоняясь предъ тобой, жажду познать тебя, но твое

Страшное Откровеніе постичь не могу. Когда я, вѣруя, называлъ тебя своимъ другомъ, восклицая: о Кришна, о другъ! я не постигалъ твоего величія, дѣтски любя тебя. Если я не всегда благоговѣнно чтить тебя, о святой! прости мнѣ! смиренно преклоняюсь предъ тобой, молю. Будь милосердь какъ отецъ къ сыну, другъ къ другу, женихъ къ невѣстѣ. Видя тебя въ Ликѣ, ни кѣмъ не виданномъ, чудномъ, восхищаюсь сердцемъ, но страшно мнѣ. Явись въ другомъ образѣ, о сострадательный ко всѣмъ. Какъ прежде видѣлъ, такъ желалъ бы видѣть». Божество отвѣчаетъ: «Потому что возлюбилъ тебя, ты видѣлъ, Артжуна, мой образъ, безконечный, лучистый, все вмѣщающій, и, кромѣ тебя, никто не видѣлъ его изъ смертныхъ. Не страшись, не смущайся, видя сей образъ мой, дивный и страшный, и съ миромъ въ сердцѣ взирай на меня въ прежнемъ образѣ». Тогда является въ своемъ ликѣ тихомъ. Умиленный Артжуна говоритъ: «Вновь тебя вижу въ *Образѣ Любви*, и успокоился духъ мой». Божество сказало ему: «Образъ мой, который видѣлъ, недоступно видѣть смертнымъ. И даже боги томятся, желая увидѣть его. Не за милости, не за жертвы, не за познаніе писаній могутъ увидѣть, какъ ты видѣлъ. Кто *любитъ меня одного, тотъ познаетъ меня*, въ истинѣ моей меня видитъ, во мнѣ найдетъ свое безсмертіе». Этотъ второй *Образъ Гнѣва*,—образъ страшнаго бога, олицетворяющій всю ужасающую *черную природу* бытія: страданія, смерть, болѣзни, стихійныя бѣды, всѣ бичи человѣчества, безжалостную мстительность законовъ природы—въ которомъ предсталъ Вишну, является въ индуизмѣ преимущественно образомъ Шивы. Несмотря на свое имя, — Шива значить:

дружественный, милостивый,—онъ есть богъ грозный, трехъ-окой разрушитель. Таково и другое имя его Хари (губитель). Кромѣ того онъ называется у шиваитовъ Махадева, Великій Духъ, Высшій Богъ, въ легендѣ Кришны даже Богъ-Отець. Шива, божество смерти и обновленія, Діонисъ Индіи, олицетворяетъ *Жизне-смертную* Природу. Въ этомъ странномъ, таинственномъ божествѣ, ужасномъ, обвитомъ змѣями, съ ожерельемъ изъ череповъ, съ *третьимъ* окомъ на челѣ, какъ будто зрящимъ какую-то страшную тайну бытія, которую никто и никогда не узнаетъ изъ взирающихъ двумя очами, индусы предвосхитили демоническій образъ «второго лика» у Ницше. «Вишну—божество боговъ, Шива—демоновъ», сказано въ *Курма-Пуранѣ*. Къ Шивѣ, богу-природѣ, стихійной душѣ міра, можно обратить слова Карлейля: «природа своеобразно-прекрасна сочетаніемъ небснаго и адскаго». Ведійскимъ образомъ Шивы былъ Рудра, пламя и жизнь, убійственной и цѣлебной грозой очищающей воздухъ и землю. Мрачный Шива, трагическій богъ, загадочный *Черный Свѣтъ* бытія, ставшій позднѣе демоническимъ божествомъ крови и смерти, отразился нѣкоторыми чертами и въ образѣ Вишну, тихомъ божествѣ любви, схожемъ съ идиллическимъ «пастыремъ Адонисомъ». Въ Упанишадахъ Рудра носитъ тотъ же двойственный характеръ, съ которымъ въ Бхагаватгитѣ является Вишну: «О, Рудра! въ твоемъ благодатномъ образѣ, не страшасемъ, не приносасемъ бѣды, дай намъ увидѣть тебя. Стрѣлу твою, въ длани носимую, въ милость къ намъ обрати, да не вредитъ ни человѣку, ни звѣрю... Рудра, царящій надъ міромъ, онъ, *въ концѣ временъ, яростью разгорясь, всѣ существа раздробитъ...* Онъ руку,

творя, простираетъ и *преклонитъ небо къ землѣ*... Источникъ божествъ, владыка всего, премудрый Рудра, озари насъ свѣтомъ твоей мысли... Въ руку его свою жизнь вложите, и войдете на высоты надъ небомъ, гдѣ Вишну высокій путь»... Современные шиваитскіе гимны обращаются къ нему, какъ милостивому и благому, несмотря на грозный образъ. «Всякая жизнь въ твоей власти, слава тебѣ, Ты отецъ мой, я дитя твое. Ты, щедрый, даешь безсмертную радость. *Сердца твоего, радости твоей никто не знаетъ*. Все въ твоей волѣ, всему полагаешь начала и концы». Шиваитскія молитвы, заповѣди, гимны исполнены глубокой набожностью. «Люби Бога, ему ввѣрь сердце. Друзья твои и любящіе не тебя любятъ, твое счастье. Богатъ ты, въ славѣ, съ тобой возсѣдаютъ, пируютъ многіе; бѣдень, въ бѣдѣ, и всѣ тебя оставляютъ. Жена, любящая, которая всегда у сердца твоего, когда покинетъ тебя жизнь, съ ужасомъ отвернется отъ тебя. *Вѣрь только Богу*»...

Если въ Шивѣ является образъ Бога-природы' съ ея мрачными тайнами страданій и смерти, то въ лицѣ Вишну, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе популярномъ представленіи, Индія имѣла чело-вѣчнаго Бога, Бога съ теплымъ участливымъ сердцемъ. «Всякій разъ, — говоритъ Вишну, — когда вѣрѣ грозитъ опасность, торжествуетъ нечестіе, я являюсь. Для защиты добрыхъ, на казнь злымъ, ради насажденія правды схожу съ небесъ, отъ вѣка до вѣка». Главнѣйшія воплощенія (*аватары*) Вишну были: 1) Рыба, спасшая Ману, праотца чело-вѣковъ; 3) Вепрь, 8) Кришна, 9) Будда, и 10) Калки, будетъ послѣднимъ, при концѣ міра. Онъ явится на бѣломъ конѣ, сіяющей, съ мечомъ Право-

судія въ десницѣ, побѣдитъ зло и сотворитъ новый міръ, святое царство. О Кришнѣ темноликомъ (съ чернымъ или темносинимъ цвѣтомъ кожи), сложились у вишнуитовъ поэтичныя легенды. Извѣстное сходство, на нашъ взглядъ очень не близкое, межъ легендою Кришны и нѣкоторыми евангельскими рассказами подавало поводъ видѣть въ вѣрѣ Кришны далекій отголосокъ христіанства. Вотъ эти сходныя черты: рожденіе отъ дѣвы, непорочное зачатіе, пастухи и мудрецы, избіеніе младенцевъ, бѣгство отъ преслѣдованія, искушенія, преображеніе, самое созвучіе именъ Христа и Кришны, сохранившіяся изображенія матери съ младенцемъ въ хлѣвѣ, схожденіе въ адъ, побѣда надъ царемъ смерти, Йямой, мистическая «смерть на деревѣ», по выраженію Шеллинга; Кришна всегда кротокъ и смирененъ, остается непонятымъ въ своемъ божественномъ величіи, разгаданъ немногими, онъ омываетъ ноги брахманамъ, всегда защищаетъ бѣдныхъ и несчастныхъ, проповѣдуетъ новую совершенную жизнь въ Духѣ, воскрешаетъ мертвыхъ, исцѣляетъ больныхъ,—обо всемъ этомъ разсказывается въ вишнуитскихъ *Пуранахъ*. Полагаютъ, что культъ Кришны могъ возникнуть подъ вліяніемъ проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ или еще ранѣе, въ апостольскія времена, какъ остатки «церкви Өомы», нѣкогда, по апокрифамъ, основанной въ Индіи. Нужно замѣтить, однако, что Индія, даже въ самыя древнія времена, не была замкнутою, пассивно-воспринимающей страной; напротивъ, «свѣтъ съ Востока» разносился разными путями по всему міру. Вліяніе Индіи на греческую мысль хорошо извѣстно. За 4 вѣка до Р. Х. буддійскіе миссіонеры ходили «во всѣ стороны

вѣтра», доходили даже до Китая. Въ IV вѣка до Р. Х. буддизмъ извѣстенъ въ Бактріи, за 2 вѣкъ въ Персіи были буддійскіе монастыри. Въ до-христіанскую эру александрійская бібліотека обладала списками буддійскихъ текстовъ. Индія проводила свое культурное вліяніе чрезъ Персію, Египеть и Александрію, въ которой, какъ міровомъ центрѣ тѣхъ временъ, скрещивались религіозно-философскія ученія культурныхъ странъ. Затѣмъ, чудеса и исцѣленія довольно нерѣдки въ религіозныхъ исторіяхъ, и египетскимъ магамъ, напримѣръ, приписывалась «сила воскрешенія мертвыхъ». Схожденіе въ адъ извѣстно въ орфическихъ легендахъ и въ письменахъ древняго Вавилона; о зачатіи дѣвы или чистой жены силою духа говорится и у будистовъ и въ маздеизмѣ; божественное происхожденіе своего ученія утверждаютъ положительно всѣ религіи, включая китайскій лаотцизмъ; въ событіяхъ же «избіенія младенцевъ, пастырей и волхвовъ и смерти на древѣ» почти нѣтъ никакого внутренняго сходства. Кромѣ того, нужно замѣтить, что хотя Пураны, главнымъ образомъ, Бхагавать и Вишну-Пураны, относятся къ христіанской эрѣ, но время написанія не указываетъ на время возникновенія сказанія, въ особенности въ Индіи, гдѣ цѣлыя вѣроученія передаются въ устномъ преданіи отъ одного вѣка другому. Поэтому и легенда Кришны, возможно, уходитъ въ самую отдаленную старину. И дѣйствительно, въ «Великомъ Толкованіи» Патанджали (Махабхашья, за II в. до Р. Х.) есть отрывки сказаній о Кришнѣ, а посланникъ Селевка при дворѣ царя Паталипутры (въ III в. до Р. Х.) Мегасеенъ даже говоритъ о родственности этихъ сказаній съ мѣомъ Геракла. Кромѣ того, Кришна встрѣчается и въ Упанишадахъ: «Бла-

гочестивъ былъ отпрыскъ Деваки» (Нар.—Уп.), также и Чханд.—Уп. говорить о Кришнѣ, сынѣ Деваки. О «Вишну, *пастырѣ върномъ*» сказано еще въ Ведахъ. «Пригвожденіе къ древу» нѣтъ надобности выводить изъ круга христіанскихъ образовъ: въ миеѣ Озириса богъ называется «пригвожденнымъ къ древу», и Агни, богъ огня и свѣта въ Ведахъ, «рождается и умираетъ на деревѣ». Что касается имени Христа и Кришны, то едва ли въ нихъ больше созвучія, чѣмъ въ божественныхъ именахъ Упанишадъ: Ишвара, Иша, Ишана съ именемъ Исусъ, т.-е. просто случайнаго сходства. Нужно замѣтить, что совпаденія, буквально ни на что не указывающія, очень нерѣдки: нѣчто въ родѣ креста, опущеннаго внизъ, въ рукахъ египетскихъ боговъ, такой же знакъ въ маздеизмѣ и въ Индіи, конечно, не то же самое, что крестъ христіанъ. Нерѣдки совпаденія и въ самыхъ текстахъ. Напримѣръ, въ Айтарея—Араньяка—Уп. сказано: «Брахма есть А (2, 3.8) А есть Слово, Слово есть Истина, Истина есть Духъ (2, 3—6 5—14), Духъ объялъ Воды и сотворилъ Вещество (2, 4. 3. 1)». Или въ Шатап.—Брахманѣ: «Вачъ (Слово, Логосъ) есть Нерожденное, и Словомъ создалъ Вседержитель всякую тварь». Изъ такихъ совпаденій можно бы составить цѣлую книгу.

Въ легендѣ воплощенія Вишну выразилась почти повсемѣстная вѣра въ вочеловѣченіе Божества: чистая, дѣвственная любовь земнаго міра, жаждущая Бога, привлекаетъ Небесную Любовь, и въ мірѣ рождается *Новая Жизнь*, земное Смертное становится Безсмертнымъ, является человѣчный Богъ и божественный Человѣкъ. Матерью Кришны была дѣвственница Деваки, царская сестра, идеально чистое и прекрасное существо. Однажды въ лѣсу ее окружили

клиры небесныхъ духовъ съ ликующей пѣснью: «Конецъ близится міру темному, міру кровавому, грѣшному. Во чревѣ жены Божественный Свѣтъ приметъ плоть человѣка. Ты—избранница». Часто, въ мистическомъ полубытіи дѣва слышала небесные гимны: «Блаженна ты, Дѣва! Вѣнчанный Свѣтомъ, придетъ Онъ, прекрасный и чистый какъ уста дѣвы, непорочный какъ агнецъ, любовью наполнить сердца. Безсмертіе побѣдитъ смерть!» Жрецъ Огня, вѣдатель тайныхъ путей, возвѣстилъ царю, что отъ его сестры родится Царь міра. Раджа, по наущенію завистливой жены, замыслилъ злое на Деваки, но отшельники укрыли дѣву въ священномъ лѣсу. Однажды, въ мистическомъ очарованіи, утопая въ морѣ сладкихъ небесныхъ звуковъ, она пала на землю, изнемогая въ невыносимомъ блаженствѣ. Надъ нею разверзлось небо, открывая бездны чуднаго свѣта, и въ свѣтѣ упавшаго на нее луча явился Махадева, Солнце солнць. Неземная тѣнь Духа покрыла Дѣву, и она въ невыразимомъ блаженствѣ зачала младенца. Свыше озаренный первосвятитель отшельниковъ привѣтствовалъ дѣву: «Божья воля свершилась надъ тобой. Чистая сердцемъ, возлюбленная божья, ты непостыдно зачала. Поклоняемся тебѣ, Дѣва и Матерь! Сынъ, котораго родишь, спасетъ міръ. Но братъ твой Канза ищетъ убить тебя. Братья отведутъ тебя къ пастырямъ, живущимъ у подножія Меру. Тамъ родишь божественнаго младенца и назовешь его Кришна». Чудесное дитя невѣдомой пришедшей жены росло среди пастырей и стадъ. Интересно замѣтить, что въ гимнѣ Вишну-Пураны, въ которомъ небесные духи восхваляли родившую, Деваки отождествляется съ Богоматеріей Санкхьи, божественной Пракрити, освобождающей изъ своихъ нѣдръ Вѣчнаго Духа: «Ты—Адिति, Безко-

нечная, несущая Бога, ты свѣтъ, рождающій день, Смиреніе, мать Истины, мать Любви»... Злой Канза повелѣлъ избивать младенцевъ одного возраста съ Кришной, но таинственная помощь охраняла младенца и мать. Возмужавъ, Кришна выступаетъ съ проповѣдью ученія, которому посвящены Бхагавадгита и вишнуйскіе Пураны. Въ легендѣ Кришны наиболѣе интересенъ разсказъ о его смерти. Однажды Кришна былъ на пирѣ великаго раджи. Въ это время подходятъ двѣ женщины въ покаянныхъ одеждахъ, Сарасвати и Нишдали, нѣкогда полюбившія юношу Кришну, не зная, кто онъ; но на ихъ страстную грѣшную любовь онъ отвѣтилъ тогда только чистою братской любовью. Теперь жены пришли къ нему какъ божественному мудрецу, пришли съ страдающей совѣстью. Припавъ къ его ногамъ, вся въ слезахъ, Сарасвати воскликнула: «всю жизнь я провела въ грѣхахъ, падшая, только ты одинъ можешь спасти меня». Нишдали, жадно и благоговѣйно цѣлуя его ноги, говорила: «о Кришна, когда я давно впервые увидѣла тебя, я полюбила тебя одного во всемъ свѣтѣ; теперь, встрѣчая тебя въ славѣ, знаю: ты—Богъ мой». Раджа и брахманы возроптали: «какъ ты, святѣйшій риши, выносишь такія позорныя рѣчи безстыдныхъ женщинъ». Но Кришна отвѣтилъ: «дайте имъ облегчить сердце; онѣ достойны, какъ вы; одна изъ нихъ—вѣра, другая—любовь; Сарасвати грѣшница, но спасется, ибо увѣровала въ Меня, а Нишдали въ своемъ молчаніи болѣе возлюбила Истину, чѣмъ тѣ, кто говорятъ о ней во многихъ рѣчахъ, и Свѣтлая Мать моя, нынѣ сущая въ лонѣ Махадевы, открыла имъ *Тайны Вѣчной Любви*». Съ того времени обѣ жены слѣдовали за Кришной въ толпѣ учениковъ, и другихъ женщинъ обращая въ вѣру. Онѣ же однѣ были при немъ

въ часъ его смерти. Мстительный царь всюду разослалъ убійцъ, и Кришна зналъ, что миссія его окончена и остается принести *Послѣднюю Жертву*. Онъ пожелалъ умереть вдаль отъ людей и удалился въ глухое уединенное мѣсто въ горахъ. Женщины чуткимъ женскимъ сердцемъ поняли близость кончины учителя и плакали: «учитель, не покидай насъ». Нишдали, глядя съ вѣрой и любовью въ его очи, говорила: «Знаю, на что идешь; если любишь насъ, позволь идти за тобой». Кришна отвѣчалъ: *«Любовь не отвержена въ Моихъ небесахъ. Идите»*. Кришна удалился съ женами на высоты, и Сарасвати, тоскуя, говорила: «земля далеко, и глухо небо; зачѣмъ ты пришелъ въ эту пустыню, забытую богами и людьми». «Молись, отвѣчалъ Кришна, и земля приблизится, и Небо станетъ говорить съ тобой». «Гдѣ ты, тамъ мое небо, воскликнула Нишдали, но зачѣмъ небо оставило тебя?». «Такъ должно быть, чтобы сынъ Махадевы скончался, пронзенный стрѣлой, дабы мѣръ увѣровалъ въ Его слово. Будемъ молиться». Всѣ дни Кришна провелъ въ молитвѣ, и ликъ его чудно сіялъ. На седьмой день жены увидѣли кравшихся стрѣлковъ Канзы. «Ищутъ тебя, господинъ, защищайся», сказала Сарасвати, но Кришна, преклонившись у древа, молился въ чудномъ покоѣ. Злодѣи съ ругательствами бросали въ него камнями, потомъ стали пускать стрѣлы. Вонзилась первая стрѣла, и потекла кровь. «Солнце побѣдило», сказалъ Кришна. Вонзилась вторая стрѣла, и Кришна сказалъ: «о, лучезарная Мать моя, да внидутъ всѣ, кто любятъ меня, въ свѣтъ Твой со мною!» Вонзилась третья, и Кришна, тихо молвивъ: «Махадева!» испустилъ духъ. Поднялся страшный вихрь, снѣжная буря закрутилась на вершинахъ горъ, разразилась гроза. Убійцы бѣжали въ страхъ. Душа Кришны вознеслась

на небо, къ Отцу міровъ, Махадевъ. Тѣло Кришны предано сожженію въ градъ Дварка. Сарасвати и Нишдали бросились на костеръ, не въ силахъ пережить учителя, и многіе изъ толпы, способные видѣть духовными очами, видѣли Сына Махадевы въ божественномъ сіяніи, увлекавшаго съ собою на небо обѣихъ женъ вѣрныхъ. Среди небесныхъ блаженствъ онъ не забываетъ людей, и, когда наступитъ время торжества зла, онъ вновь сойдетъ на землю, но уже какъ Судія и Воинъ, съ пламеннымъ Мечомъ Правосудія, на бѣломъ конѣ. Побѣдивъ грѣхъ и смерть, создастъ царство чистоты, святости и любви.

Вишнуитское ученіе о спасеніи повторяетъ общія всей Индіи заповѣди *совершеннаго сердца*. «Не дѣлай того, что, вспоминая, будешь терзаться на смертномъ одрѣ. Тщетны знанія, призрачны добрыя дѣла, если не въ Богѣ содѣланы. Великое древо всѣмъ даетъ тѣнь и прохладу, само же страдаетъ отъ зноя; другимъ приноситъ на пользу плодъ, не себѣ. Добродѣтель лучше жизни, выше безсмертія. Ни царское достоинство, ни слава, ни богатства не сравнятся и съ малою долей праведной жизни. Одно есть на свѣтѣ благородство—человѣчность. Будь сострадателенъ къ людямъ, справедливъ въ каждомъ своемъ движеніи. Не возвышайся постыдными средствами, позорны пути неправды. Жить въ мірѣ, но жить не для міра—правило мудрыхъ. Немногое добро отъ чистаго сердца выше обильныхъ добрыхъ дѣлъ, но связанныхъ съ грѣхомъ, тщеславіемъ, ложью. Малое дѣло теплой любви алмазь малый, но драгоцѣнный. Чего не желаешь претерпѣвать отъ другихъ, и самъ не дѣлай другимъ. Среди нечистыхъ нечиста и женщина, и гдѣ нечисты женщины, тамъ нечиста жизнь». Великій философъ Индіи прошлаго вѣка Рамкришна гово-

рилъ: «только жаждущій Бога всею страстью и силой любви находить Его». Ту же мысль высказалъ европеецъ Гердеръ: «любовь есть высшій разумъ». Это познаніе любовью, самозабвеннымъ, безъ конца желающимъ влеченіемъ сердца, составляетъ прекраснѣйшую сторону философіи Востока. Вишнуитская «Бхагавадгита»—цѣлая поэма познающей любви. «Вѣчнаго друга несешь ты въ себѣ и не знаешь; Богъ почиваетъ внутри тебя, и многіе ли находятъ его. Истомленный міромъ, жадно припади къ Богу, забудь все. Нѣтъ, ты все еще собираешь, не насытился, и вотъ тебя настигаетъ смерть, какъ тигръ, подкравшійся незамѣтно. Мудростью изсѣки жажду изъ сердца. Нѣтъ радости выше отреченія, нѣтъ подвиговъ выше (познанія) Истины. Когда страсти, страхи и ненависть угаснуть въ душѣ безвозвратно, возстанетъ въ ней Богъ. Когда всякая привязанность (къ чувственной жизни) изсякла, въ душѣ благодатно и ясно, и Истина свѣтитъ (въ нее), ты—въ Нирванѣ. Кто внутри себя радость находитъ, свѣтъ и усладу, тотъ йогинь, достигъ *Брахма-Нирванамъ*. Воспаривъ духомъ въ обитель Брамь, радуется не преходящей радостью, вѣчной. Въ тотъ покой, который—въ *Моемъ Сердцѣ*, входитъ въ Нирванѣ йогинь. Только Богъ знаетъ Бога. Духа Вышняго никто не восхитить, и никто имъ не станетъ. Кто же необъятнаго, неосяземаго, незримаго Атмана (въ тайнахъ существа своего) созерцаетъ... кто побѣдилъ всѣ желанія тѣла и души, тотъ (и здѣсь уже) въ Нирванѣ, какъ огонь въ кострѣ, костеръ сжигая. Ищи *Вѣчнаго Мира*; достигшій не печалится, не ищетъ, не колеблется. Йогинь, осіянный силами, *возникъ* въ Вѣчномъ, въ Совершенствѣ, въ Нирванѣ. Кто другъ для всѣхъ, все терпитъ въ мирѣ сердца, безстрастный, безгнѣвный, тотъ спасенъ. Кто

возшелъ на Высоту высотъ, въ Нирвану Божью, Мирь Святой, тотъ не возвратится (не возродится въ тѣлесныхъ формахъ). Кто въ Нирванѣ достигъ Божества, въ томъ свѣтъ свыше, чистая мудрость, тотъ—Буддха. Вступившій въ Нирвану Брахмана пребываетъ какъ чистый духъ въ Духѣ Божественномъ. Какъ здѣсь душевная жизнь слагается «по подобію» внѣшней, матеріальной, такъ въ Нирванѣ она въ сродствѣ и созвучіи съ Чистымъ Духомъ: «не по ея (матеріи) подобію, но по подобію Его (Духа)». Здѣсь духъ внѣдренъ въ стихію вещества, проникнуть его жизнью, въ Нирванѣ онъ *восуществляется* въ стихію Духа и Блаженства: «Нѣтъ иного (для него), нѣтъ ожиданій и желаній, нѣтъ «моего», нѣтъ «я» — въ «я», вошедшемъ въ Покой и Вѣчность. Въ Атманѣ *одушевляется вновь*, всвѣкъ не будетъ печали въ мѣстѣ Горнемъ, въ Жизни безъ движенія, безъ волненія, гдѣ нѣтъ ни мольбы, ни стоновъ, ни слезъ, ни несчастья, ни счастья, ни тѣлесныхъ узъ, ни душевныхъ».

Въ границахъ нашей темы мы имѣемъ дѣло только съ положительной стороной религіозныхъ ученій Индіи, но все же хотя мелькомъ должны отмѣтить, что и тамъ ищущая мысль проходила чрезъ то же «горнило сомнѣній», какъ и западная. Не говоря о ярыхъ отрицателяхъ—матеріалистахъ, въ каждой системѣ проходятъ мотивы сомнѣнія, неувѣренности, разочарованія. Возьмемъ небольшой отрывокъ изъ Эпоса, діалогъ царственныхъ супруговъ, гонимыхъ несчастьемъ. Царица—вся скорбь и сомнѣніе, доходящее до мрачнаго отчаянія, до «вызова небесамъ»; царь олицетворенная преданность Богу, кроткая вѣра, терпѣливая безъ конца, и, несмотря на всю гнетущую неправду, вѣрующая чистымъ инстинктомъ сердца въ конечную правду своего Бога. Рѣчи ца-

рицы напоминаютъ пѣвца благородныхъ сомнѣній Клавдіана: «Какъ часто тревожно во мнѣ говорило сомнѣнье: въ десницѣ ли Бога судьба міровая, иль случай нелѣпый властвуетъ міромъ, влача безобразно людей за собою... Гармонія міра взоры мои поражаетъ, когда же въ людскія дѣла я вникаю пытливо, полныя лжи и лукавства и гордаго зла, вижу, что зло побѣждаетъ, добро же влачитъ скорбную жалкую жизнь... Есть ли онъ, есть ли Господь справедливый? Или случай безумный, фортуна слѣпая создали въ мірѣ людей, и царствуетъ случай безъ смысла и правды»... Царица побуждаетъ мужа отомстить насильникамъ, изгнавшимъ ихъ изъ царства. Царь возражаетъ: «забвеніе обидъ и прощеніе—благая жертва въ Божьихъ очахъ, свята и истинна. Богъ взираетъ на тѣхъ, кто прощаетъ». Царица возмущается его кротостью и говоритъ съ страстнымъ сарказмомъ: «Развѣ не молился ты, не приносилъ жертвъ обычныхъ? И теперь въ такой жалкой долѣ. Нѣтъ же, это только старая сказка, что міромъ управляетъ Божья воля. Богъ играетъ своими созданьями, какъ ребенокъ съ игрушками, то собирая, то разрушая, когда вздумается. Нѣтъ, не какъ отецъ онъ поступаетъ съ своими дѣтьми. Когда вижу, какъ унижены добрые, какъ блаженствуютъ недостойные, я порицаю, хулю создателя, который допускаетъ такую неправду. Если нѣтъ кары за злыя дѣла, значитъ, міръ отданъ во власть грубой силѣ». Царь же кротко отвѣчаетъ ей: «Жертвы принося, я творилъ доброе не для награды, ради правды. Не сомнѣвайся, вѣруй въ добро, не порицай создателя. *Если бы вѣра была напрасна, міръ бы погибъ.* Великъ Богъ и таинъ. Богъ—въ тайнѣ и тьмѣ (для насъ)».

Самое живое представленіе о религіи Вишну даютъ

не столько Пураны, хотя и въ нихъ разсѣяно множество перловъ мысли и чувствъ,—но эта пѣснь пѣсень индуизма, гимнъ вѣры и любви, старая и вѣчно юная *Бхагавадгита*. Гимны и мистическія видѣнія, громовыя откровенія и нѣжный шопоть сердца, трепетныя молитвы тихой вѣры и пламенное пророческое слово,—все сливается здѣсь въ одну величественную симфонію. Въ ней выразился вставшій во весь ростъ религіозный геній Индіи. «Склони свое сердце ко Мнѣ, себя принеси мнѣ въ жертву, —и ко Мнѣ придешь, возлюблю тебя. Укройся подъ сѣнь мою, и найдешь великій покой. Моею силой все превозможешь. Что сначала горько какъ ядъ и потомъ сладко какъ нектаръ, въ томъ твое (истинное) счастье, и оно—чистота духа; все же, что связано съ похотью, плѣняется какъ нектаръ и станетъ горько какъ ядъ. Чистый сердцемъ, милосердый не умираетъ вовѣкъ, дѣхъ его найдетъ въ Богѣ вѣчный покой. Кто преданъ мнѣ, тотъ благосклоненъ ко всѣмъ существамъ. Входя въ Меня, принимаетъ Духа моего; пребывая въ Моихъ истинахъ, во мнѣ почиваетъ. Земное горе, холодъ и зной, радости, болѣзни и смерть *временному твоему* суждены: неси же съ терпѣніемъ. Кто превозмогъ въ себѣ *силу и голосъ* плоти, тотъ вошелъ въ Божій покой, въ душѣ его небо царить, не земля. Похоть, желанія, *духъ тѣлесности* — вотъ силы Царицы—Плоти, поработившей людей. Какъ скинувшій дряхлыя одежды облекается въ новыя, такъ твоя вѣчная сущность, стряхнувъ съ себя *ветхаго чловѣка*, облекается въ новаго, который не рождается, не старѣетъ, не умираетъ, не гибнетъ, когда умираетъ тѣло. Кто обрѣлъ святой миръ, живетъ въ Богѣ, и въ немъ до конца пребудетъ, тотъ въ смертный часъ входитъ въ Нирвану, въ Божество.

Кто въ себѣ нашель свое Небо, и радость свою нашель въ Духѣ, тотъ въ высшемъ мірѣ, жилище безконечной жизни, недоступенъ печали низшихъ міровъ. Безумцы, радостно слушая Древнее Слово (Веды), говорятъ: выше нѣтъ; сердце ихъ наполняется надеждами и желаніями *для себя*, жаждутъ награды въ будущей жизни за свои добрыя дѣла. Для тебя же пусть само доброе дѣло будетъ твоей любовью; не думай о себѣ, выгодѣ и добрыхъ плодахъ, которые тебѣ принесеть. Чей духъ безпечаленъ, и мысль устремляется въ высь, кого не влачить суета земли, кто недоступенъ страстямъ, гнѣву и страху, въ томъ—свѣтъ иной, чѣмъ свѣтъ этого міра. Радости, рожденныя міромъ, рождаютъ скорбь. Кроткую покорность Богу здѣсь зовутъ хладностью, но блаженны покорные. Въ комъ нѣтъ злобы ни къ одному существу на свѣтѣ, кто милостивъ и сострадателенъ, равно покоенъ и въ счастье и въ несчастье, во Мнѣ утихшій сердцемъ и мыслью, —того люблю. Я—Вишну, Слово и Богъ. Я равенъ ко всѣмъ существамъ. Никого не отрину и никого не предпочту. Но Мои—во Мнѣ, и Я въ нихъ. И грѣшника, Меня возлюбившаго, вступившаго на правый путь, не презрю. Исправь свое сердце ко мнѣ, мнѣ отдай свою душу, свою волю принеси мнѣ въ жертву, войди въ Мою любовь. Кто, вѣрою полный, молится своему Богу, Мнѣ молится, Меня не зная. Жертвы познанія лучше чѣмъ жертвы даянія. Мечомъ познанія порази сомнѣніе, если живетъ въ твоемъ сердцѣ, и духъ свой ко Мнѣ возноси. Кто мучить живущихъ, Меня мучить. Кто равенъ и къ врагу и къ другу, кого не тревожатъ ни честь, ни хула, кто молчаливо, безропотно переноситъ горькую долю, кто ни съ какимъ міромъ не связанъ жаднымъ желаніемъ, того люблю. Кто приобщился безсмертія,

надъ кѣмъ свершились силы вѣры, творящей для вѣчности, чье все желаніе ко Мнѣ одному, кто меня больше всего возлюбилъ, того и я люблю выше всѣхъ. Чистота жизни, смиреніе, правда, кротость—покаяніе плоти; безгнѣвныя рѣчи, доброе слово, не затихающая молитва въ душѣ—покаяніе слова; чистое сердце, душевный миръ, безмолвіе, чистая воля, духъ сильный—покаяніе духа. Рабы желаній, покорные похоти и зlobѣ, стремятся люди несправедливыми путями собирать богатства, чтобы похоть свою усладить; говорятъ: достигъ сегодня, что желало сердце, завтра еще желаннаго достигну; это мое, и то мое будетъ; этого врага уничтожу и тѣхъ враговъ сокрушу; владѣю! наслаждаюсь! счастливъ! силенъ, могучъ! богатъ, благороденъ! кто со мной сравнится! жертвы принесу, дарами задарю и буду счастливъ вovѣки вѣковъ!—такъ говорятъ безумцы. Вѣчно влачась туда и сюда въ желаніяхъ многихъ, запутываются въ сѣтяхъ обольщенья, и вотъ—ниспадаютъ въ пучину бездны. Надменные, гордые, опьяненные богатствомъ, отуманенные лестью, жертвуютъ напоказъ презрѣныя жертвы. Насильники, сыны гнѣва и гордости, сладострастные, ненавидятъ Меня. Ихъ, враговъ моихъ, позоръ чelовѣчества, грязныхъ и безбожныхъ, низрину Я въ нѣдра демонскія, въ утробу дьявола. Ибо они не желаютъ меня, идутъ подземнымъ путемъ. Похоть, злоба и жадность—двери въ адъ, погибель души, ибо Я покину ее. Безумцы ругаются мнѣ, когда я являюсь въ Моемъ образѣ Человѣка. Меня, владыку міра, не узнаютъ во Мнѣ. Но люди со свѣтлой душой молятся Мнѣ, ко мнѣ горитъ ихъ сердце, и вкусятъ Моей божественности. Ихъ молитвы—жертва познанія, когда чрезъ міръ вещей и время Меня, Единого, познаютъ. Неистинно все смертное,

только вѣчное истинно вовѣкъ. Знай, что тому, кто міры и пространства раскинулъ, Вѣчному нѣтъ смерти. Не было времени, когда я не былъ и не будетъ. Я жертва и цѣленіе, пѣснь хвалебная и бальзамъ, пламя и фиміамъ жертвы, я жизнь и смерть. Весь міръ развернулъ таинствомъ силы моей. Все живетъ Мною, но Моя Божественность не живетъ во всемъ. Все во мнѣ, но не все въ моей божественной сущности: постигни великую тайну. Духъ мой несетъ всю вселенную, но не вмѣщается въ ней... Блаженны воители за правду, дальнія небесныя врата имъ отверзты. Помраченный міръ не знаетъ меня. Я свѣтъ въ свѣтѣ и прохлада въ водѣ, я—Омъ, я—Гимнъ и величаніе Веды, жизнь въ жизни, разумъ въ разумѣ, величіе въ великомъ. Нерожденный и вѣчный, творецъ созданій, силой и волей моей рождаюсь въ мірѣ тѣлесномъ. Когда правда погибаетъ въ мірѣ, неправда царить, Я являюсь. Добру на защиту, на гибель злу. Чтобы Вѣру Истинную вновь возстановить, я паки рождаюсь въ разныя времена. Кто узнаетъ Меня во Мнѣ, здѣсь ро денномъ, и голосъ Мой слышать, тотъ не умретъ вовѣкъ. Меня почтившихъ и Я почту. Во всѣхъ краяхъ земли есть люди, идущіе Моимъ путемъ. Даже тѣ, кто приносятъ жертвы другимъ богамъ, Мнѣ, не зная, жертвы приносятъ... Кто, живя, живетъ во имя Высшаго, того не коснется грѣхъ. Безгрѣшный, чистый, кто, вѣруя, радуется благу всѣхъ существъ, тотъ *пресуществится въ Божественной Нирванѣ*. Кто познаетъ меня и во мнѣ Того, кто принимаетъ жертву и покаяніе, Друга всѣхъ живущихъ, тотъ войдетъ въ Покой... Съ неподвижнымъ взоромъ, впереннымъ въ Небесную Даль, не зрящій окрестъ, йогинъ, бесконечно свободный, мысль и духъ Мной наполняя, въ Меня входитъ. Въ

Йогъ, соединяющей съ Высшимъ, перейдешь за грани всего, что приноситъ страданье. Йогинъ, достигшій вѣчнаго мира, входитъ въ Нирвану, недоступную мысли, ибо *она во Мнѣ*. Благодать на томъ, чье сердце исполнилось святого покоя, кто въ блаженствѣ Йоги приникъ къ Божеству, возжелавши только Его, до вѣчности Перваго. Тотъ, чья душа въ жертвѣ йоги сочеталась съ Богомъ, видитъ все въ свѣтѣ Единаго, видитъ *Душу* во всемъ и въ душѣ. Кто Меня во всемъ и все во Мнѣ постигаетъ, того не покину, не разлучу съ собой. Онъ, живя въ тѣлѣ, во Мнѣ живетъ. Ночь безпросвѣтная для другихъ, для того, кто живетъ въ мысленномъ Свѣтѣ,—Свѣтлая Даль, а то, въ чемъ другіе видятъ жизнь, въ его глазахъ—тяжкій сонъ. Надъ видимымъ міромъ невидимъ, выше жизни и смерти, въ *Неоткровенномъ*—лежитъ мой Путь. Тамъ моя Вышняя обитель. Мой Свѣтъ ее освѣняетъ, и *вѣчный мой лучъ*, проникши въ земную душу, увлечетъ ее въ мое царство».

РЕЛИГИЯ ЛЮБВИ.

Въ кругу позднѣйшихъ религій Индіи центральное мѣсто занимаетъ *Бхакти*, религія любви, культъ Единаго Бога, абсолютно недоступнаго познанію. Только «второе познаніе»: *святая любовь* знаетъ Истиннаго Бога, котораго народныя религіи стремились олицетворить въ образахъ своихъ божествъ. Вишнуизмъ и Шиваизмъ съ своими развѣтвленіями, цѣлый рядъ новыхъ вѣръ, родившихся на почвѣ Упанишадъ, Брахманъ и Пуранъ, и объединенныхъ въ общемъ имени «индуизма»,—всѣ говорятъ одно: изъ многихъ *религій* глядитъ единая *вѣчная вѣра*.

Эта мысль восточной мудрости принята Ренаномъ: «вѣра будетъ вѣчно жить, но религіи, въ своемъ словѣ и образѣ, преходящи». По мысли индійскихъ мудрецовъ, всѣ религіи чтутъ въ лицѣ божествъ своего культа Вѣчнаго Истиннаго Бога, хотя бы только безотчетно, а въ «образахъ и подобіяхъ», которымъ молятся, видятъ все же образы Истинно Сущаго, и только къ Нему въ дѣйствительности идетъ ихъ любовь и молитва: молясь «своимъ божествамъ», всѣ молятся Единому. Новѣйшія религіи Индіи связаны съ старою вѣрой, и даже вѣра *Сикховъ* (съ XV в.) и *Даду* (съ XVI в.), выросшія подъ мусульманскимъ вліяніемъ, все же проникнуты духомъ національной религіозной мысли. Развѣ не языкъ *Бхагавадгиты* слышится въ этомъ, на примѣръ, гимнѣ изъ культа Даду: «Безумцы, безумцы, зачѣмъ не видите, какъ близокъ къ вамъ Богъ... Все, что было, есть и что будетъ—въ Его волѣ... Радостенъ міръ для человѣка, который любитъ Бога... Боже, истиненъ ты, любовь моя, вѣра и поклоненіе... Не страшись бѣдъ въ этомъ мірѣ, не ищи его радостей, охраняй сердце отъ низкихъ страстей, высшую мудрость почерпнешь въ Богѣ»...

Догмы слагаются по слѣдамъ сложившейся вѣры; искусственное строеніе догмъ не вполне устойчиво, перерабатывается въ стремленіи къ болѣе совершенной формѣ, и все-таки именно догмы даютъ вѣрѣ, хранящей Духъ и Слово, жизненную силу и крѣпость. Догма—тѣло вѣры, и только съ того момента, когда вѣра одѣнется въ эту «земную плоть», она становится реальной міровой силой. Замѣчательно, что философы Индіи, рѣдкостные систематики, часто даже съ уклономъ къ схоластикѣ, отличались удивительнымъ неумѣньемъ догматизировать. Благодаря,

главнымъ образомъ, этому, Индія, при всемъ богатствѣ религіознаго духа, остается попрежнему со многими культами, не объединенными въ одной народной религіи, не считая, конечно, искусственнаго объединенія въ завоевательномъ исламѣ. Только въ прошломъ вѣкѣ явилось стремленіе вновь собрать всѣ великія вѣтви древней вѣры Ведъ-Упашинадъ въ новое единое русло. Раммахинрой, пытавшійся создать синтезъ народныхъ вѣръ и косвеннымъ образомъ положившій начало современному теософическому движенію, основалъ въ 1828 г. *Брахма-Самаджъ* (божье Братство) съ цѣлью слиянія религій Индіи въ одной Національной Вѣрѣ. «Индуизмъ, говорилъ онъ, есть ученіе объ Единомъ Богѣ. Это — чистая сущность вѣры нашихъ предковъ, и теперь еще сохранившаяся у нѣкоторыхъ ученыхъ брамановъ. *Всѣ тексты Ведъ единогласно говорятъ, что божественность Сущаго недоступна описанію, неизслѣдима мыслью*». Идея Раммахинроя та же идея «Единого Бога во многихъ образахъ божествъ религій», которую раздѣляли высшіе мудрецы Индіи. Ту же мысль нерѣдко можно встрѣтить у древнихъ мыслителей и другихъ культурныхъ странъ. Съ большой задушевностью она выражена, напримѣръ, у Максима Мадаурскаго (390 г.): «Есть только одинъ и единый Богъ, вышній, безначальный и безконечный, силы котораго, разлитыя въ міръ, мы призываемъ подъ разными именами, ибо *истиннаго имени Его не знаемъ*. И когда мы свои смиренныя мольбы обращаемъ къ его силамъ, мы чтимъ (безсознательно) его самого... Онъ, общій всѣмъ смертнымъ Богъ и Отецъ, чтится на тысячу родовъ челоуѣчествомъ, которое такимъ образомъ въ своей разъединенности остается единымъ»... Душой индуизма является *бхакти*, ученіе *религіозной*

любви. Познаніе сердцемъ, *инстинктомъ любви*, постоянно сопутствуя религіозной мысли Индіи, встрѣчается и въ родникѣ всего нашего идеализма, Платонической Философіи, и среди мыслителей другихъ народовъ. Не говоря о Греціи, Египтѣ, Персіи, и въ мусульманской поэзіи иногда попадаются строфы, какъ будто выписанныя изъ Платона. «Прощай, Лейла,—говоритъ герой одной арабской поэмы,—*твоя любовь* привела меня къ любви къ *Истинному, Благому, Единому*. Мысль о Богѣ такъ запечатлѣлась въ моей душѣ, что я не чувствую болѣе никакого другого желанія, какъ *соединиться съ Нимъ*». Бхакти—явленіе высшей религіозной эротики, философія *Эроса вѣры*. Религія «любящихъ»—чистое *безъимянное* вѣдѣніе, чувство близости Святого, Чуднаго, «истиннаго имени» котораго никто не знаетъ, Вѣчно Непостижнаго, именованнаго именемъ Бога. Прекрасно сказалъ китайскій мудрецъ: «Безконечное Сущее, предвѣчное небу и землѣ, какъ оно покойно и свободно! Оно живетъ и неизмѣнно, оно вездѣ и всегда и—недоступно страданію. *Имени Его я не знаю. Называя же*, назову Путь, мысля о величіи, назову Великимъ, назову Неизслѣдимымъ, Далекимъ, и, называя Далекимъ, чувствую: во мнѣ Оно»... «Любящіе» вѣруютъ въ великое «Сошествіе» въ ихъ душу и ждутъ радостнаго мгновенія смерти, когда душа возьмется божествомъ, и, какъ жертва сгорѣвъ въ любви, станетъ выше жизни, прекраснѣе духа, *любимую Бога*... Бхакти вырождается иногда въ крайнія формы, какъ «самоубійство любви» у шиваитовъ. Самоубійца въ моментъ смерти всей силой души сосредоточивается на мысли о Богѣ, страстнымъ напряженіемъ воли разжигаетъ въ себѣ любовь къ Нему, вѣруя, что такимъ образомъ душа его предстанетъ предъ Нимъ,

какъ чистая невѣста, безгрѣшная, безъ всякихъ слѣдовъ «земного праха» иныхъ чувствъ и мыслей, вся—одна живая любовь, одно нѣжное волненіе... Но и безъ этихъ крайностей, чувство вѣрующей любви всегда проникаетъ брахманскую литературу: «Взгляну въ небесную высь,—вижу тебя, въ глубину морей—и тамъ ты; въ сердце свое взгляну, въ глубокое море, полное тысячи сновъ, и въ немъ ты вѣшь, Единый», говоритъ брахманскій поэтъ. Бхакти, нѣжная и страстная привязанность къ своему Богу, ничего иного не желающая и не любящая въ мірѣ, кромѣ Него, «привлекаетъ къ человѣку божественную любовь»: «Богъ,—говорятъ вишнуиты,—Богъ любви; онъ утѣшитъ того, кто любитъ его и въ сердце войдетъ, и будетъ человѣкъ бесѣдовать съ Нимъ» Тлѣнная земная жизнь преобразуется въ бхакти въ величественную, безбрежно-духовную жизнь, обнимающую весь міръ: «не мое это тѣло, но мой—весь міръ». Бхакти приводитъ къ широкой человѣчности, видя во всѣхъ людяхъ одинаковыхъ и одинаково дорогихъ Богу дѣтей Божьихъ: «Милосердіе Божіе не разбираетъ родовъ и знатности. Кто вѣруетъ въ Бога, истинно,—тотъ возвышенный господинъ (а не рабъ). Богъ говоритъ: и чандалъ, вѣрующій въ Меня, есть избранникъ мой». Вишнуитскіе гимны, запѣчатлѣнные духомъ бхакти, исполнены религіознаго величія: «безсмертенъ кто посвятилъ себя любви къ Неподвижному, имѣющему подвижныя обители, къ Великому, одѣтому Свѣтомъ и Вселенной, къ Вѣчному, живущему въ потокѣ временъ. Чья вся жизнь—любовь къ Нему, тотъ зреть Его въ видѣніяхъ Йоги, радуется Ему въ *Небесахъ небесныхъ*». Бхакти одинакова во всѣхъ вѣтвяхъ вишнуизма и шиваизма, переходя рядъ ступеней—отъ мечтательной поэзіи

созерцательной любви до безумной страсти, болѣзненно-сладоострастного терзанія плоти, родъ вакхическаго экстаза, и кончая самовольнымъ принесеніемъ себя въ жертву и самоубійствомъ. Эти крайности не порочатъ чистаго движенія сердца, которое лежитъ въ основѣ религіи любви. «Невѣдущіе,— говорятъ шиваиты,— думаютъ, что Богъ и Любовь различны, и не видятъ, что Богъ—Любовь. Если бы всѣ поняли, что въ любви среди насъ—Богъ среди насъ, всѣ жили бы въ мирѣ межъ собой, *любовью почитая Бога*». Очень своеобразны моленія шиваитовъ. «Въ молчаніи ночи, на берегу священной рѣки, въ бѣломъ свѣтѣ полной луны, сладко тоскуя, «Шива! Шива! Шива!» зоветь». Шиваитскіе гимны не теряются даже въ богатой религіозной поэзіи Индіи. Они полны страстною жаждой угаснуть въ божественномъ свѣтѣ, сладко забыться въ нѣжныхъ лучахъ вѣчной любви, вѣка за вѣками грезя безконечныя чудныя грезы. «Когда я звалъ тебя, въ восхищеніи шепталь твое имя, милое безъ конца, мои плакали очи, дрожали уста... Учитель, Благой, будь милостивъ, пожалѣй мое сердце, тоскую по тебѣ... Боже, ты назвалъ меня своимъ, твой взоръ упалъ мнѣ въ душу, ты привлекъ меня къ себѣ. Ты во мнѣ, и я въ тебѣ. Что радостнѣе на свѣтѣ!.. Боже, грудь моя трепещетъ, руки складываются въ обожаніи, струятся сладкія слезы... Приди ко мнѣ, молю любви твоей, О, повели мнѣ притти къ тебѣ, возьми меня, навѣки сдѣлай своимъ».

Религіозная мысль Индіи не замерла и въ настоящее время. Древніе Веды и Упанишады, новые Пураны и отчасти Тантры, системы философскихъ религій создаютъ роскошную почву для новыхъ высокихъ созданій. Вырастетъ ли изъ религій одна народная

вѣра,—кто можетъ предугадать. Несомнѣнно только одно: въ духъ древней вѣры, въ богозрительной философіи Упанишадъ, вдохновенныхъ Пуранахъ, въ бхакти, религіи сердца, въ ученіяхъ великихъ мудрецовъ—*есть* общая вѣра, еще не нашедшая своей полной и высшей формы. Лучшимъ послѣднимъ выразителемъ этой чистой *религіи Духа* былъ философъ середины прошлаго вѣка Рамкришна. Изреченія и бесѣды учителя, въ которомъ ученики видѣли могучаго святого йогина, записаны почитателями и теперь доступны европейскому міру. Мыслями этого мудреца мы и закончимъ нашъ краткій обзоръ одной главы изъ необъятной книги духовной жизни великой страны,—ученія о Нирванѣ и спасеніи, вѣчности и любви. «Кто сладко плачетъ, говоря о Богѣ, того назову вѣрующимъ. Лишь тотъ достоинъ имени человѣка, въ чьемъ сердцѣ Богъ. Тотъ благочестивъ, кто не дѣлаетъ ничего дурного, даже когда одинъ, и никто не можетъ его порицать. Когда люди въ храмѣ или среди благочестивыхъ, они полны религіозныхъ чувствъ, но выйдутъ—не останется и слѣда; полны свѣтлыхъ мыслей, слыша рѣчи вѣры, но какъ только входятъ въ обычную колею, забываютъ высокое настроеніе, попрежнему нечисты. Пока міръ царитъ въ сердцѣ, Богъ не можетъ пролить въ него свой свѣтъ. Любовью, милостью, вѣрой укрась свое сердце, дай въ немъ жилище Богу. Чѣмъ больше въ твоей душѣ растетъ Божье, тѣмъ меньше становится человѣческое, нечистое. Когда человѣкъ, и въ мысли и въ жизни, далекъ отъ Бога, правда въ немъ смѣшивается съ ложью, добро со зломъ. Нельзя одинаково любить Бога и міръ. Какъ лампада не горитъ безъ масла, такъ человѣкъ не можетъ жить безъ Бога. Не всѣ почиваютъ сердцемъ въ Богѣ,—

вотъ отчего такъ много страдающихъ. Кто имѣетъ вѣру, тотъ все имѣетъ; у кого нѣтъ вѣры, у того ничего нѣтъ. Кто, живя среди шума и суеты міра, достигъ совершенства, тотъ истинный герой. Только въ покойномъ и ясномъ духѣ виденъ Богъ; если же взволновано твое духовное море вѣтромъ желаній, оно не можетъ отражать Бога, *видѣніе Бога* невозможно. Кто услаждается Богомъ, не можетъ находить прелести въ мелкихъ сладостяхъ жизни. Святые мертвы для жизни». Въ одной буддійской легендѣ разсказывается, какъ однажды вокругъ Будды собралось множество народа изъ разныхъ странъ. Всѣ говорили на разныхъ языкахъ, не понимая другъ друга. Но каждому казалось, что Будда *смотритъ прямо на него и говоритъ именно на его родномъ языкѣ*. Эта мысль нашла и у Рамкришны прекрасное выраженіе: Богъ, Истинно-Сущій, окруженный всѣми народами міра, бывшими, живущими и будущими, ко всѣмъ обращаетъ свою правду, любовь и Слово, но каждому кажется, что «онъ смотритъ только на него» и говоритъ «только ему и на его языкѣ». «Всѣ божества,—говоритъ Рамкришна,—изъявляютъ единого Бога-Духа. Пока человѣкъ *взываетъ: Господи, Господи*, онъ не нашель Бога, кто нашель его, тотъ смолкаетъ. Мы, существа *малаго вѣдѣнія*, въ своемъ познаніи *уменьшаемъ Божье Величіе*. Подъ многими именами, но *Одного Бога* чтутъ люди. Многи имена Бога, и безконечны формы, которыя ведутъ къ познанію Его. Ты постигаешь и зришь Его такъ, какъ желаешь видѣть. Кто во многихъ образахъ чувствуетъ Бога, тотъ знаетъ *Истиннаго Бога*». Терпимость, которая признается самымъ цѣннымъ завоеваніемъ западной культуры, давно нашла живое воплощеніе въ Индіи, особенно въ буддизмѣ, и въ наше

время въ религіи любви. «Пока пчела,—говорить Рамкришна,—кружится надъ лотосомъ, не найдя меда, жужжитъ и вьется, привлеченная его ароматомъ, но лишь только вопьется въ сердце цвѣтка, затихнетъ, упиваясь нектаромъ; пока человекъ спорить и оспариваетъ доктрины и догмы, онъ еще не испыталъ Истинной Вѣры, когда же вкуситъ отъ нея, въ мирѣ затихнетъ сердце. Гдѣ множество людей припадали съ вѣрой, тайно молясь, тамъ преклони благоговѣнно колѣна, ибо свято мѣсто, гдѣ столько сердець радовались Богу, тамъ Богъ, ибо Онъ весь милость. Молитесь Богу какъ умѣете, ибо Онъ *слышитъ*. Когда Богъ воплощается среди людей, многіе узнаютъ въ немъ Бога». Мораль Рамкришны повторяетъ ученіе всѣхъ мудрецовъ Индіи. «Высшая любовь безкорыстна. Познай и увѣруй, что въ душѣ твоей необъятныя силы, и сила осіаетъ тебя. Всякая суета можетъ умереть въ человѣческомъ сердцѣ, но трудно угаснуть суетѣ тѣхъ, кто считаетъ себя святымъ». Когда одинъ изъ учениковъ Рамкришны приобрѣлъ силу читать въ сердцахъ другихъ, учитель сказалъ ему: «стыдъ тебѣ, дитя, расточать силы на ненужное дѣло». Порицая пустосвятство, мудрецъ не порицалъ великихъ и таинственныхъ силъ, сопутствующихъ святой жизни; онъ говорилъ только, что и эти силы становятся суетой, если все стремленіе направлено только къ ихъ достиженію. «Нѣкто,—говорилъ онъ,—путемъ четырнадцатилѣтнихъ тяжелыхъ подвиговъ въ уединенномъ лѣсу приобрѣлъ силу хожденія по водамъ. Обрадованный, пошелъ къ учителю сообщить о своемъ торжествѣ. «Бѣдное дитя,—сказалъ учитель,—то, чего ты достигъ горькими трудами въ четырнадцать лѣтъ, имѣетъ каждый уплативъ одну монету лодочнику».

Истинное величіе смиренно; тайныя духовныя силы, которыми обладаетъ мудрецъ, употребляется имъ только на благо несчастнымъ, страдающимъ, по завѣту йогиновъ; тому же училъ и Рамкришна, самъ величайшій изъ йогиновъ своего времени. «Дерево, нагруженное плодами, низко склоняетъ вѣтви, такъ и ты, если великъ, склонись и смирись. Когда человекъ стоитъ въ низинѣ, онъ говоритъ: низка трава, высоки деревья; когда же войдетъ на гору, видитъ,— и трава и деревья слились въ одну зелень; такъ дѣти мірской суеты оцѣниваютъ родъ, богатство, почести, но для того, кто смотритъ на міръ съ *Божьихъ высотъ*, нѣтъ ни земного величія, ни земного ничтожества. Однажды гордыня вошла въ сердце мудреца Нарады, и онъ подумалъ: «нѣтъ больше моей вѣры». Вишну, видя его сердце, сказалъ ему: «Нарада, поди въ селеніе, тамъ есть человекъ, преданный мой, повидай его». Нарада встрѣтилъ тамъ пахаря, который утромъ, передъ работой, и вечеромъ, послѣ трудовъ, призывалъ имя Вишну. Нарада подумалъ: «и такой-то человекъ возлюбленъ Богомъ?»—весь день онъ погруженъ въ свои дѣла, въ немъ нѣтъ и признаковъ благочестиваго человека». И, явившись предъ лицо господнее, говорилъ то же. Богъ же сказалъ ему: «возьми эту чашу до краевъ съ масломъ и обнеси вокругъ города, не проливъ капли». Нарада сдѣлалъ такъ. «Сколько разъ,—спросилъ Вишну,—ты, Нарада, вспомнилъ обо мнѣ, неся масло?» «Ни разу, господи,—отвѣчалъ Нарада,—я все слѣдилъ, чтобы не пролить ни одной капли». Тогда Вишну сказалъ ему: «ты, неся заботливо чашу, ни разу не вспомнилъ обо мнѣ, тотъ же бѣднякъ, съ утра до ночи въ трудахъ и заботахъ, все же хотъ два раза въ день вспоминаетъ меня».

Рамкришна былъ философомъ бхакти. На чистую земную любовь отзывается Небесная Любовь, неизъяснимымъ образомъ обнимаетъ душу. Сердце, узнавшее Бога, волнуютъ такія чудныя чувства, ни равныхъ, ни подобныхъ которымъ нѣтъ и не можетъ быть среди земныхъ чувствъ, потому что ихъ причина и предметъ—*Единственный, ни съ чѣмъ несравнимый*. «Имя *Хари* значить: Онъ, подчинившій наше сердце. Все одинаково освѣщаетъ свѣтъ солнца, но только зеркальная поверхность чистой воды отражаетъ его чистый свѣтъ; такъ и Божественный свѣтъ падаетъ во всѣ сердца, но только чистыя, ясныя, добрыя отражаютъ его. Мудрецъ, найдя желанную жемчужину Истины, весь уходитъ въ сердечную глубину и затворяется тамъ, пока не достигнетъ высшаго покоя. Когда душа человѣка привлечена силою Духа, все личное, грѣховное таетъ и разсѣивается въ безконечной любви. Храни въ себѣ святыя чувства, не говори о нихъ всуе, не будь расточителемъ. Мудрецъ, достигшій истинной вѣры, не много говорить о вѣрѣ, но вся его жизнь —одно дѣло вѣры. Душа, погруженная въ Бога, видитъ вѣяніе царящаго Духа въ себѣ и вселенной. *Нареченный*—дитя Божье, и слезы—его благодать. Нѣтъ страха въ томъ, кто припалъ къ стопамъ Всемогущаго. Пока вѣрующій восклицаетъ: о, приди, приди!—къ нему, молящемуся устами, не придетъ Богъ; когда же нисходитъ Богъ, сердце растаетъ въ божественномъ чувствѣ, и смолкнетъ слово (молитвы). Богъ приметъ и нищенскій даръ бѣдняка, принесенный любовью. Нельзя говорить, что Богъ милосердъ, потому что питаетъ насъ, ибо каждый отецъ даетъ своимъ дѣтямъ пищу, но когда онъ спасаетъ отъ гибели, удерживаетъ отъ обольщенья, тогда онъ

воистину милосердъ. Познаніе Бога подобно мужу, любовь къ Богу—женѣ; познаніе достигаетъ до преддверій Божьихъ, но въ сокровенныя его тайны проникаетъ только любящій. Наполнивъ свою грудь любовью къ Богу, и если потомъ, среди трудовъ и заботъ, забудешь о Немъ, скоро замѣтишь, какъ осиротѣло твое сердце, стало бѣдно».

МИСТЕРІИ.

«Нашъ міръ,—говорилъ Карлейль,—апокалипсисъ, начертанный Богомъ». Разгадать чрезъ вѣчные символы жизни и явленій тайный божественный міръ, закрытый міромъ, обращеннымъ къ земному сознанію, найти *стезю вѣчности*, которая поведетъ человѣка изъ этой жизни скорбей и неправды къ прекрасному и чистому бытію,—вотъ что постоянно и жадно искала древняя мысль. Въ религіяхъ Индіи преобладало *священное познаніе*, въ греческой, египетской, вавилонской и персидской—таинства общенія съ Божествомъ внѣшняго мистическаго характера. Мистеріи, даже включавшія *священную магію*, не отрицали внутренняго общенія съ Богомъ, но все же центральной идеей была литургія, соединяющая земного человѣка съ бессмертнымъ міромъ. Сущность мистерій—«обожествленіе» человѣка. Въ актахъ мистерій божество какъ будто *отдаетъ міру свою душу, свое сердце* и дѣтей земли, омытыхъ въ «небесной купели», *восновляетъ* въ тайнахъ любви. Душа низведена изъ своей небесной родины въ эту «жизнь безъ жизни», тлѣнную, скудную и скорбную. Воскресить въ человѣкѣ *небесное* его души, сыновнее Небу—являлось цѣлью мистерій, или, какъ пѣли

элевзинскіе пѣвцы, «повѣдать въ этой юдоли скорбей о радостяхъ небесной жизни и научить, какъ вновь найти къ нимъ путь». Идеи Платона о мірѣ трансцендентной красоты, истины и божественной любви связаны съ теософіей мистерій, ученіемъ о Невидимомъ и душѣ, какъ безсмертной, разумной и свободной сущности «тайной и вѣчной природы». Посвященные въ мистеріи, «пріобщившись божественной жизни», находили «исцѣленіе отъ недуговъ, спасеніе отъ вражды и несчастій, благой путь жизни и блаженство за гробомъ». Мисты «очищались отъ всякой нечистоты, омывались отъ грѣха», нѣчто священное проникало въ ихъ сердце и мысль; всѣ движенія духа и тѣла, «входъ и исходъ» жизни были подъ покровомъ Неба. Стать причастнымъ «безсмертныхъ небесныхъ тайнъ», которыя «смертное сотворяютъ въ вѣчную жизнь», и, умирая, упокоиться «въ странѣ живущихъ», стать «сынами Свѣта», избавиться «отъ вѣчной смерти», «перейти отъ смерти къ жизни» и пребывать въ вѣчныхъ селеніяхъ съ вѣчными существами,—такія надежды влекли древнихъ къ своимъ мистеріямъ. Посвященные вѣровали, что «имена ихъ записаны на небесахъ», что въ душу ихъ входило нѣчто высшее нашей природы, «тлѣнное облекалось въ нетлѣнное», «смертное въ безсмертное». Посвященный, испивая «кровь Діониса» или мистическое «питіе» другихъ мистерій, незримо и тайно принималъ въ свое человѣческое естество «истинную божественную сущность». Въ то же время въ чистодуховныхъ актахъ бого-общенія, въ сокровенномъ мистическомъ дуновеніи божества посвященный пріобщался къ «таинственному вѣдѣнію». Мудрость мистерій, по слову вѣрующихъ, «нельзя охватить словами, какъ другія ученія; познавшему открывается

новая жизнь и горитъ въ его душѣ неугасимымъ свѣтомъ». Откровенія мистерій увѣнчивались божественнымъ созерцаніемъ, тѣмъ «невыразимымъ познаниемъ», о которомъ Платонъ говоритъ въ *Тимей*: «трудно найти создателя и отца вселенной, но и найдя его, невозможно повѣдать о немъ языкомъ, понятнымъ для всѣхъ».

Связь взаимнаго вліяній мистерій на всемъ протяженіи ихъ исторіи едва ли когда будетъ выяснена съ достаточной полнотой. Возможно, конечно, что многое, одинаково свойственное всѣмъ мистеріямъ, объясняется однообразіемъ психологическихъ законовъ религіознаго творчества, тѣмъ не менѣе вполне очевидно взаимное вліяніе культовъ и въ древнѣйшее время и въ послѣ-христіанскую эпоху. Одни изъ мистическихъ культовъ были признанными государственными институтами; среди нихъ самая знаменитая Элевзинскія мистеріи (съ V в. до Р. X.). Другіе же, какъ орфизмъ и мистеріи восточныхъ боговъ, были тайными культами болѣе или менѣе замкнутыхъ религіозныхъ братствъ и встрѣчали нерѣдко подозрительное отношеніе, а иногда и жестокія преслѣдованія. Временнымъ торжествомъ восточныхъ мистерій былъ III в. по Р. X. въ Римской Имперіи, когда процвѣтала культъ египетской Изиды и персидскаго Митры. Древніе культы погибли въ христіанскую эпоху не безъ стойкой борьбы, и даже новоплатоники, повинные въ «теургіи», подверглись преслѣдованію со стороны Валентиніана. Когда разрушена старая вѣра, духъ ея еще долгое время какъ будто бродитъ въ мірѣ: «у старыхъ боговъ отняли храмы, но не сердца». Скрываясь отъ враждебныхъ глазъ, изгнанная вѣра хранилась своими приверженцами, готовыми нерѣдко «скорѣе умереть,

чѣмъ пережить ее». Насколько жизненны были мистеріи, видно хотя бы изъ разсказа Епифанія (V в.) объ одномъ таинственномъ обрядѣ въ Александріи, въ которомъ онъ лично видѣлъ доказательство, что «христіанская истина предчувствовалась и язычниками». Въ святилищѣ Кору, въ ночь на 5 или 6 января жрецы съ пѣніемъ и игрою на флейтахъ несли въ подземелье на погребальныхъ носилкахъ изображеніе обнаженнаго человѣка. На челѣ и на колѣняхъ онъ имѣлъ золотой знакъ креста. «Погребенный» потомъ воскресалъ, какъ и въ другихъ мистеріяхъ. Вѣроятно этотъ обрядъ, о которомъ говоритъ Епифаній, былъ новою, можетъ быть, гностической формой древняго культа Діониса или Митры... Давно и навсегда потухли огни на древнихъ алтаряхъ, таинственныя тѣни, витавшія надъ ними, слышавшія столько человѣческихъ молитвъ, любви и слезъ, скрылись въ туманѣ преданій, и только однѣ великія идеи древняго міра царятъ надъ человѣчествомъ. И все же въ этихъ далекихъ, безжизненныхъ образахъ осталось что-то чарующее,—не даромъ философы и поэты новыхъ временъ съ глубокою думой влекутся къ нимъ. Пророчество поэта сбылось: «мы умерли и—вѣчны, изгнанники—царимъ». Отголоски мистерій слышатся и понынѣ въ мечтахъ религіознаго идеализма, сохранилось даже самое слово «мистерія», но уже въ новомъ святомъ значеніи и съ новымъ упованіемъ.

Какъ смотрѣли на мистеріи величайшіе умы древности, о томъ они сами оставили краснорѣчивое свидѣтельство. Мистеріи,—говоритъ Цицеронъ,—«дѣлали радостной жизнь и давали умереть съ лучшей надеждой». По словамъ Эпиктета, «мистеріи служили къ совершенству людской жизни». «Блаженъ,—

говорить Пиндаръ,—кто прошелъ чрезъ мистеріи: онъ знаетъ начало и конецъ жизни; безъ нихъ жизнь стала бы невыносимой и теряла всякое достоинство». Платонъ, вынесшій изъ мистерій свое окрыленное созерцаніе, говоритъ, что *«только прошедшій путь мистерій входитъ въ царство вѣчности»*. Обращаясь къ *божественной любви*, высшему таинству мистерій, онъ замѣчаетъ: «люди назвали любовь Эросомъ, потому что она крылата, боги—Птеросомъ, потому что она имѣетъ силу *окрылять*». Въ надгробной элевзинской надписи (II в.) какъ будто слышится облегченный вздохъ умершаго: «Истинно, прекрасную тайну возвѣстили блаженныя боги: смерть не проклятье для смертныхъ, благословенье»... Таинственность, укрывавшая мистеріи отъ взоровъ непосвященныхъ, навсегда скрыла въ нихъ многое и отъ насъ. «Затвори истину въ своемъ сердцѣ, пусть она говоритъ только твоими *дѣлами*; знаніе будетъ твоею силой, вѣра мечомъ, молчаніе непроницаемой броней», говоритъ герметическій учитель. Хотя источники даютъ болѣе данныхъ для выясненія умозрительной, чѣмъ обрядовой стороны тайныхъ культовъ, тѣмъ не менѣе достаточно выясненъ ихъ характеръ и связь съ легендами и преданіями мѣстныхъ народныхъ религій. Смерть сѣмени въ землѣ, зачинавшая новую жизнь, зимняя смерть виноградной лозы до весенняго возрожденія, зимнее «умираніе» и весеннее «воскресеніе» солнца стали символомъ тѣлесной смерти и возстанія для новой прекрасной жизни. Въ центрѣ мистерій лежала «священная тайна»: смерть божества и возстаніе изъ мертвыхъ. Озирисъ воскресаетъ на третій день, также и Адонисъ, Аттисъ послѣ трехъ дней. Какъ Аттисъ въ мистеріи Великой Матери, и другіе боги, умеревъ,

воскресали въ великой славъ, вновь облакаясь въ свою божественность, такъ и вѣрующіе, освященные въ мистеріяхъ, возстануть по смерти для новой жизни въ Богѣ, облеченные въ богосыновнее достоинство: «вѣруйте, вѣруйте, мисты! ибо спасенъ богъ, и вась ваши страданія приведуть къ спасенію!» Въ Антиохіи, столицѣ Сиріи, каждую весну торжественно праздновали смерть и воскресеніе Адониса, Адонаи-Господа. Печаль народа, плачь и стенанія женщинъ сопровождали обрядъ погребенія изображенія «умершаго бога», а его «возстаніе изъ мертвыхъ» встрѣчалось всеобщимъ ликованіемъ, пѣніемъ торжественныхъ гимновъ, радостными взаимными поцѣлуями, криками: «живъ господь, воскресъ Адонисъ!» О смерти боговъ скорбѣли богини, или какъ возлюбленныя супруги (Изида, Астарта, Кибела), или какъ матери (мать Деметра скорбящая). Вмѣстѣ съ ними оплакивали своихъ боговъ и мисты, справляя по нимъ поминальные обряды, или какъ въ культѣ Митры, осужденномъ создать міръ въ «великихъ страданіяхъ», проводили въ постѣ и печали дни, посвященные памяти его «мукъ». Въ мистеріяхъ такъ много общаго, что можно не безъ основанія считать ихъ нѣсколькими вариантами одной первоначальной версіи. Сходны самыя миѣы, съ которыми связаны мистеріи, нерѣдко даже во второстепенныхъ подробностяхъ, и многіе внѣшніе символы. Таковъ, на примѣръ, миѣъ «преслѣдованія Дракономъ»: Мать Аполлона, Лету при рожденіи младенца преслѣдуетъ драконъ Пиѣонъ, но Борей, божественный вѣтръ, уноситъ ее на таинственный островъ; Изиду съ ея сыномъ, богомъ-свѣтомъ Хорусомъ преслѣдуетъ Тифонъ, отъ котораго она спасается бѣгствомъ на ослѣ; изображеніе этого бѣгства изъ Египта на ослѣ съ младенцемъ встрѣ-

чается на фрескахъ Помпеи. Также бѣлый голубь, символъ чистоты и любви, игралъ роль въ культурахъ Великой Матери, Афродиты, и позднѣе встрѣчается у гностиковъ, (въ Валентиніановой сектѣ), какъ «снисходящее слово вышней матери, Софіи, Божественной Премудрости». Въ храмахъ богини Астарты были цѣлыя стаи бѣлоснѣжныхъ голубей, священ-ныхъ птицъ, любимцевъ богини любви.

Мистеріи возвращали душѣ первозданную, но потерянную среди грубой матеріи, небесную чистоту путемъ священныхъ обрядовъ, очищеній; покаянія. Освященіе въ мистеріяхъ было преддверіемъ загроб-ныхъ блаженствъ, имѣло силу возродить къ без-смертной жизни: «чистые узрять Свѣтъ». Въ нѣко-торыхъ мистеріяхъ посвящаемые проходили чрезъ рядъ обрядовъ, символизовавшихъ смерть, муки, вѣчную гибель и конечное блаженство въ созерца-ніи Божества. «Никто не избѣгнетъ смерти, и никто не воскреснетъ, не умеревъ; почивай во гробѣ, пока не разбудитъ тебя Свѣтъ», съ такими словами испы-туемый въ культѣ Изиды полагался во гробъ. Въ однихъ культурахъ посвященные удостоивались «вкусить пищи и питія», нѣкую таинственную бого-проникнутую «Пищу Жизни», въ другихъ, какъ въ культѣ Митры, окроплялись кровью или испи-вали «освященную кровь» жертвенныхъ животныхъ. Большое значеніе придавалось очищенію водой. Таин-ственные «воды жизни» встрѣчаются почти во всѣхъ великихъ религіяхъ. «Боги, даруйте мнѣ испить отъ источниковъ, поверните лицо мое къ вѣтру сѣ-верному и берегу водъ, дабы утолила мое сердце прохлада»,—въ этой египетской надгробной надписи слышится какъ живая могильная тоска мертвеца. Объ «Источникахъ Водныхъ», какъ мистическомъ

«Источникъ Жизни», говорится въ книгѣ Еноха, а еще ранѣе въ вавилонскихъ письменахъ. Отголосокъ греческихъ и египетскихъ представлений о «водахъ прохладныхъ», небесномъ освѣженіи гробовыхъ мукъ мертвыхъ, слышится въ эпитафіяхъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ: «in refrigerio anima tua, deus te refrigeret» и въ «refrigeriu sedes» католическихъ панихидъ.

«Въ душѣ есть спящія чувства, замершіе звуки ея небснаго строя». Эта сокровенная душа «воскресала» въ мистеріяхъ отъ «смерти» въ земномъ мірѣ къ вѣчной жизни, пробуждалась отъ «земного сна» въ своей безсмертной сущности. Въ «восхищеніи на небеса», о чемъ, какъ дѣйствительномъ переживаніи, говорили мисты, они ощущали въ себѣ, «въ невыразимой радости» божественное дыханіе. Въ святилищѣ Самоеракійскихъ мистерій были двѣ статуи: одна представляла «Небесное Существо», другая возрожденнаго въ мистеріяхъ или «духовнаго» человѣка, и тотъ человѣкъ, «рожденный отъ духа» былъ «во всемъ подобенъ сему» и «совершенъ, какъ совершенъ Небесный». Наряду съ литургійнымъ освященіемъ неофитъ долженъ обречь себя на жизнь чистоты, отреченій и иногда искупительныхъ страданій. Постъ, воздержаніе отъ плотскихъ страстей, цѣломудріе, покаянія въ грѣхахъ, иногда публичныя, паломничества къ священнымъ мѣстамъ, даже бичеванія и другія истязанія плоти обычны для мистовъ. Ювенальъ рассказываетъ что жѣнщины, «вѣровавшія въ Изиду, окунались зимой въ ледяныя воды Тибра и дрожа отъ холода, ползли на окровавленныхъ колѣнахъ къ храму богини, или же, во имя Изиды, совершали хожденія до границъ Египта, чтобы почерпнуть изъ Нила «священной воды».

Содержаніе мистерій закрѣпилось съ теченіемъ времени въ ритуальной формѣ, иногда съ крайностями въ стремленіи наглядно изобразить въ сущности невыразимыя духовныя дѣйствія и состоянія. Со стороны же народныхъ религій, съ которыми были связаны мистеріи, вошли литургійные символы и жертвенные обряды, а подъ вліяніемъ магическихъ ритуаловъ—прорицанія, таинственные слова и звуки, заклинанія. Посвященный, пройдя весь кругъ земныхъ испытаній и небесныхъ откровеній, говорилъ о пережитомъ словами восторга: «Я перешелъ за черты смертнаго міра, вступилъ на порогъ Прозерпины, проникъ чрезъ всѣ стихіи и возвратился. Сквозь тьму подземнаго міра видѣлъ Солнце, сіявшее Чистымъ Свѣтомъ. Видѣлъ боговъ и молился имъ, стоя лицомъ къ лицу». Кругъ мистерій въ общемъ сходенъ во всѣхъ культахъ: «нисхождение въ преисподнюю», «хождение по мукамъ», мистическія испытанія, имѣвшія цѣлью нравственное очищеніе, и въ концѣ всего «дивное и свѣтлое Видѣніе». «Сначала,—говоритъ Плутархъ,—блужданіе и утомительное хожденіе на путяхъ, *не ведущихъ къ цѣли*, среди тьмы, и здѣсь всѣ ужасы и страхи и трепеть,—и вотъ блещитъ навстрѣчу дивный Свѣтъ». Повидимому эта часть мистерій была обставлена декоративно, съ цѣлью внушить ужасъ и отвращеніе къ низкой грѣховной жизни. Посвящаемый вступалъ въ подземельѣ храма «на порогъ смерти», окруженный видѣніями подземнаго темнаго міра, вѣчной ночи и грѣшныхъ страданій, «проходилъ чрезъ всѣ стихіи», или подвергаясь испытанію огнемъ, водой, воздухомъ, землей, или таинственному очищенію въ этихъ стихіяхъ, или же, какъ у позднѣйшихъ гностиковъ, крещенію огнемъ и водой.

Послѣ всѣхъ очищеній онъ видитъ среди полнотной тьмы внезапно засверкавшее «солнце въ яркихъ бѣлыхъ лучахъ»,—вѣроятно, блистающій образъ Бога—Свѣта,—видитъ «лицомъ къ лицу боговъ неба и земли», молится «богамъ, одѣяннымъ воздухомъ». Мисты забывали въ религіозномъ упоеніи свое земное существо, теряя всякое плотское ощущеніе, чувствуя въ себѣ только духовную сущность, «слышали неизъяснимыя слова, невыразимыя на языкѣ человѣческомъ». На жаждущую душу, утомленную зноемъ земной жизни, вѣютъ, какъ описываютъ и всѣ великіе мистики позднѣйшихъ временъ, «благодатные божественные вѣтры», и «сердце орошается небесной росой». Мистъ испытываетъ «неземную радость», его очамъ блещетъ свѣтъ вѣчнаго запредѣльнаго міра. Онъ «покоенъ», ибо вѣдаетъ сокровенную правду жизни, и то, что прежде было для него предметомъ вѣры и надежды, стало «истиннымъ знаніемъ».

Кто-то изъ философовъ сравнилъ мистику съ виномъ, которое можетъ и благотворно освѣжать, и спьянять, и доводить до изступленія и крайней разнузданности. Религіозный подъемъ мистерій, сообщая благородный энтузіазмъ людямъ высшаго сердца, нерѣдко принимаетъ крайне грубыя изувѣрскія формы среди грубыхъ и чувственныхъ натуръ. Извѣстно, что изступленность жриць Астарты доходила до безумнаго ненасытнаго сладострастія; повѣсть объ оргіяхъ любви и восторговъ тѣла жриць храма на горѣ Эриксъ дошла до среднихъ вѣковъ въ видѣ легенды Тангейзера и Венеры въ гротѣ Эриксъ, «сатанинской пещерѣ сладострастныхъ грѣховъ». Малоазійскій культъ Великой Матери съ кровавымъ самобичеваніемъ вѣрующихъ, въ безумномъ неистовствѣ кропившихъ своей кровью статуи богини, справедливо казался зрите-

лямъ какимъ-то бѣснованіемъ. Тѣмъ не менѣ нельзя безусловно довѣрять всѣмъ обвиненіямъ, въ особенности идущимъ со стороны противниковъ. Извѣстно, что даже первыхъ христіанъ враги обвиняли въ неистовыхъ оргіяхъ за ихъ вечера любви и ночныя совмѣстныя моленья мужей и женъ, и даже такіе мыслители, какъ историки Тацитъ, Плиній мл. и Светоній, видѣли въ христіанствѣ только «гибельное суевѣріе». Несмотря на женскія оргіи, трудно признать за культомъ Астарты безусловный характеръ чувственности и сладострастія: извѣстно, что посвященные Астартѣ были скопцами «ради совершенной чистоты». Жрецы Астарты исповѣдывали глубокую и возвышенную философію: «Халдейскій Оракулъ», сборникъ мистической поэзіи и философіи, былъ для сирійскихъ культовъ такимъ же источникомъ вдохновеннаго богопознанія, какъ герметическія книги для Египта. Сирійскіе жрецы проповѣдывали идею «Бога Безначальнаго и Вѣчнаго». Божествомъ культа Астарты былъ «Всевышній, непостижно живущій въ горнихъ и объемлющій все бытіе». Астарту, по словамъ Апулея, величали Матерью и Владычицей міра, *omnipotens et omniparans*. Эти мудрецы «съ высоты Востока» поклонялись «Истинному Свѣту». Боги, въ глазахъ сирійскихъ философовъ, были только откровеніями, въ которыхъ являетъ себя міру вышній Безконечный Богъ. Самое имя Ваальъ значитъ Господь, и было именемъ «Царя Небеснаго, владыки Вѣчнаго, чье имя восхваляется въ вѣчности». Несмотря на внѣшній видъ многобожія, сирійскіе культы чтили Бога, «Единого, Единого (*Ad, ad*)». Имена «множества» финикійскихъ боговъ: баалрамъ, баалазаръ и т. д., безъ конца, указываютъ не на личности, но силы единого Бога, ибо значать: Господь, Сила Божья, Свѣтъ,

Даръ, Храненіе, Спасеніе, Милость и т. д. Божьи. Богиня Иштаръ, одновременно и Дѣвственница и Богиня Плодородія, «Звѣзда Утренняя», наряду съ образомъ рождающей природы съ ея властно-стихійной сладострастной красотой, рисуется, по крайней мѣрѣ въ миѣѣ потопа, въ идеальныхъ чертахъ благой матери и заступницы людей: невыразимо тоскуя о гибели людей, «дѣтей своихъ», она «кричитъ какъ рождающая» и отнимаетъ у Бела человѣка, обреченнаго ему въ жертву. Наряду съ «земной Венерой» была, по свидѣтельству Платона, идеальная вѣра въ Венеру Небесную, существовалъ культъ Весты, вѣчной дѣвственницы, богини чистоты, мистеріи Цереры, которую называли Святой Дѣвой, считались «мистеріями всѣхъ мистерій» и привлекали исключительныхъ по уму и таланту людей. Замѣчательно, что порочные люди, какъ бы вліятельны они ни были, не допускались къ Элевзинскимъ мистеріямъ. Трудно предположить, чтобы греки, давшіе всему міру образы красоты, умѣвшіе художественно чувствовать идеальность и чистоту, не мыслили предметы своихъ религіозныхъ думъ въ прекрасной и возвышенной формѣ, въ формѣ *духовной красоты и идеала*. Культъ Изиды, «предвѣчно рожденной Природы и Матери вселенной», въ которой философы видѣли «Прошлое—Настоящее—Будущее», на протяженіи пяти вѣковъ претерпѣвалъ иногда искаженія, особенно въ Италіи, гдѣ одно время принялъ эротическій характеръ, и сама Изида стала богиней чувственной любви. Все-таки преобладающимъ образомъ богини былъ образъ покровительницы чистоты и цѣломудрія, желавшей поклоненія въ красотѣ сердца, безгрѣшности плоти и величіи духа. Къ вѣрѣ Изиды приобщались только тѣ, кто «ведетъ чистую жизнь, презрѣлъ чувственныя

наслажденія и страсти, желаетъ небеснаго, не земнаго». Неофиты подвергались продолжительному «искусу», иногда до десяти лѣтъ въ трудахъ, подвигахъ и молитвѣ при храмѣ, а нравы жрецовъ и посвященныхъ были такъ безупречны, что даже Тертуллианъ ставилъ ихъ въ примѣръ. Въ мистеріяхъ Аттиса были трапезы любви, и посвященные, какъ и въ культѣ Митры, составляли «братство». Изъ философіи мистерій Порфирій вынесъ свое мудрое слово: «Истинный храмъ Бога—душа, а жертва—святая жизнь».

За всѣми внѣшними аксессуарами мистерій просвѣчиваетъ ихъ внутреннее идеальное содержаніе. Богини—жены, особенно почитавшіяся жѣнщинами, представляютъ образъ природы, невинной и страстной, дѣвственной и рождающей,—невѣсты, вѣчно и жадно устремленной къ теплу и свѣту небесъ, и матери, зачинающей во чревѣ отъ горячихъ лучей, рождающей дары жизни и счастья земнымъ существамъ. Извѣстный символъ въ нѣкоторыхъ мистеріяхъ, который кажется теперь крайнимъ безстыдствомъ, фаллусъ, былъ въ свое время символомъ плодородія, творческой силы, рождающей энергіи солнца, оплодотворяющаго природу и дающаго человѣку жизнь и энергію размноженія. Рожденіе, въ глазахъ древнихъ, было не случайнымъ результатомъ низменной «похоти», но дѣйствительнымъ таинствомъ, какъ таинственна вся жизнь. Поэтому къ этимъ символамъ, «черезъ которые, по выраженію Діодора сицилійскаго, Природа даетъ рожденіе всѣмъ существамъ», древніе относились внѣ плоскости сладострастныхъ представленій. Не природа и плоть грязны и безстыдны,—онѣ невинны и чисты,—но этотъ образъ безстыдства налагаютъ на нихъ развратныя и безстыдныя души.

Зачатіе и рожденіе человѣка представлялось древнимъ не менѣе прекраснымъ и глубокимъ актомъ, чѣмъ ростъ сѣмени въ землѣ. «Плодитесь и размножайтесь»,—этотъ завѣтъ природы и Бога казался торжественной тайной жизни и творчества. Стыдъ человѣка не есть стыдъ «плоти», стыдъ «за свою низшую, животную природу»,—это былъ бы родъ философскаго тартюфства,—но деликатное ревнивое чувство—глубокой интимности супружеской любви, тайны плотской связи. Упадокъ нравовъ въ Римской Имперіи выразился въ разныхъ эксцессахъ и въ этой области, но все подобное встрѣчало осужденіе всѣхъ благородныхъ людей, а со стороны Ювенала извѣстную рѣзкую сатиру. Во всякомъ случаѣ нѣтъ причинъ удивляться, что въ древнія времена низменная чувственность профанировала значеніе этого символа, когда вся западная новая и новѣйшая исторія испещрена страницами самаго отвратительнаго циничнаго разврата, прежде грубо откровеннаго, теперь вуалированнаго, а анналы аббатствъ и городскія хроники, собранныя Дюлоромъ для Франціи и Италіи на протяженіи XII—XVIII вѣковъ, рисуютъ прямо ужащающія невѣроятныя картины. Амулетъ *fascinum*, который носили на груди или на плечѣ римскія женщины противъ безплодія, а дѣти какъ талисманъ жизни, здоровья и счастья, былъ обыченъ и въ средніе вѣка, а позднѣе замѣнился корнемъ мандрагоры, имѣвшимъ по виду тотъ же характеръ. Отголоски фаллическихъ символовъ встрѣчаются во Франціи до XVII, а въ Италіи до XVIII вѣка, не разъ вызывая публичныя осужденія со стороны лучшихъ мужей католической церкви, а «талисманы» вполне очевиднаго происхожденія для бесплодныхъ встрѣчаются даже въ XIX вѣкѣ наряду съ разными суевѣрными обрядами

на ту же тему. Такимъ образомъ, даже эти косвенныя свидѣтельства говорятъ за чистое значеніе символа въ древности. Вѣра въ «священную кровь», перешедшая въ мистеріи изъ народныхъ религій: «кровь жертвы очищаетъ отъ всякаго грѣха и стихійной нечистоты», приняла въ нихъ болѣе умозрительный характеръ: вино, или освященная кровь жертвы, символизующія нетлѣнную «кровь Жизни», и хлѣбъ, символъ «вѣчной Плоти», представлялись въ мистеріяхъ, въ томъ или иномъ толкованіи, нѣкоторой «божественной сущностью». «Хожденіе въ адъ», символизуя смерть, очищеніе и воскресеніе, въ нѣкоторыхъ мистеріяхъ знаменовало еще откровеніе загробныхъ тайнъ: въ Элевзинскихъ посвященный «проходилъ отъ ужасовъ Гадеса къ блаженнымъ видѣніямъ Елизейскихъ Долинъ», а въ орфическихъ получалъ священное рукописаніе, которое «вело его по благимъ стезямъ Гадеса». Лицезрѣніе изображеній боговъ было прообразомъ загробнаго «небеснаго созерцанія». Погребеніе въ культѣ Великой Матери и подземныя испытанія изіаковъ и митраистовъ означали «смерть ветхаго человѣка» и возрожденіе «новаго», по образу «смерти и возстанія божества». Наряду съ священными птицами: голубь Астарты и египетскій ибисъ, въ сирийскихъ культахъ чтились «священныя рыбы», а въ садахъ вокругъ храмовъ паслись на волѣ дикія животныя, вѣроятно, какъ знакъ покровительства богини всякому дыханію. Стихи воды и огня признавались священными во всѣхъ религіяхъ міра.

Источникомъ мистерій было очень тяжелое сознаніе, что человѣкъ своими личными силами не можетъ освободиться отъ власти стихійной жизни. Побѣдить нашу «хаотическую» природу можетъ только иное, не-человѣческое, высшее начало, которое нисходитъ

какъ *благодатный даръ*. Въ мистеріи чловѣкъ «сочетаетъ свою жизнь съ божественной жизнью», проникается *священно-творческой* силой. Богозрительная вѣра начинается тамъ, гдѣ кончается мысль и постиженіе. Мистеріи стремились дать не внѣшнее познающее, но внутреннее, душевное соединеніе съ небеснымъ міромъ, призывали къ участию въ той безконечно высшей жизни, которая лежитъ надъ предѣлами земной долины скорбей и испытаній. Мистеріи учили, что все, даже самое чистое и прекрасное на землѣ, все же временно и тлѣнно, что чловѣкъ— дитя высшаго и вѣчнаго міра, пробуждали душу къ Божественной жизни, а земной сообщали особенную духовную красоту. «Таинства» давали загробную надежду: освященный становился *in aeternum renatus*, погибаль «старый» и воскресаль «новый» чловѣкъ, сынъ *Богожизненной* жизни. Какъ искры «Невещественнаго Пламени», нѣкогда ниспавшія въ міръ низшей стихіи, души вновь возвратятся въ небеса, въ лоно Отчаго Свѣта. Загробное бытіе представлялось *жизнью*, а не вѣчнымъ сладкимъ покоемъ смерти, безъ движенія, безъ воли, безъ творчества. Небесная чистота души приобрѣтается *молитвой* и *страданіемъ*. Чистые сердцемъ, плачущіе, добрые, всѣ отягченные непосильной тяготой жизни, находили въ мистеріяхъ упованіе на святое утѣшеніе и сладкій отдыхъ за гробомъ, а здѣсь находили силу мужественно переносить великія бѣды и презирать всѣ мелкія обиды несправедливой жизни, провидя «свѣтъ будущаго міра», который «выраженіемъ такого торжественнаго покоя лежитъ на лицѣ боговъ». Философія мистерій, поднявшая историческіе культы на высоту идеальныхъ созерцаній, создала также идею соединенія земной плоти и небснаго свѣта, идеаль матеріи,

отдавшейся духу, забывшейся въ немъ, и духа, въ прекрасныхъ небесныхъ чувствахъ возчувствовавшего и одушевившаго ея бессознательную жизнь.

ЕГИПЕТЪ И ВАВИЛОНЪ.

Колыбелью древнихъ мистерій былъ Египетъ, первоначальный родникъ нашей культуры. Разсѣявъ свою великую душу во всемъ мірѣ, Египетъ умеръ навѣки. Сбылось скорбное пророчество Гермеса: «О, Египетъ, Египетъ, ничего не останется отъ тебя кромѣ чудныхъ сказаній для будущихъ поколѣній, и только слово твое, изсѣченное на камнѣ, переживетъ тебя». Многія тайны древняго Египта безвозвратно утеряны, но все же не мало картинъ его былой роскошной духовной жизни раскрыто предъ нами въ этихъ на камняхъ начертанныхъ словахъ,—такъ сбылось и другое древнее пророчество: «камни возговорятъ, и стѣны воскликнуть гласомъ». Та же, томившая мудрецовъ Индіи, печаль о скорбной земной участи людей, гонимыхъ беспощаднымъ рокомъ по безвыходнымъ путямъ страданія и зла, лежала въ основѣ мистическихъ исканій Египта. «Богъ Ра создалъ людей своими слезами», говорили философы. Чрезвычайно трогательны египетскія надгробныя надписи, какъ будто слышится въ нихъ голосъ самихъ мертвецовъ, съ невыразимой грустью шепчущій изъ могилы милымъ и дорогимъ, покинутымъ здѣсь навсегда: «О другъ, супругъ мой,—читаемя въ одной эпитафiи (2500 до Р. Х.) не переставай пить, ѣсть и веселиться, наслаждаться женской любовью, слѣдуй желаніямъ сердца и днемъ и въ ночи, не дай въ твое сердце вселиться заботѣ, (ибо) мертва земля, обитель сна и

мрака, гдѣ почиваютъ мертвые, и не встанутъ, не увидятъ друзей, не узнаютъ ни отца, ни матери, ни жены, ни дѣтей... Богъ мой, царствующій здѣсь,—вѣчная Смерть. Когда онъ призываетъ, всѣ въ трепетѣ предстаютъ предъ нимъ. Богатые и нищіе, великіе и малые, всѣ равны для него, безжалостнаго»... Въ «пѣсни изъ дому блаженнаго царя Антефа», имѣвшей, повидимому, назначеніе напоминать безпечнымъ и счастливымъ во время веселаго пира о неизбѣжной смерти, говорится: «Все, что живетъ, должно умереть, цари и мудрецы покоются въ могилахъ, богатые и нищіе,—смотри, чѣмъ стали они! И для тебя наступитъ день, когда замкнется твой голосъ, и ты, лежащій во гробѣ, не услышишь плачущихъ надъ тобой». Спасенія отъ «вѣчной смерти» египетская религія искала въ *таинствѣ Богообщенія*. Темная душа озарялась въ литургійныхъ актахъ божественнымъ свѣтомъ, и прежній «духовный прахъ» преображался въ новую бессмертную сущность, небесную, исполненную Богомъ. Идея *богосыновства* дана египетскими мистеріями вмѣстѣ съ любимой идеей современной мистики: *обоженія* человѣка. Первою ступенью спасенія признавалось, какъ и въ Индіи, нравственное совершенство. На папирусь Птаххотепа (3000 до Р. Х.) читаемъ: «Не кичись богатствомъ, ибо Богъ далъ. Не презирай другого, онъ твой ближній. И дурной сынъ твое сѣмя, не чуждайся его своимъ сердцемъ. Не смѣйся надъ бѣднымъ, это болѣе жестоко, чѣмъ убить его... Встрѣчаясь съ врагомъ, не вспоминай объ обидѣ... Не возвышайся надъ другими, хотя бы былъ мудрѣе ихъ. Доброе слово чти выше смарагда. Люби правду, будь недоступенъ лжи... Милость цѣннѣе жертвы. Выше—вкусить отъ любви, чѣмъ отъ жертвенной пищи. Заповѣдь дана Творцомъ: да

будеть миръ среди живущихъ. Возносящагося смиряетъ Богъ. Будь кротокъ сердцемъ, и долги будутъ твои дни. Кто не ищетъ богатства, найдетъ сердце. Предъ обижающимъ смолчи». Въ папирусахъ встрѣчаются трогательныя наставленія «воспитывать сыновъ своихъ *для любви Божьей*». Философу Еннанъ принадлежатъ многозначительныя слова: «кто чтитъ Бога, отца и мать, тотъ поставленъ будетъ на *путь живущихъ*». Въ одной надгробной хвалѣ говорится: «Его любовь была пищею несчастнымъ, благословеніемъ слабымъ, богатствомъ для нищихъ». Въ сказаніи о загробномъ Судѣ въ уста душѣ, трепетно ожидающей приговора предъ лицомъ Судіи, вложены такія слова: «я давала хлѣбъ голоднымъ, воду жаждущимъ, одежды нагимъ, пріютъ странникамъ»... Непростимыхъ грѣшниковъ, осужденныхъ навѣки, ожидаетъ адъ, вѣчный мракъ, неугасимое пламя страданій. Святые же, побѣдившіе зло, отгоняя на пути къ блаженнымъ долинамъ «злыя силы» пѣніемъ гимновъ, священными глаголами «Книги Мертвыхъ», реченіями «великаго рукописанія» египетскихъ гробовъ, напутствующаго въ таинственный міръ, «отверзаютъ врата загробнаго міра», возносятся, какъ *духъ-свѣтъ*, въ стихію вѣчности, въ небесное царство Озириса. Душа праведника говоритъ о себѣ: «Я вѣчная, познала *имя Великаго Бога*, возвратилась въ отчизну, вхожу въ родной Градъ. Я съ *отцомъ* моимъ Атумомъ (божествомъ) во всѣ дни. Нѣтъ во мнѣ нечистаго, грѣхи мои омыты. Орошу главу свою въ морѣ Праведныхъ. Пришла въ страну Свѣта, вхожу чрезъ Святые Врата. И вы, стоящіе здѣсь, прежде пришедшіе, примите меня: я—*отъ вашихъ и съ Отцомъ моимъ пребуду во всѣ дни*». Египтяне, славившіеся глубокой набожностью, выражали свои чувства въ стройныхъ гим-

нахъ; многіе изъ нихъ, извѣстные въ наше время, говорятъ о возвышенныхъ теистическихъ идеяхъ, несмотря на видимое многобожіе египетской религіи. «Хвала тебѣ, вѣчный и сильный,—говорится въ гимнѣ Рамзеса III (1200 до Р. Х.),—Отецъ Божій, безначальный владыка, творецъ людей, Ты создалъ Небо, *расширивъ свое сердце*, распростеръ на опорахъ воздушныхъ»... Въ гимнѣ поклоненія «Свѣту вечернему», возлюбленному Ра, Богу-Свѣту (изъ 1300 г. до Р. Х.) читаемъ: «Поклоняюсь тебѣ, Солнцу заходящему! Боже, истинно сущій, творецъ людей и всего создатель! Владыка въ небесахъ, царь на землѣ! *Богъ Божественный, самъ себя изъ себя создавшій*, творецъ вышнихъ и нижнихъ (боговъ). Сладостный Боже, великій въ любви! Приношу тебѣ хвалы вечернія... Сердце твое радуется на западѣ. Тамъ воцаряешься ты, Боже, прекрасный, вѣчный»... Закатившись на западѣ, Солнце, Богъ-Любовь египетской религіи, даже и тамъ, невидимо для земли, проливаетъ свой милосердый свѣтъ несчастнымъ, тоскующимъ въ узахъ вѣчной смерти,—и имъ, безнадежно осужденнымъ и недостойнымъ, ласково бросаетъ свои утѣляющіе лучи. «И имъ, сказано въ одномъ гимнѣ, Сіяніе твое видимо, красоту твою зрять. На закатѣ свѣтишь имъ, и *смягчается сердце Царя Смерти, когда ты свѣтишь*. И очи сущихъ въ Царствѣ Мертвомъ обращаются къ тебѣ, облегчается сердце ихъ»... Среди божествъ народной вѣры: Небо—Отецъ, Мать—Земля, Богъ—Свѣтъ, символизуемый солнцемъ, самымъ благосклоннымъ къ людямъ является Свѣтъ, богъ любви. «Я великій Богъ, говоритъ о себѣ Ра, самъ себя изъ себя создавшій и имя свое себѣ сотворившій, властелинъ боговъ». По вѣрѣ гимновъ, «нѣтъ равнаго ему». На одной надписи (1300 до Р. Х.) Богъ-

Солнце названъ перворожденнымъ, сыномъ Божиимъ, Словомъ. Марріэтъ приводитъ любопытную надпись на вратахъ одного храма: «Богъ-Свѣтъ создалъ все, что есть, и безъ Него ничто не сотворено, что сотворено». На одномъ берлинскомъ папирусь XIX династіи Богъ названъ «Единымъ Живущимъ», на другомъ «единымъ вѣчнымъ Существомъ», одна мемфисская надпись называетъ «Богомъ, себя самого создавшимъ, сущимъ собою, *Двоединымъ*, творцомъ изъ начала временъ». Иногда о немъ говорится, какъ о второмъ лицѣ священной Двоицы: «Единый Единаго». Богъ-Свѣтъ египетской религіи—спаситель міра отъ вѣчной смерти, жизнь и воскресеніе. Изъ легендарныхъ разсказовъ о чудесахъ маговъ видно, что они совершались его именемъ: магъ, по разсказу Апулея, клалъ какую-то траву на уста покойника, другую на грудь, и «тихо молился Восходящему Солнцу,—и вотъ уже начинаетъ грудь, волнуясь, подыматься, забилось сердце, тѣло наполняется духомъ жизни, и вотъ мертвый приподымается»... Имя вышняго, Аммонъ, значить «тайный, неоткровенный». Въ немъ, «Сокровенномъ Богѣ», покоятся пространства и время, матерія и жизнь. Онъ «существо тайное, ходящее путемъ вѣчности, образъ его невѣдомъ», «лика его никто не зрѣлъ, видъ его неописуемъ, сокрытъ даже отъ боговъ», онъ «тайнъ, великъ, могучъ, и никто не можетъ познать его». Міръ созданъ «творческимъ словомъ», божествомъ египетской Тριάды: Фта, вышній разумъ, Хоръ, сердце Божіе, духъ и жизнь, и Тотъ, слово Божіе. «Слово создало всѣхъ боговъ и творить благія силы жизни, смиряетъ вредныя». Египетское «Слово», «Благое Сущее» «Слово-Разумъ» стало позднѣе Логосомъ герметизма. Боги «живутъ въ храмѣ истины», ихъ «сердце питается правдой». Кромѣ божества,

«имя котораго покрыто тайной», боги изображались или подъ формою своихъ символовъ, или въ своемъ миѳическомъ видѣ, очень часто съ крестомъ (*анхъ*) въ рукѣ, символомъ вѣчной жизни. Богамъ сопутствовали «небесныя жены», также какъ въ Индіи съ Брамой была Сарасвати (Премудрость), съ Вишну Лакшми (Любовь, Красота и Добро), прекрасная «златокудрая жена въ цвѣткѣ Лотоса». Боги и богини, по мнѣнію Масперо, «нерѣдко представляли два аспекта: мужской и женскій, одного существа; въ то же время отецъ былъ единъ съ сыномъ, и, такимъ образомъ, египетскія триады были въ сущности однимъ божествомъ въ трехъ лицахъ». Вѣчная спутница Тота, бога-слова, Маитъ, богиня истины, разума и правды, есть *мистическая природа* божествъ, «Хлѣбъ и Питіе Божіе», по глубокому слову египетской мудрости. Вѣроятно, ея образъ отразился въ Божественной женѣ гнозиса, женской ипостаси мужеженственного бога (сотворящей и творящая), какъ и орфическій Зевсъ былъ мужъ и жена. Особенность египетскаго пантеона представляетъ богъ-Младенецъ, Хоръ, символъ младенчески невинной чистоты «сердца божьяго». Египетъ былъ родиной боговъ, «царей небесныхъ». Боги мистерій Озири и Изи были, по миѳу, нѣкогда царями. Рожденіе Озириса возвѣстилъ «голосъ съ неба»: «является въ міръ царь міра!», и когда онъ родился, въ храмѣ Аммона послышался невѣдомый голосъ: «родился Озири, царь великій!» Онъ былъ «благимъ учителемъ людей», насаждалъ на землѣ «чистоту и мудрость», даровалъ людямъ *Пѣснь и Мечъ*. Изида, благая, научила хлѣбопашеству, дала *Пѣснь и Хлѣбъ*. Въ мистеріяхъ Озири является божествомъ, нѣкогда воплощеннымъ на землѣ, воспѣвается какъ «Душа боговъ», «Обновитель жизни».

Небесный другъ людей, онъ открываетъ имъ путь вѣчности: посвященные, «облекшись въ Озириса», имѣли надежду на «небесныя блаженства подлѣ Озириса». Цѣль и смыслъ этой жизни—приготовиться для вѣчной жизни, которую найдутъ тѣ, чья душа можетъ сказать предъ Судією: «голодныхъ кормила и поила жаждущихъ, одѣвала нагихъ, чисты уста мои и руки мои чисты». Вѣра египтянъ требовала чистоты сердца и мудрой спасительной любви къ ближнимъ: «отстраняй зло отъ (другихъ) существъ... Наставляй (ближнихъ) въ словахъ древней мудрости».

Въ вавилонской религіи путь спасенія требовалъ также нравственной чистоты, познанія и благодатнаго небеснаго вліянія, приносящаго въ душу бессмертіе. Вѣра въ божественнаго Сына, простирающаго свою любовь къ несчастному міру, даетъ лучшія страницы религіи Вавилона. И здѣсь познаніе идетъ отъ ужасовъ «вѣчной смерти» къ царству свѣта и жизни. Дѣва водъ Сабату, въ которой олицетворяется духъ искушенія и грѣха, говоритъ Гильгамешу, уstraшенному мыслью о неминуемой смерти, *искавшему тайну вѣчной жизни*: «Жизнь, которую ищешь, не найдешь. Боги, создавъ людей, смерть возложили на нихъ, а жизнь оставили себѣ. Веселись же, ѣшь, пей, о смертный! пусть каждый день твой будетъ праздникомъ». Среди вавилонскихъ и ассирійскихъ письменъ встрѣчается много грустныхъ размышленій о смерти. Библейскій мотивъ, такой трогательный въ своей печальной простотѣ: «человѣкъ какъ трава, дни его, какъ цвѣтокъ полевой, отцвѣтають», встрѣчается и въ философской поэзіи Вавилона: «Какъ тростникъ, скоро жизнь потребится; вечеромъ живущій вотъ уже мертвъ на утро». Герой сказанія о Нимродѣ, «съ ужасомъ видя, что умеръ

другъ его, склонился къ нему съ тоской: «какой сонъ сковаль тебя?.. увь, ты застыль, не слышишь, не открываешь очей!..» И тогда припаль жадно къ сердцу, но оно не билось... Тогда обняль друга, какъ невѣста, рыдая»... Безутѣшныя слезы чувствуются въ надписяхъ на вавилонскихъ гробахъ: «на всѣ времена, навсегда, навѣки». Отъ вавилонскихъ сказаній о загробномъ мірѣ вѣтъ ужасающимъ мертвымъ холодомъ, какъ изъ раскрывшейся могилы: «Страна, откуда нѣтъ возврата, мрачная обитель смерти, съ однимъ входомъ, безъ выхода... Двери и засовы посыпаны прахомъ, живущіе тамъ живутъ во мракѣ, не видятъ свѣта, и пыль ихъ пища»... Тамъ всѣ равны, «цари и нищіе»—все кости и пепель могильный. Въ повѣсти о схожденіи въ адъ богини Истаръ есть что-то безконечно грустное въ трогательномъ разсказѣ, какъ адскіе стражи у вратъ царства смерти «снимали съ нея корону, украшенія, ожерелья, одежду»... Какъ тяжела была бы *вѣчно-смертная* доля людей. Но среди боговъ, блаженствующихъ въ небесахъ, есть одинъ, милостивый, который тронулся бѣдственной участью челоувѣчества, обратилъ къ нему свое сердце и взоръ,—богъ Меродахъ, или Мардукъ, сразившій молніей Великаго Дракона. Къ нему, милосердному, «свѣту земли и свѣту неба», «красотѣ и величію», обращены восторженные гимны вавилонянъ. Онъ богъ весны и обновленія, «воскресенія мертвыхъ». Его «имя во всѣхъ устахъ», онъ «знаменіе для всей вселенной». «Твой могучій мечъ распростертъ надъ землею и небомъ. Море изсохнетъ, увянутъ цвѣты, опустошится русло Евфрата, когда ты повелишь. Господь, господь! великъ ты, кто равенъ тебѣ!» Мардукъ, «пробудитель мертвыхъ», богъ весны, жизни, радости, заступникъ міра, восхваляется въ

гимнахъ какъ «сострадательный, которому мило пробужденіе людей». Мертвые услышатъ голосъ Меродаха и прснутя. Богъ добрѣйшій, богъ любви былъ предметомъ глубокаго сердечнаго почитанія. Самыя задушевныя молитвы посвящены ему. «Очи всѣхъ къ тебѣ обращены. Ты даешь жизнь, даешь покой, о сострадательный среди боговъ, въ твою волю предаю себя... Слезы мои стали мнѣ питьемъ, долго ли будешь гнѣваться, Боже, когда скажешь сердцу моему: успокойся... Да снизойдетъ царствіе твое, да исполнятся заповѣди твои навѣки, да не внидетъ духъ злой въ селенія (наши)»... Черезъ сына Мардуха люди познаютъ отца—Еа и ихъ единство. Любовь сына склоняетъ и отца на любовь и милость къ міру. «Отче, многопрощающій, ты въ десницѣ своей держишь жизнь народовъ. Дыханіе святости твоей наполняетъ небо, воды и землю. Кто царить въ небесахъ? ты, единый, царишь. Кто Господь на землѣ? ты господь. Воля твоя на небесахъ, и ангелы преклоняются предъ ней. Воля твоя держитъ законъ и правду, и тайныя неба и земли облакаетъ она, никто не знаетъ ее, никто (мыслью) не обниметъ ее, никто не воспротивится ей... Планъ Божій (тайны міротворенія, Божіи думы о мірѣ) тьмою облеченъ, кто постигнетъ его»... На добрыхъ и праведныхъ нисходитъ божественная помощь, благочестивые, милостивые войдутъ въ небесныя обители. Въ ассирійскомъ богослуженіи жрецъ произносилъ такія слова: «Кто великое и святое благовѣстіе Еа какъ заповѣдь жизни пріялъ, того охраняютъ великіе духи неба и земли и введутъ (по смерти) въ великое святилище Небеснаго Храма, чертогъ чистый, сіяющій славой». Вавилонскія и ассирійскія молитвы полны глубокаго и теплаго чувства. «Всели въ сердце его

(говорится въ молитвѣ за своего сына) страхъ предъ твоею божественной волей, да не пожелаетъ грѣховнаго... О, Господи, многи грѣхи мои, велики. Гнѣвъ твой поразилъ меня болѣзнью и горемъ. Я падалъ, и никто не простеръ мнѣ руки, стоналъ, и никто не услышалъ, звалъ на помощь, никто не откликнулся. Ты же, господи, не покинь меня, ты прострешь десницу утопающему среди бури». Прекраснымъ религіознымъ духомъ проникнуты ассирійскія заповѣди: «будь чистъ сердцемъ предъ Богомъ твоимъ, приноси Ему молитву утреннюю, поникни лицомъ. Страхъ предъ Богомъ создастъ тебѣ милость сердца, молитва спасетъ отъ грѣха». Въ мистеріяхъ спасенія имѣла особенное значеніе таинственная «вода святая». Святой источникъ (ковчегъ?) «Водъ Жизни» хранится въ «Вѣчномъ Чертогѣ», въ храминѣ Мардука, владыки «воды живой». Мистическія «воды» имѣли на человѣка благодатное и спасительное вліяніе. Богъ Еа говоритъ Мардуку: «Иди, сынъ мой, изнеси воду отъ устья потоковъ (Тигра и Евфрата), дай водѣ сей свое чистое благословеніе, освяти ее своимъ Чистымъ Величіемъ, окропи людей, да будутъ дѣти Божьи». Раскопки открыли изображенія Крылатыхъ Духовъ, несущихъ сосуды Живой Воды у Древа, плоды котораго—мистическій Хлѣбъ Жизни. Въ *Хожденіи Гилгамеши* разсказывается, что при устьѣ потоковъ (Тигра и Евфрата) находится Садъ Божій, скрывающій чудное древо съ драгоценными плодами, и Дѣва Водъ стережетъ мѣсто переправы. Въ одномъ памятникѣ сказано: «чистая вода, вода Евфрата, уста Божьи очистили ее... въ чистой блистающей водѣ бога Еа самъ онъ омываетъ свой ликъ». Водная стихія имѣла въ древнія времена мистическое значеніе, и, по ассирійскимъ сказаніямъ, богъ Оаннь,

первый учитель людей, положившей начала культуры, вышелъ изъ воды. Ассирійскій обрядъ «очищенія водой» былъ не только символомъ омовенія, но и *освященіемъ* въ мистической купели, «въ животворящихъ водахъ Вышняго», приобщеніемъ къ вѣчному міру, сущему за предѣлами грѣшной земли, а обрядъ помазанія масломъ знаменовалъ предназначеніе для вѣчной жизни, какъ знакъ избранниковъ Небеснаго Царства. Наряду съ этими обрядами имѣли свое таинственное вліяніе на загробныя судьбы людей еще богослужебныя жертвы. Въ одномъ очень темномъ мѣстѣ говорится: «Взыграйте на флейтахъ, восплачьте, плакальщицы, и мертвые подымутся и будутъ вдыхать благоуханіе жертвы». Можетъ-быть, здѣсь говорится о мертвыхъ, недостойныхъ небеснаго міра, еще не услышавшихъ «зова», для которыхъ «очистительныя» молитвы и жертвы были въ вавилоно-ассирійской религіи таинствомъ разрѣшенія грѣшной души отъ вѣчной смерти.

ОРФИЗМЪ.

Орфей, сынъ жрицы Аполлона, посвященный, по преданію, въ мистеріи въ Египтѣ, изъ высшаго боговѣдѣнія египетскихъ мудрецовъ принесшій въ Грецію тайны спасенія, былъ создателемъ культа Діониса. Аполлонъ и Діонисъ, божественные сыны Вѣчнаго Отца, напоминаютъ двоицу индусовъ: Вишну и Шиву. Аполлонъ—богъ красоты и мечты. Его дыханіе вѣетъ въ чудныхъ звукахъ лиры, въ нѣжныхъ волненіяхъ сердца, въ поэтическомъ трепетѣ любви. Онъ далеко, въ лучезарной высотѣ, и только отблескъ его свѣта ложится на міръ воздушной печатью поэзіи

и радости. Діонись, трагическое божество, болѣе родное землѣ; онъ разлился въ мірѣ, живетъ его жизнью. Аполлонъ—чисто божественная, безплотная красота; Діонись—страсть, плоть, Богъ-Природа, полная красоты и хаоса, святыни и страстной грѣховности, греческій Шива. Смертныя черты Орфея почти стерлись въ миѣ тайнственнаго пѣвца, ставшаго на землѣ живымъ «словомъ Бога», человѣческой рѣчью возвѣстившаго людямъ «божественныя» тайны. Такой покоряющей властью дышали его пѣсни, такъ волновали какимъ-то чуднымъ ожиданіемъ, что и боги, и люди, и звѣри, и вся природа восторженно внимали пѣвцу. Дикіе звѣри кротко идутъ за нимъ, увлекаемые непобѣдимымъ притяженіемъ его пѣсни, надъ нимъ кружатся птицы, очарованныя прелестными звуками, и даже,—говоритъ преданіе, напоминая легенду Будды,—деревья отрывались отъ корней, и свергались скалы, въ какомъ-то стихійномъ мистическомъ порывѣ стремясь къ пѣвцу. Онъ «канибаловъ обратилъ въ людей кроткихъ», онъ «добрый пастырь, который хранитъ овецъ своихъ», онъ «отецъ таинствъ, дивное Слово, вѣщавшее людямъ путь спасенія», «трижды вѣнчанный безсмертьемъ: въ аду, на землѣ и на небѣ». Имя Орфея и мистеріи, связанные съ нимъ, имѣли чрезвычайно притягательную силу. Ипполитъ у Эврипида спѣшитъ въ Аѳины «святыни приобщиться и тайное созерцать». Посвященные говорили объ Орфеѣ: «вышнія тайны, святыя, онъ намъ явилъ». Новоплатоникъ Прокль указываетъ, какое духовное преображеніе давало «посвященіе въ таинства Діониса, милостью Орфея»: посвященный «выходитъ изъ круговорота возрожденій, сладко воздыхая; грѣхъ не коснется его, онъ *спасенъ отъ смерти*, отнынѣ онъ не сынъ земли». Орфей

погибъ по волѣ своего разгнѣваннаго бога. Миѣ его смерти въ высшей степени загадоченъ, какъ будто дышитъ какимъ-то прорицаніемъ, обращеннымъ къ грядущему, и, можетъ-быть, въ своей идеѣ имѣетъ *вѣчное значеніе*. Орфей, пѣвецъ Діониса, оскорбилъ своего бога, признавъ *все же высшимъ божествомъ идеальнаго Аполлона*. «Ночью, вставъ отъ сна, онъ возшелъ на выси горы, чтобы *первому, раньше всѣхъ людей, видѣть Великій Восходъ и принести поклоненіе*». Орфей былъ растерзанъ разъяренными жрицами, фанатически преданными культу Діониса, и только лира Орфея хранится въ святилищѣ Аполлона, по временамъ, сама «никѣмъ не трогаемая, издавая дивные звуки». Умеръ пророкъ, но голосъ сердца, душа его вѣчно звучитъ въ мірѣ...

Орфическая вѣтвь греческой религіи отличалась особенно чистымъ нравственнымъ характеромъ. Посвященные надѣвали бѣлыя одежды, какъ символъ чистоты, давали обѣтъ на всѣхъ путяхъ своей жизни «слѣдовать Богу», стремясь къ идеальному совершенству: *жизнь должна быть чиста какъ душа*. Въ орфическихъ союзахъ находили отрадное «убѣжище тѣ, кто жаждетъ благочестивой жизни». Цѣломудріе, постъ, воздержаніе отъ мяса, нравственная чистота были первыми правилами союзовъ. Орфизмъ связанъ съ культомъ Діониса, божества, «вѣнчаннаго плющемъ и лозой виноградной», погребеннаго въ тѣлѣ еселенной и воскресающаго въ духѣ человѣчества. Только сердце «растерзаннаго» бога спасла Минерва, *божественная мысль*, вознесла съ собою на небо, и сердце божье тамъ пылаетъ какъ солнце. Люди, въ своемъ тайномъ существѣ, плоть и кровь Діониса, частицы растерзаннаго «божественнаго тѣла», погруженныя въ хаосъ. Ницше, мечтавшій стать новымъ

пѣвцомъ Діониса, повидимому, предполагалъ въ «вакхическихъ неистовствахъ» существенную часть культа; въ дѣйствительности даже «оргіи» не были праздникомъ торжествующей, разнузданной чувственности. Діонисъ Орфея очень далекъ отъ фантастическаго Діониса Ницше: онъ не презиралъ слабыхъ и несчастныхъ, напротивъ, былъ, по слову мистерій, «помощью слабымъ, утѣшеніемъ страдальцевъ, надеждою всѣхъ». Правда, на сохранившемся изображеніи «головы Діониса» локоны поднимаются какъ бы огненными языками,—несомнѣнный образъ огненнаго оргіазма, но это «священное изступленіе»— тотъ божественный восторгъ, отъ котораго вспыхиваютъ мистическимъ огнемъ небесныя силы, потрясая священными кликами небеса небесъ, изнемогая въ невыносимо чудномъ блаженствѣ... Культъ Діониса, сына творца, его «вѣщающаго Слова», полонъ высокаго трагизма. Существенною частью мистерій были «муки Діониса». Трагична въ орфизмѣ и земная судьба души. «Боги,—говоритъ Орфей,—рождены Божественной улыбкой, люди отъ Божьихъ слезъ... О, какъ тоскливо блуждаютъ онѣ (души) въ безконечности міра, кружатся, ищутъ родныхъ себѣ, неисчислимыя души, ниспавшія изъ великой Души всего міра... рыдаютъ въ пучинѣ о потерянной родинѣ... это твои слезы, о Діонисъ!... Великій Духъ, вновь твоихъ дочерей прими въ лоно Свѣта»...

Орфей, которому легенда приписываетъ «схожденіе въ адъ», училъ спасенію души отъ вѣчнаго мрака смерти, выходъ изъ «рокового круга возрожденій». Душа, напоенная въ мистеріяхъ отъ «источниковъ Воды Живой», пріявшая «жизни и свѣта», спасена отъ власти судьбы и хаоса, стоитъ на «небесномъ пути». Ученіе Орфея о «колесѣ судьбы и рожденій»,

о «бесконечныхъ странствіяхъ души» повторяетъ известное ученіе религій Индіи. Душа, частица Божества, искра Божія, заключена въ тѣлѣ, какъ «темницѣ» или «гробѣ». Сверхая, какъ метеоръ въ безднахъ вселенной, свой путь «въ циклѣ рожденій», очищаясь и совершенствуясь, она обрѣтаетъ лучшую участь, но грѣша падаетъ еще ниже. Исходя изъ тѣла, она несетъ на себѣ свси грѣхи, какъ грязныя несмываемыя пятна: «дѣла мертваго неотступно идутъ за нимъ во слѣдъ». Слѣдуетъ отмѣтить прекрасную орфическую идею воздаянія: въ новомъ существованіи душа претерпѣваетъ именно то зло, которое прежде сама нанесла другимъ. Желанная цѣль спасенія: «кругъ страданій и тяжесть грѣховъ (увлекающихъ душу все ниже и ниже отъ завѣтныхъ небесъ) покинуть и сладко отъ бѣдствій воздохнуть», достигается праведностью, вѣрой и мистическимъ очищеніемъ. «Блаженъ, кто внимаетъ небеснымъ откровеніямъ, чистый сердцемъ, безгрѣшный жизнью, въ горномъ уединеніи о Діонисѣ мечтая». На пластинкѣ, найденной въ орфическомъ гробѣ, написано: «Отъ чистыхъ чистая прихожу къ тебѣ, Владычица нѣдръ міра, и къ вамъ, бессмертные... Я унеслась изъ круга страданій, избѣгла юдоли скорбной, желаннаго конца достигла скоро, въ лоно твое, Царица, сошла».

Религія Орфея, давая прекрасные отвѣты на вѣчно мучительные вопросы загадочной человѣческой доли, привлекала къ себѣ такихъ мудрецовъ какъ Пифагоръ и Платонъ. Своимъ небеснымъ содержаніемъ ихъ мысль наполнялась въ мистеріяхъ. Въ орфическихъ гимнахъ, которые были философской душой мистерій Діониса, разсѣяно не мало «высокихъ и утѣшительныхъ помысловъ». «Войди внутрь

себя—и поднимаешься до Источника всего... Единый царить и въ верху небесъ и въ низу земли, Премудрость, Любовь... Многи божества, Богъ же одинъ и неизмѣненъ, ибо Божественность едина и вѣчна... Приобщись Божеству, чистому, неизмѣнному»... Зевсъ орфиковъ—«Всемогущій и Вѣчный, былъ, есть и будетъ вовѣкъ, первый и послѣдній, начало, середина и конецъ. Земля и небо въ лонѣ его, воздухъ и огонь—дыханіе... Небеса—чело, очи его—мѣсяць и звѣзды, эфиръ—слухъ, перси—воздухъ, вселенная—тѣло его, преисподняя—подножіе... Всѣ боги и бессмертныя богини, и все, что должно родиться, скрыто въ нѣдрахъ Бога». По ученію орфиковъ, Время (Кронось) породило хаосъ и эфиръ, а въ эфирѣ ярко-бѣлое сферическое тѣло вселенной, которое какъ яйцо содержало въ себѣ въ зародышѣ всю безконечность жизни и развитія. Волненіе міровыхъ вѣтровъ освободило въ мукахъ мистическаго рожденія божественнаго Эроса съ блестящими какъ золото крылами. Эросъ (Любовь) у орфиковъ въ то же время Метись (Премудрость); все идеальное въ мірѣ, уносящее къ небу—дыханіе Эроса, смерть же и страданіе—дѣти хаоса, Вѣчной Ночи. Люди непорочнаго сердца, освященные въ мистеріи, воскрешаютъ въ своей душѣ таинственнаго Бога: «Плачь нашъ обратился въ радость, Богъ умеръ въ насъ и въ насъ возсталъ». По вѣрѣ мистовъ, они «дѣти Божьи», бережно и свято несутъ въ своей душѣ «частичку Божества», и въ сердцѣ ихъ новая, невыразимо-нѣжная прелесть *вѣчныхъ чувствъ* «Небеснаго Эроса». Черезъ таинственную пелену земныхъ мистерій, въ мистическомъ очарованіи, въ зоркомъ и остромъ напряженіи пробудившейся «глубокой души», въ дыму ароматныхъ кадильницъ, волнуемъ пѣніи клировъ, славившихъ «Утѣшеніе

неба и земли», посвященный прозрѣваетъ въ Небесную Мистерію, вѣчно свершающую таинство «Радости, Любви, Красоты», которымъ вдохновенный Платонъ вознесъ свои молитвы святого познанія, навсегда очаровавъ человѣчество видѣніемъ Истины, Красоты и Добра.

Въ лицѣ Пиеагора орфизмъ оказалъ сильное вліяніе на всемірную мысль. Самъ Пиеагоръ испыталъ бѣдственную участь Орфея: пиеагорейскіе союзы вызвали преслѣдованіе, мудрецъ же погибъ насильственной смертью. Въ нравственномъ характерѣ пиеагорейскихъ союзовъ: благочестивая жизнь, скудная одежды, великій постъ, воздержаніе отъ мяса и рыбы, таинственныя служенія, созерцательность—сказывается во всей полнотѣ орфической духъ. Пиеагоръ въ глазахъ послѣдователей былъ человѣкомъ «не отъ сего міра, свыше озареннымъ». О немъ говорили: «онъ пришелъ не поучать, но исцѣлять». Самая судьба его была провиденціальна, еще о младенцѣ оракуль возвѣстилъ матери: «великъ въ мудрости будетъ твой сынъ, но помни, что познаніе истиннаго Бога въ Египтѣ». Особенностью его ученія, выношеннаго, несомнѣнно, въ идеяхъ египетской мудрости, былъ символизмъ «числъ», надъ которыми возвышается мистическая «Триада, въ чистомъ эфирѣ пылающая, Святое Три, безконечно чистый Символь, источникъ жизни, образъ Божій». Идеальной мудростью была для Пиеагора «мудрость вѣры». Въ пиеагорейскомъ «пути познанія» ясенъ орфическій путь спасенія: «познай себя и познаешь Божественный міръ». Позднѣе, подъ вліяніемъ Сократа, эта формула стала девизомъ философіи, по крайней мѣрѣ, въ своей первой части. Изъ «тайныхъ знаній» Пиеагора, вѣроятно, также восточнаго происхожденія, поражалъ современниковъ

даръ прорицанія и предвидѣнія: онъ «читалъ душу по лицу», о чемъ говоритъ и Оригенъ, и, по преданію, обладалъ даромъ египетскихъ маговъ исцѣлять людей и вообще таинственно вліять на нихъ силою магической воли. Нравственное ученіе Пифагора вполнѣ повторяетъ орфическое, нѣрѣдко даже въ тѣхъ же характерныхъ выраженіяхъ: узнавъ, напримѣръ, что его другъ вновь предался низменной чувственной жизни, онъ сказалъ: «онъ мертвъе мертваго; это только тѣло его еще блуждаетъ среди людей, но душа давно умерла; будемъ плакать о ней». Религіозныя идеи Пифагора проникнуты тою же кристальной духовностью, которая нашла у Эмпедокла прекрасное выраженіе: «Богъ—духъ святой и невыразимый. Блаженъ, кто нашель свое сокровище въ Божьемъ Духѣ».

ИЗИДА и ГЕРМЕТИЗМЪ.

Изида, «богиня трижды несчастная», «хранительница великихъ и печальныхъ тайнъ», возсѣдала на престолѣ, держа на колѣнахъ книгу сокровенныхъ письменъ, съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ. Изида—богиня любви, Матерь-Природа, возлюбленная небесная Жена, закутана въ непроницаемыя покровы—«въ тайнахъ семи сферъ міра»: «никто изъ смертныхъ не поднималъ моего покрывала». Мистеріи Изиды связаны съ миеомъ смерти и воскресенія Озириса, божества, принимающаго вѣрныхъ въ свою небесную сущность, облакая ихъ въ достоинство «дѣтей Божьихъ». Кто проходилъ чрезъ страданія и радость мистерій, тотъ пріобщался тайнъ Великой Божественной Мистеріи, которая вѣчнымъ образомъ свершается въ недосягаемыхъ высотахъ, становился избранни-

комъ, запечатлѣннымъ для Небеснаго Царства. Мистеріи—«дверь смерти и воскресенія, врата святыи лица Озириса». О посвященномъ возглашали: «Живъ Озирисъ, и сей живъ будетъ, не умретъ вовѣки Озирисъ, и сей не умретъ, безсмертенъ Озирисъ, и сей къ безсмертнымъ причтенъ!» Мистеріи воскрешаютъ въ душѣ ея тайную небесную сущность: «Есть Свѣтъ въ душѣ, покровами закрытый; забвенный, онъ гаснетъ, и темнѣетъ душа; изливается въ душу Святая Любовь, онъ разгорается ярко, свѣточъ безсмертья». Изиды была образомъ Небесной Жены, съ нѣжной любовью склонившейся къ земному міру,—символь *Сердца* въ торжественныхъ и великихъ, но хладныхъ небесахъ. «Изида, говоритъ Апулей, являла сладостную нѣжность матери всѣмъ гонимымъ судьбою, несчастнымъ, плачущимъ». По свидѣтельству Плутарха, «вѣра въ Изиду Страдалицу давала благочестивое утѣшеніе мужамъ и женамъ, страдающимъ и плачущимъ». Псввящаемые въ мистеріи очищались «огнемъ и водой», испытывали страхъ смерти и могильныхъ ужасовъ, прсводя ночь въ гробу, въ глухомъ подземельѣ; нравственная чистота и цѣлсмудріе неопитовъ испытывались сладострастными искушеніями въ образѣ прелестной восточной блудницы, подносявшей фіаль ароматнаго опьяняющаго вина, «чашу радости, чашу забвенья скорбей», и старавшейся всѣми чарами женскаго обаянія вновь пробудить побѣжденную чувственность. Это было самое опасное искушеніе: «чистое сердце и безгрѣшная жизнь»—первыя заповѣди въ культѣ Изиды. Неустоявшій лишался посвященія и оставался рабомъ въ подземномъ храмѣ. Прошедшій весь искусь, посвященный, «зрѣвшій Божественныя видѣнія», съ благодареніемъ говорилъ о свершившемся надъ нимъ таинствѣ: «вошелъ

въ царство Истины, воскресъ въ Богъ Живущемъ, облекся въ небесный свѣтъ!» Самая высшая ступень посвященія, которой достигали только немногіе, сообщала магическія «силы».

Въ болѣе интимную сторону культа Изиды вводитъ насъ Апулей. «Я палъ со слезами передъ образомъ богини, приникъ лицомъ къ ея стопамъ, и голосомъ, прерывавшимся отъ рыданій, тѣснившихъ грудь, говорилъ: «О, святая, вѣчная, покровительница людскаго рода! смертнымъ, гонимымъ судьбой, несчастнымъ, ты являешь нѣжную любовь матери. Ты охраняешь людей въ водахъ и на сушѣ, ты простираешь, милосердая, руку спасенія утопающимъ въ буряхъ жизни, ты разрываешь роковыя нити судьбы, каждый день, каждый часъ, каждое мгновенье ты благодѣтельствуешь кому-нибудь на землѣ... Слабъ я духомъ воспѣть хвалу тебѣ, нищъ добромъ принести достойную жертву... Одно лишь, бѣдный, могу: вѣчно буду хранить въ сердцѣ твой божественный образъ, вѣчно держать предъ очами»... Очень интересенъ у Апулея разсказъ Люція объ явленіи Изиды. «Семь разъ омывшись, съ бодрымъ, радостнымъ сердцемъ, но съ лицомъ, орошеннымъ слезами, молился я Всемогущей: «Царица небесъ! помоги мнѣ въ моемъ горѣ, возврати сердцу счастье и миръ, дай покой послѣ столькихъ бѣдствій». Богиня склонилась къ мольбамъ и явилась Люцію; на ея головѣ съ распущенными локонами былъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, на челѣ зеркало (истины), она была одѣта въ разноцвѣтную (символь разнообразія природы) тунику тончайшаго виссона и въ черный перекинутый плащъ (символь сокровенности), свѣтившійся какимъ-то чуднымъ «темнымъ свѣтомъ», усѣянный звѣздами, среди которыхъ «свѣтилъ полный мѣсяцъ». Богиня сказала

Люцію: «Люцій, меня тронули твои мольбы, и я пришла къ тебѣ, Матерь всѣхъ, перворожденная Дочь Вѣчности... Вся вселенная меня чтитъ, называя разными именами: я Божественная Матерь фригійцевъ, Минерва въ Атикѣ, Венера у кипрійцевъ, Діана у критянъ, Прозерпина элевзинцевъ, у другихъ Церера, Юнона, Беллона, Немезида, но арійцы и эфиопы, освѣщенные лучами рождающагося Бога—Солнца, и египтяне, дѣти древней премудрости, величаютъ меня истиннымъ именемъ царицы Изиды. Я здѣсь, сожалья тебя, несчастный, я здѣсь, благосклонная, милосердая. Не плачь, забудь жалобы. И для тебя насталъ день цѣленія. Воспрянь духомъ»... Слѣдуетъ отмѣтить у Апулея описаніе торжественнаго шествія въ честь Изиды «съ алтарями Помощи, пальмовыми вѣтвями, священными сосудами, ковчегомъ, скрывавшимъ внутри Тайны Вѣры, достойный поклоненія образъ Высшаго Божества, съ невыразимымъ символомъ высочайшей Вѣры, сокровенной въ глубокомъ безмолвіи»... Когда Люцій приблизился къ Верховному Жрецу, старецъ сказалъ ему: «Послѣ столькихъ лишений и ужасныхъ бурь, судьбою гонимый, ты достигъ наконецъ, Люцій, тихой пристани, алтаря Состраданія. Слѣпая судьба, муча тебя, сама привела тебя къ вѣрѣ. Для тѣхъ, чью жизнь богиня взяла подъ свой покровъ, всѣ вражьи силы безсильны... Посвяти себя нашей вѣрѣ, отъ сердца возложи на себя ея иго. Чѣмъ усерднѣе поработишься богинѣ, тѣмъ болѣе будешь испытывать сладость твоей свободы»... Люцій рѣшилъ посвятить свою жизнь служенію Изидѣ и послушанію. «Съ каждымъ днемъ во мнѣ росло желаніе стать причастнымъ святынѣ, и я жарко молилъ Верховнаго Жреца посвятить меня въ тайны Святой Ночи. Но онъ, мягко и ласково, какъ

отецъ отклоняетъ преждевременныя желанія своихъ дѣтей, отклонилъ мои просьбы, но успокоилъ смущенное сердце, утѣшивъ надеждой: день посвященія укажетъ сама богиня... Люцій терпѣливо ждалъ, продолжая служеніе Изидѣ. Наконецъ, однажды старецъ, встрѣтивъ его, сказалъ: «Радость, радость, Люцій! Великая богиня благосклонна къ тебѣ. День, о которомъ ты молилъ, теперь наступаетъ». «И старецъ, продолжаетъ Люцій, возложивъ на меня правую руку, ведетъ въ храмъ, убранный по праздничному, и, принеся утреннюю жертву, износить изъ сокровеннаго мѣста въ святилищѣ свитки, написанные на невѣдомомъ языкѣ». Когда наступило должное время, жрецъ «въ сопровожденіи хора повелъ меня къ купели, и, помолившись о благословеніи, омылъ меня, отвелъ опять во храмъ и, поставивъ у подножія богини, повелѣлъ мнѣ поститься здѣсь десять дней, не вкушая вина и мяса. Когда я все исполнилъ съ усердіемъ, наступилъ желанный день... Со всѣхъ сторонъ стекались толпы посвященныхъ... Тогда жрецъ беретъ меня, покрытаго пеленами, за руку и ведетъ внутрь святилища». Къ несчастію, Люцій, связанный обѣтомъ молчанія, не раскрываетъ тайнъ посвященія, отказывается говорить подробнѣе и заключаетъ: «Я стоялъ у границъ Смерти, вступилъ на порогъ Прозерпины и, пройдя чрезъ всѣ стихіи, вновь возвратился. Въ полночной тьмѣ зрѣлъ Солнце въ яркихъ бѣлыхъ лучахъ. Предъ богами Высей и Безднъ предстоялъ лицомъ къ лицу и молился имъ, стоя вблизи». Вотъ и все, что онъ могъ сообщить непосвященнымъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа Люція интересно «благодареніе богинѣ». Онъ былъ поставленъ во храмъ предъ изображеніемъ Изиды, одѣтый въ роскошныя сіяющія одежды, въ драгоцѣнномъ плащѣ, держа въ

правой рукѣ пылающій факель, съ вѣнкомъ на головѣ, въ которомъ пальмовые листья воздымались, какъ лучи. Послѣ всѣхъ обрядовъ въ теченіе трехъ дней праздновался день «новаго рожденія». Люція мистической «трапезой» и другими актами изіакскаго ритуала.

Культъ Изиды не исчерпывался мистеріями избранныхъ, способныхъ обнять духомъ «созерцаніе дивныхъ». И самые смиренные люди находили въ немъ религію, утолявшую ихъ простое сердце. Религія Изиды плѣняла нѣжнымъ образомъ *человѣчной богини*, заступницы людей, съ материнской лаской склонившей къ міру свои взоры и сердце. Этому задушевному характеру и обязанъ культъ Изиды своимъ широкимъ распространеніемъ и вліяніемъ на древній культурный міръ. Было бы несправедливостью видѣть популярность вѣры Изиды въ ея, какъ иногда указываютъ, «внѣшнихъ, лстящихъ грубымъ и низменнымъ инстинктамъ, обрядахъ и разныхъ эффектахъ, рассчитанныхъ на воображеніе». Вѣра Изиды устанавливала посты и покаяніе, проповѣдывала цѣломудренную жизнь, чистоту сердца, *человѣчность*. Изіаки отличались набожностью, видѣли въ земной жизни только подготовленіе къ загробной, арену очищенія, испытанія и подвига. Путь къ небу, по ихъ ученію, открываютъ не магическія формулы, но только чистая жизнь и заслуги сердца. Изіаки, какъ и митраисты, назывались «воинами Божьими», боровшимися со зломъ міра. «Правдивые возлюблены богомъ... Приноси жертву правдой (жизни)... Познаніе Бога—познаніе Истины... Истинная жертва—*сердце свѣта и правды*... Возвышаться съ каждымъ днемъ въ правдѣ и мудрости—вотъ что повелѣваетъ Богиня *искать у нея*»,—таковы заповѣди изіаковъ. Несом-

мнѣнно, только *прекрасная душа* вѣры могла одинаково привлекать и высшихъ людей того времени, находившихъ въ ней отрадное разрѣшеніе своихъ философскихъ томленій и безпокойствъ возвышенной совѣсти, и «малыхъ сихъ», искавшихъ мира и утolenія своихъ печалей: сама испытывавшая всякую скорбь людскую, сострадательная Богиня утѣшала скорбящихъ,—«мистеріи, говоритъ Плутархъ, изображавшія Страданія (богини), были урокомъ состраданія и утѣшенія для мужей и женъ, которымъ суждены испытанія». Въ образѣ Изиды, Жены—Сестры Озириса, скорбящей въ поискахъ возлюбленнаго Жениха и Бога, вновь призывающей его къ жизни, выразилась древняя идея вѣчной женственности, привлекающей къ землѣ и рождающей Божественную Жизнь и Любовь. Изиды, какъ и вавилонская Иштаръ, одѣта «семью эфирными одеждами», сферами семи планетъ. Въ египетско-халдейской магіи Изиды—Уранія изсбражалась въ видѣ жены, сидящей въ центрѣ сіяющаго солнца, 12 звѣздъ вокругъ чела ея, и ноги покоятся на лунѣ. Какъ ведійская Адити (Безконечность), вѣчная мать боговъ, Заря (бытія), приносящая свѣтъ, солнце и жизнь, Изиды—творческая Природа, осѣненная божествомъ, рождающая для міра *явленіе Бога*. Въ Изеумахъ, храмахъ Изиды (отъ I до Р. Х. до IV по Р. Х.) статуи богини представляли прекрасную жену или съ «крестомъ жизни» въ опущенной рукѣ, или «фіаломъ жизни», иногда съ короной на головѣ, иногда съ младенцемъ—Хоромъ на колѣняхъ. Предъ статуями Изиды, носившей болѣе роскошныя украшенія и одежды, чѣмъ мадонны католическихъ странъ, совершались «служенія» три раза въ день: утромъ, днемъ и вечеромъ, при чемъ особенной торжествен-

ностью отличался церемоніаль одѣванія богини, — обрядъ, несмотря на всю наивность, трогательный какъ выраженіе чисто дѣтской любви. Кромѣ публичныхъ служеній и религиозныхъ процессій, были тайныя, къ которымъ допускались только посвященные, связанные обѣтомъ молчанія. Интересенъ символическій обрядъ «пробужденія богини», молитвенное призываніе ея вниманія и милости къ міру. «Отверзаніе вратъ», открытіе завѣсы, скрывавшей статую Изиды, сопровождалось гимнами, звучавшими нѣжной любовью. Жрецы орошали молящихся «священной водой», возжигали «священный огонь», въ храмахъ курились ароматныя куренья. На фрескѣ, найденной въ Геркуланумѣ, изображенъ жрецъ, который, стоя предъ молящимися на возвышеніи, возноситъ чашу, вѣроятно съ «божественной» нильской водой, символомъ Озириса. Омовеніе означало «смерть для земного, тлѣннаго міра и возрожденіе къ бессмертной жизни». Очень трогателенъ въ мистеріяхъ «плачъ Изиды», «потрясавшей стенаньями небо и адъ»: «Будемъ плакать, будемъ печалиться, возрыдаемъ о немъ, покинутомъ. Плачу и рыдаю о тебѣ, ѣ сестра твоя съ умершимъ сердцемъ, жена твоя, больная отъ скорби» и т. д. Гимны Озирису, воскресшему, звучали очень торжественно: «Небо соединяется съ землей! радость небесная на землѣ! богъ грядетъ! воздайте славу!...» Обязанностью жрецовъ, кромѣ службъ, было «изучать, размышлять, учить божественнымъ вещамъ». Многіе обряды изіаковъ подали поводъ къ удивленію Тертулліана: «не подражаютъли дьяволъ въ этихъ идольскихъ мистеріяхъ божественнымъ предметамъ вѣры?» Интересно замѣтить, что память объ Изидѣ сохранилась въ нашихъ име-

нахъ Исидора, Серапіона, какъ о Митрѣ въ Митрофанѣ и Митродорѣ.

Божествомъ мистерій былъ Озирисъ, «великій богъ, вышній отецъ боговъ», «Телець жертвы», «надежда безсмертія», «Царь Человѣческой и Господь вѣчности», «сынъ Неба и Земли», «Сердце молитвы», и въ образѣ позднѣйшаго Сераписа (Озирисъ—Аписъ) «царь плодородной Матери-Земли и царства мертвыхъ», «Жизнь (вѣчное рожденіе) и Смерть (вѣчное обновленіе)». «Ты—отецъ мой и мать моя, поютъ посвященные, я живу духомъ устъ твоихъ, питаюсь твоей плотью... Свѣтъ съ Востока! ты наполняешь землю своей красотой. Ты далекъ, но свѣтъ твой на землѣ... Ты Ра (творецъ), ты (все) соединяешь узами любви... Ты въ сердцѣ моемъ»... «Озирисъ—надежда твоя, говорятъ эпитафіи изіаковъ, да подасть Озирисъ твоей жаждущей душѣ Воды Утоленія!» Озирисъ является въ загробномъ Судѣ «нелицепріятнымъ Судіею», и «поставитъ праведныхъ по правую руку». Безгрѣшные вселятся въ лоно Озириса. «Страсти Озириса», или «Святая Ночь», мистическая драма смерти и возрожденія, представлялась въ Серапеумахъ и Изеумахъ «въ теченіе 12 часовъ дня и 12 ночи». Самые важные праздники справлялись осенью и весной. Философія мистерій учитъ, что Зло (Сеть-Тифонъ) побѣждаетъ Свѣтъ и Добро (Озириса), великое цѣлое разсѣиваетъ на «мельчайшія частички» добра въ мірѣ. Небесная Жена и всемірная Мать (Изида), страстною волей тоскующей любви *изъ глубины сердца* почерпаетъ *мудрость*, спасающую погибшаго бога. Долгъ мистовъ, «Божьихъ воиновъ», бороться за Свѣтъ и Добро противъ Тьмы и Зла. День посвященія былъ днемъ рожденія «въ истинную жизнь», *natalem sacrorum*. «Душа, говоритъ Плутархъ, увидитъ и

услышать въ минуту смерти то, что посвященный видитъ въ мистеріяхъ. Умереть—значить быть приобщеннымъ. Сначала блужданія, не ведущія къ цѣли, безпокойство исканій среди мрака, потомъ ужась и трепеть, хладъ, содроганіе и страхъ. И вотъ,—чудесный Свѣтъ блеснитъ очамъ, вступаешь въ Мѣсто Чистоты, въ Долину, гдѣ священныя слова, божественныя видѣнія возбуждаютъ набожное благоговѣніе». Праведные, имена которыхъ «записаны въ книгѣ жизни», по смерти «восуществятся въ Озирисѣ, въ лонѣ Вѣчнаго Солнца». Символомъ «будущей славы» было одѣваніе посвященнаго въ сіяющія одежды, съ лучистымъ вѣнцомъ на головѣ, «облаченіе въ Солнце», въ образъ торжествующаго надъ ночью и смертью «Восходящаго Солнца». Мѣсты переносили все свое счастье въ лучшую, загробную жизнь: «богъ—твое безсмертное сокровище». Посвященные «обладали богомъ», проникались «божественной сущностью» и по смерти «вселялись въ вѣчную жизнь».

Въ нѣкоторой связи съ позднѣйшимъ культомъ Изиды (II—III в. по Р. Х.) стоялъ Герметизмъ. Философія герметистовъ, «сыновъ звѣздъ»,—философія «Слова—Свѣта», «Сына Божьяго», «Глагола Творенія и Воскресенія», связанная съ именемъ Трисмегиста, Гермеса Триждывеликаго, вращалась въ кругу идей александрійской эллино-іудейской школы, сохраняя въ то же время слѣды древняго египетскаго мистицизма. Герметизмъ, по крайней мѣрѣ, въ той обработкѣ, въ которой дошелъ до насъ, относится къ эпохѣ ранняго христіанства. Интересная картина развитія новыхъ, внѣхристіанскихъ ученій христіанской эры теперь уже не можетъ быть восстановлена во всей полнотѣ. При современныхъ научныхъ дан-

ныхъ нѣтъ возможности выяснить, являются ли несомнѣнные «христіанскіе элементы» въ герметизмѣ отзвуками борьбы и взаимныхъ вліяній греческаго, іудейскаго и христіанскаго міросозерцаній, или же въ нихъ отразилось ученіе гностиковъ, идейная связь съ которыми у герметистовъ несомнѣнна, если только и самъ Герметизмъ не входилъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части, въ Гнозисъ. Гермесъ говоритъ о мудрости (гнозисѣ) и Божественномъ созерцаніи обычными словами гностиковъ: «Гнозисъ (мудрость)— высшая добродѣтель души; достигшій мудрости становится благъ, святъ и даже божественъ... Гнозисъ— созерцаніе, глубокое молчаніе, покой плотскихъ чувствъ; достигшій (созерцанія) не можетъ ни думать ни о чемъ другомъ, ни смотрѣть на что иное, ни даже двигать своимъ тѣломъ. Свѣтъ, обнявшій его мысль и всю душу, вырываетъ изъ оковъ плоти и возноситъ въ сущность Божества»...

Особенность герметизма составляетъ ученіе о *Божественномъ Логосѣ*, благодаря чему Гермесъ, на ряду съ Сивиллами, сталъ въ глазахъ нѣкоторыхъ христіанъ пророкомъ грядущаго христіанства: «Гермесъ, гсворилъ Лактанцій, открылъ Богъ вѣсть какимъ чудомъ почти всю истину». Герметическіе фрагменты были извѣстны въ давнее время, и эти таинственные изреченія, нерѣдко глубоко загадочныя, всегда привлекали философствующую мысль. Въ литературѣ встрѣчаются неожиданные, но несомнѣнные отзвуки герметизма; знаменитая формула Гермеса: «внѣшнее подобно внутреннему, малое великому; единъ законъ и единъ Дѣйствующій; въ гармоніи міра нѣтъ ни великаго, ни малаго» довольно ясно слышится у Гёте: «nichts ist drinnen, nichts ist draussen, denn was innen, das ist aussen», и въ этомъ блестящемъ,

но едва ли не еретическомъ парадоксѣ среднихъ вѣковъ: «*Diabolus est deus inversus*». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ большинствѣ герметическихъ писаній рѣчь идетъ не о подобіи «верхнихъ и нижнихъ», но полномъ и безконечномъ контрастѣ межъ Богомъ и землей, Небомъ и человѣкомъ, добромъ и зломъ: «Ничего (нѣтъ) добраго на землѣ, злого въ небесахъ. Богъ благъ, человѣкъ золь. Нѣтъ свободы на землѣ, рабства на небѣ. Безсмертное ничего не принимаетъ отъ смертнаго, но смертное отъ безсмертнаго, земное неразумно, небесное духовно. Богъ—неизмѣнное Благо, человѣкъ—неизмѣнное зло»... Нерѣдкія противорѣчія объясняются разнородностью источниковъ герметизма, на что указываютъ, между прочимъ, иногда мелькающія отрывочныя идеи, безъ всякой связи съ общимъ ученіемъ, какъ будто отголоски какой-то недошедшей до насъ, вымершей философіи,—напримѣръ, на вопросъ Тата, сына Гермеса: «о, мой отецъ, есть ли красота внѣ Красоты и Блага!» отецъ отвѣчаетъ: «одинъ Богъ, о мой сынъ, или же нѣчто болѣе великое,—*Имя Божіе*»...

Связь съ христіанскимъ гнозисомъ сказывается въ ученіи о «Сынѣ Божіемъ—Единомъ (Истинномъ) Человѣкѣ». Вполнѣ гностическая мысль слышится въ этихъ рѣчахъ: «Былъ Свѣтъ (Духовный) предъ Свѣтомъ (Духовнымъ) и былъ вѣченъ свѣтъ Разума отъ Разума (или Духа отъ Духа), и (ихъ) единое дыханіе облекало вселенную. Безъ Него (нѣтъ) ни Бога, ни ангеловъ, ни иного существа, ибо Онъ владыка всѣхъ вещей, Отецъ и Богъ, все отъ него и въ немъ. Глаголь Истинный, творецъ и создатель, нисходя въ утробы природы и воды рожденій, сотворилъ влагу рождающей»... Тотъ же гнозисъ съ своей обычною темнотою явенъ и въ «видѣніи Гермеса»: «И я услышалъ, что

необъятное существо, безъ вида и мѣры, назвало меня по имени и сказало: что ты хочешь видѣть и слышать и познать?—Кто же ты? сказалъ я. Я, отвѣчалъ онъ, Помандресь (Пастырь челоуѣковъ), Разумъ Вышній (Владычній)... И тогда все прониклось сладкимъ свѣтомъ, и все восхищало мой взоръ». Затѣмъ, въ видѣнїяхъ прошлаго, Гермесь видѣлъ неустроенную матерїю, тьму и хаосъ, и въ немъ услышалъ «въ нѣкоемъ пламени» непонятный кликъ, казавшїйся ему «голосомъ свѣта». Тогда онъ увидѣлъ «Святое Слово», ниспавшее изъ Пламени въ Хаосъ, и «Чистый Огнь, который вознесся изъ Водъ къ Высотамъ». И тогда Помандресь сказалъ Гермесу: «Сей свѣтъ есть Я, Духъ и Богъ твой. Слово Пламенное (Глаголь, Логось), отъ Разума исходящїй, есть Сынъ Божїй. Они не розны, ихъ жизнь едина»... Весь мїръ, по ученїю Гермеса, полонъ силъ Божїихъ, самая жизнь есть волненїе Божественнаго дыханїя въ хаотической матерїи. «Богъ—Все во всемъ, и въ Немъ всѣ силы (мїра)... Владыка вселенной, создатель и отецъ, единъ во всемъ... Сила Божья—вѣчность, творенїе вѣчности—мїръ, не въ единый разъ созданный, но *вѣчно творимый вѣчностью*... Проникая матерїю, Вѣчное даетъ ей безсмертїе и жизнь... Все въ Богѣ, но не какъ въ *мѣстѣ* (пространствѣ), ибо оно тѣлесно и неподвижно; Онъ все облакаетъ, и нѣтъ ничего болѣе вмѣщающаго, скорого и сильнаго, какъ Духовное... Матерїя внѣ Бога, если ты приписываешь Ему мѣсто, но она—неподвижный хаосъ, и только силы Божїи приводятъ ее въ дѣйствиѣ. Отъ Него живое имѣетъ жизнь, безсмертное безсмертїе. Ни силъ, ни пространства, ни жизни, ни времени нѣтъ внѣ Бога, ибо Онъ есть Все, и все—въ Немъ»... Въ этой постоянной мысли Гермеса: «Всякая вещь есть частица Божества, ибо

Богъ есть все; творя (міръ), онъ являетъ себя», не слѣдуетъ видѣть пантеистическаго матеріализма: мысля *единое начало* бытія въ Богѣ, нужно признать всякое другое начало (матерію) производнымъ, но все созданное Богомъ несетъ въ себѣ *богоданную* сущность, какова бы она ни была, есть все же нѣчто *богорожденное*. Въ Божествѣ нѣтъ границъ межъ творчествомъ и творимымъ, и «міръ лежитъ въ Богѣ», потому что есть ставшая жизнью идея Бога. Наряду съ ученіемъ о Богѣ, какъ безконечномъ Добрѣ: «человѣкъ не можетъ жить безъ жизни, Богъ не можетъ жить не дѣлая добра», у Гермеса проходитъ идея недоступности самого Божества: «Наши земныя очи не могутъ созерцать красоту Чистаго Несбѣятнаго Блага». Въ философіи спасенія Гермесь принимаетъ древнее ученіе о тайно-божественной сущности души, затемненной стихійнымъ міровымъ зломъ. Въ кругу герметическихъ идей, нерѣдко очень возвышенныхъ, встрѣчаются всѣ важнѣйшія идеи современной мистической философіи: божественнаго Всеединства, богосыновняго достоинства людей, богочеловѣчества, обожествленнаго человѣка. Міръ—созданіе предвѣчной Премудрости, той «Ссфіи, Премудрости Божьей», вѣрнымъ рыцаремъ которой былъ Вл. Соловьевъ. Въ мукахъ міроваго Хаоса Гермесь слышитъ «стонъ по свѣту», невыразимыя мольбы о помощи,—стихійный міръ зоветъ своего Бога, тоскуетъ по немъ и въ отвѣтъ «слышится голосъ Свѣта, Слово—Свѣтъ (Логось)». Душа, «созданная изъ жизни и свѣта», поработившись плотской жизни, погибаетъ для вѣчности, освобожденная мудростью (гнозисомъ) входитъ въ Божественное, какъ просвѣтленная райская сущность. «Люди смертныя боги, боги бессмертныя люди... Земля полна зла, но не *Вселенная*, какъ гово-

рять богохульники... То, что видитъ въ тебѣ, дѣйствуетъ, слышитъ, есть само Слово, святой Огнь, творщій Гласъ... Если ты *погребешь* свою душу въ плоти, что въ тебѣ общаго съ Богомъ? Если ты рабъ тѣла и золь, что постигнешь въ мірѣ Прекрасномъ и Добромъ?.. Желаніе, надежда и мудрость—прямой путь къ Добру. Идя этимъ путемъ, ты всюду встрѣтишь Бога, бодрствуя и во снѣ, на морѣ и въ дорогѣ, ночью и днемъ, во всякомъ мѣстѣ, въ каждое время, и даже тамъ, гдѣ не ждешь Его, ибо нѣтъ ничего, въ чемъ не было бы образа Божьяго... Не говори: Богъ невидимъ; кто болѣе явенъ, чѣмъ Онъ?—какъ Разумъ виденъ въ мысли, такъ Богъ въ твореніи... Невѣдѣніе, скорбь, несправедливость, жадность, гнѣвъ, зависть, злоба, заблужденіе, невѣріе—вотъ узы плоти (матеріальной стихіи)... Душа, закутанная страстями, рабыня тѣла и несетъ его иго, служить, а не царить. Злая душа не вкуситъ безсмертія, не *приобщится Богу*; она возвратится вспять и низойдетъ до пресмыкающихся... Куда спѣшите вы, опьяненные, упившіеся виномъ невѣдѣнія? Отрезвитесь, откройте очи сердца, ибо *Безуміе изнурило міръ*, губитъ души, заключенныя въ тѣлѣ, не пускаетъ къ дверямъ Спасенія. Спасайтесь отъ потопа, бѣгите къ вратамъ Спасенія, вратамъ Гнозиса (Мудрости), гдѣ Свѣтъ свѣтитъ, въ коемъ нѣтъ тьмы... Сявлеки одежды, одѣяныя безуміемъ, эти цѣпи грѣха, одежды зла, живую смерть, чувствующій трупъ, могилу твою, врага въ любви, друга въ ненависти... Возвеличь Бога единственнымъ культомъ, который Ему долѣтъ,—не будь порочень... Милосердіе и мудрость—путь къ Богу... Душа людей, живущихъ плотскою жизнью, сама становится тяжелою, грубою, плотской и навсегда лишится созерцанія Красоты и

Добра»... Конечная цѣль герметической мудрости— «рожденіе въ Богѣ», новое рожденіе изъ нѣдръ этого темнаго міра въ міръ Свѣта, вѣчности, Бога. «Любовь и забвеніе всякаго зла даютъ силу душѣ соединиться съ Богомъ. Жизнь милосердаго будетъ чиста, смерть прекрасна, душа воспарить... Усыпи плотскія чувства, и ты родишься въ Богѣ»... Возрожденный, воскресшій изъ этой земной могилы въ радость и свѣтъ вѣчнаго міра, облегченно вздыхаетъ въ чистой атмосферѣ Чуднаго бытія, полнаго Богомъ, любовью, вѣчнымъ покоемъ: *«Я изшелъ изъ себя, одѣлся въ тѣло безсмертія, я не прежній, родился въ Духъ»*... Душа спасеннаго, проносясь по смерти чрезъ семь зонъ вселенной и въ каждой отдавая послѣдніе остатки своего земнаго, хотя бы и безгрѣшнаго, но все же низшаго и грубаго, съ восьмого круга слышитъ блаженные гимны Силъ Божьихъ, слышитъ зовъ любви своего Отца и Бога и, возносясь къ Нему, входитъ въ Чудный Покой и Радость.

Въ книгахъ имени Гермеса разбросано не мало идей, замѣчательно глубокихъ, особенно въ области психологіи. «Душа живетъ своей независимой жизнью въ идеальномъ мірѣ... Она придаетъ существу *движеніе, аналогичное ея (собственной) идея: усвоеніе другихъ вещей по своей природѣ*... Есть два рода жизненнаго движенія (въ человѣкѣ): согласно сущности души и согласно природѣ тѣла; первое свободно, второе подчинено закону необходимости... Въ мірѣ ничто не умираетъ, но все составленное раздѣляется; раздѣленіе не смерть, но разложеніе состава, и цѣль его *возобновленіе*, а не разрушеніе... Владыка (творецъ міра),—говоритъ Изиды своему сыну Хоросу,—возсѣдая на тронѣ Истины, сказалъ (душамъ): о, души, вами будутъ править *Желаніе и Нужда*»...

Апокалипсическія идеи Гермеса полны мрака и тоски: «И возскорбятъ въ мірѣ о живущихъ и возрадуются за умершихъ. Грады и селы погибнуть отъ огня и меча, отъ чумы и голода, землетрясеній. Земля, изнуренная хладомъ и зноемъ, перестанетъ рождать, воды въ кровь обратятся, дряхль станетъ міръ, наступитъ конецъ свѣта»... Представленія о загробномъ мірѣ сходны въ общемъ съ вавилоно-персидскими и воззрѣніями Каббалы, египетскихъ маговъ и Халдеи. Семь Духовъ, властителей семи сферъ, олицетворяются въ небесныхъ свѣтилахъ: Меркуріи, водителѣ душъ по тайнымъ загробнымъ путямъ; Венерѣ, богинѣ красоты, съ «зерцаломъ Любви» въ рукахъ, въ которомъ души вновь узнаютъ свой «небесный ликъ», свою забытую чистую идею въ *Богѣ*; Сатурнѣ, «Вѣчномъ Старцѣ», который держитъ «всемирный глобусъ» съ предначертаніями божественной премудрости; Юпитерѣ, со «скиптромъ Власти» въ рукахъ; Марсѣ, простершемъ надъ міромъ «Мечъ Суда и Гнѣва»; Лунѣ, въ своемъ нѣжномъ таинственномъ свѣтѣ убаюкивающей души въ волнахъ забвенья; Солнцѣ, мистическомъ «Свѣтѣ и Пламени», символѣ Вѣчнаго Солнца. И за всей этой сотворенной безконечностью простирается иная, Духовная Безконечность,—міръ *Жизни Божьей*, дивный и тайный, и всѣ семь сферъ, сладко содрогаясь, ликують въ «гласахъ восторга»: премудрость! правда! любовь! красота! истина! безсмертіе! благо! Тамъ, сладко держащая въ потокахъ любви и свѣта, душа упокоится въ вѣчномъ свѣтломъ упокоеніи... Великъ *Истинный Богъ*, «и мысль не обниметъ Его, и слово не скажетъ о Немъ. Безплотный, незримый, неподобный, непостижимъ для чувствъ; вѣчный, неизмѣримъ въ законахъ времени,—неуловимъ Богъ. Немногіе избранные, воз-

вышаясь надъ чувственнымъ міромъ, касаются немногихъ лучей Его славы, но и они не находятъ словъ,—нѣтъ, не можетъ грубый языкъ повѣдать о томъ *Безвидномъ Видѣніи*, которое ужасно, и дивно, и сладко... Вотъ почему «въ безмолвіе одѣта совершенная мудрость», она далека, непостижна для смертныхъ, которые не прошли чрезъ таинства мистерій, «есть безуміе въ ихъ очахъ». Ученіе Гермеса хранилось въ тайнѣ отъ непосвященныхъ: «Раскрывай Истину только посвященнымъ и по мѣрѣ ихъ разумѣнія; предъ слабыми облакай покрывами и скрывай предъ безумцами, которые могутъ уловить лишь отрывки». Только тотъ, кто чистъ и непороченъ, въ таинствахъ мистерій пріобрѣлъ небесный строй духа, прозрѣваетъ въ мірѣ Безсмертія, и въ своей «обожевленной» душѣ несетъ новую, вѣчную жизнь.

РЕЛИГИЯ ЗОРОАСТРА.

Заратуштра, пророкъ, родившійся при тайныхъ знаменіяхъ, «сладко смѣялся, исходя изъ утробы матери». Рожденіе пророка праздновалъ весь міръ: «радовались воды и растенія, ликовали небеса: счастье міру! рождень Заратуштра, святой!» Но увы, «смѣющийся мудрецъ», плѣнившій воображеніе Ницше, смѣялся только при рожденіи; вся жизнь его была полна несчастій, а общій видъ бѣдственной доли людей угнеталъ печальными думами. Заратуштра, отдалясь отъ міра, живя въ уединеніи «ради близости къ Богу», выступилъ на поприще пророка тридцати лѣтъ и умеръ на семьдесятъ восьмомъ, въ 583 г. до Р. Х., убитый въ войнѣ съ Туранцами. При чудесныхъ знаменіяхъ на уединенной горѣ пророкъ полу-

чиль отъ Аура-Мазды (Ормузда) откровеніе «Святаго Ученія»: «Какъ даръ отдалъ Заратуштра, возвышенный, жизнь, духъ свой, и мысль, отдалъ Маздѣ святаго дѣла свои, высокую рѣчь, смиреніе и покорность». И Богъ сказалъ ему: «Вопрошай меня, о чистый, вопрошай меня, Творца и Свидѣтеля Вѣчнаго». Услышанное пророкъ записалъ въ Авестѣ (Словѣ Жизни), «написанной на кожахъ крѣпкихъ чистымъ золотомъ». Сатана Авестійской религіи Ангра Манью (Ариманъ) искушалъ пророка: «отрекись отъ Закона Мазды, и дамъ тебѣ милости щедрыя, великія», но непреклонный пророкъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, не измѣню благимъ завѣтамъ Мазды, если и душу изъ меня вырвуть, и кости изсохнутъ, Закона не прокляну». Нѣкогда славная религія Заратустры имѣетъ теперь сравнительно небольшое число послѣдователей, но это увяданіе, обязанное упадку Персидскаго царства, искупилось тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое маздеизмъ оказалъ на другія восточныя религіи. Въ глазахъ вѣрующихъ Заратуштра былъ святымъ, почти божествомъ, и теперь на небесахъ онъ также сострадательнъ къ людямъ, какъ прежде на землѣ, всегда скоръ на помощь. Нынѣшніе парсы молятся ему: «Заратуштру чтимъ, всего тѣлеснаго міра владыку, Учителя, мудрѣйшаго всѣхъ, царственнаго, свѣтлаго, достойнаго, призываемъ, славословимъ, чтимъ». Религія Заратустры сохранилась въ письменныхъ памятникахъ. «Духъ Добрый, повѣствуетъ древнее сказаніе Авесты, сказалъ Духу Злому: вѣчно будутъ враждебны наши помыслы, и ученія во имя твое и мое, и познанія, и вѣры, слова и дѣла, и Мой духъ нетвой». И создали одинъ добро, другой зло, одинъ жизнь, другой смерть, и Духъ Святой избралъ обителю Правду, а Злой—Ложь». Отнынѣ Ормуздъ

борется съ Ариманомъ и «Зурвангъ (*Время Безконечное*), есть Мечъ Ахуры, которымъ постычетъ все, достойное гибели». Небеснаго Творца окружаютъ Амеша-Спенты, «бѣлые и свѣтлые, прекрасные, Святые Безсмертные, въ духѣ ихъ—Слово Святое, съ очами добрыми, скорые въ помощи, безстрашные, безболѣзненные, вѣрные Господу, могучіе,—всѣ Семь съ единою мыслью, словомъ и духомъ, едины въ Отцѣ». Они рождены «вѣчной сущностью» Ахуры, «имена ихъ: Благая Мысль, Великая Правда, благое Царствіе, Святая Вѣра, Святыня, Безсмертіе и великое Сраоша, Добро Добрѣйшее». Небеса Ахуры полны ангельскихъ ликовъ, «имена ихъ: огонь, вода, правда, мудрость, добро, миръ, побѣда, разумъ, благословеніе, справедливость» и т. д. Противъ царства Бога-Свѣта стоитъ вѣчный врагъ Свѣта, царь тьмы, Ангра Манью, злобный духъ мрака и смерти, создатель всѣхъ грѣховъ, мукъ и страданій, всѣхъ тяготъ людской жизни. Высшіе изъ злыхъ духовъ, воиновъ Аримана, «Друджъ—Великая Ложь, Зло, Преступленіе, Великая Блудница, Демонъ Нечистый, Змій, демоны-чудовища», воины зла называются: «гордость, соблазнъ, развратъ, старость, роскошь, зависть, жадность, раздоръ, недугъ, буря, хладъ, злое око» и т. д. Когда Ангра-Манью, «смерть несущій, низвергшійся въ міръ съ дальнихъ Сѣверовъ», видя бесплодность своихъ попытокъ соблазнить Заратуштру, спросилъ его, какъ онъ будетъ бороться съ нимъ: «Словомъ ли поразишь? Изгонишь ли Словомъ? И добрыя созданія Мазды какимъ мечомъ побѣдятъ моихъ?» Заратуштра отвѣтилъ: «Слово отъ духа Мазды, — вотъ мечъ мой, Словомъ поборю тебя» (не преобладающей естественно силой Божества, но нравственной побѣдой правды). И Зара-

туштра, «священный Огнь хранящій, Господу поющій», принеси людямъ «благой Законъ Мазды», и всѣ, у кого въ душѣ есть хоть капля чистыхъ чувствъ, «возрадуются ихъ небесному свѣту, святости, благу». Гимны Заратуштры дышатъ теплымъ благочестіемъ. «Возвѣсти мнѣ имя твое Святѣйшее, о Маза Ахура, имя сокровенное, дивное, самое прекрасное, имя побѣды и цѣленія. (И отвѣчалъ Маза:) Хранитель я и Творецъ, все въ десницѣ держу, и вѣдаю все, я Духъ во Святыхъ Святѣйшій... Ты узришь мою благость, Дающій дасть тебѣ силу»... Всѣ, живущіе здѣсь по слову Божію, составляютъ земное воинство Небеснаго Царя въ его борьбѣ съ Тьмою, могущественно вооруженной въ лицѣ злыхъ людей, злой судьбы, болѣзней, страданій, грѣха. Религіозный смыслъ борьбы съ земнымъ зломъ придаетъ нравственной жизни радостную, священную значительность. «Тебя, Тебя единаго ищутъ взоры души моей... Боже, пока пребуду въ жизни, буду возвѣщать твою правду, чтобы утолились сердца жаждущихъ вѣры... Внемлите, близкіе и далекіе, алчущіе спасенія. Уготовьте Творцу свершеніе воли его, царство блгой мысли, блгого слова, блгого дѣла... О, человекъ, такъ повелѣлъ Маза Ахура: не отклонись отъ стези правды, не грѣши, мыслей зла не держи въ сердцѣ... Свѣтла душа въ томъ, кто чистъ мыслью, словомъ, дѣлами... Славьте Ахура Мазду, чистаго Бога чистыхъ... Кто помогаетъ бѣднымъ, создаетъ царство Ауры... Какая вѣра высшая? Та, которая распространяетъ на землѣ правду и святость, добрыя мысли, слова и дѣла... Молю, да снизойдетъ Благое Слово, Благая Мысль, Благое Дѣло въ мою мысль, слово и дѣло. Восхваляю вѣру Мазды, смиряющаго вражду, низлагающаго оружіе злыхъ». Символъ вѣры

современныхъ парсовъ, сохранившихъ религію Заратуштры, даетъ краткій очеркъ всего ученія: «Вѣрую въ Единаго Бога, создавшаго міръ земной и небесный. Богъ есть Духъ, и нѣтъ подобнаго ему. Не можетъ умъ постичь Его славу, нельзя повѣдать о ней на языкѣ человѣческомъ. Всѣ имена Бога выражаютъ только Его благія дѣла. Заратуштра, Божій пророкъ, изнесъ намъ нашу вѣру отъ Бога. Онъ повелѣлъ намъ бѣжать отъ злыхъ дѣлъ, дѣлать добро, молиться, имѣть надежду свою въ Небесахъ и страшиться ада, помня, что въ день четвертый по смерти ждетъ Судъ. Вѣрять въ грядущее очищеніе душъ муками. Не грѣшить въ надеждѣ на милость Пророка, ибо онъ самъ сказалъ: каждый получить то, что заслужитъ своими дѣлами. Быть добрымъ, щедрымъ и милостивымъ, всѣмъ желая добра. Имѣть рѣчь кроткую, чистое сердце, безгнѣвное, терпѣливое, ищущее правды и мудрости, довольствоваться своею судьбой, уважать старость и дѣтство, любить родителей, имѣть набожность и стыдъ. Знать, что губить человѣка ложь, воровство, похоть, сладострастіе, измѣна, гнѣвъ, вражда, гордость, тунеядство, праздность, жадность, клевета, непочтеніе къ старцамъ, безстыдство, месть, зависть, суевѣріе и всѣ нечестивыя дѣла». Очень трогательны парсійскія молитвы за грѣшныхъ: «Кара ждетъ нечестивыхъ за злыя слова, мысли, дѣла. О, если бъ они познали стремленіе къ правдѣ. О, Ормуздъ, даруй имъ желаніе мѹдрости, да пойдутъ и они святымъ путемъ, помощи грѣшнымъ стать праведными». Авестическое ученіе о спасеніи требуетъ нравственной чистоты и жаркой искренней совѣсти. Вся задача религіи—совершенствованіе людей: «Священникъ тотъ, кто всю жизнь проводитъ, насаждая на свѣтѣ праведность». Вѣра, молитва,

чистая совѣсть, любовь создаютъ на землѣ тихое Божіе царство, юдоль плача и грѣха преобразуютъ въ свѣтлую обитель мира и правды. «Если я словомъ или дѣломъ, вольно или невольно нарушилъ завѣтъ Твой, прогнѣвалъ Тебя, молю, прости меня... Свята молитва, въ ней радость. Кто молится, у того чистая совѣсть. Въ молитвѣ западаетъ въ душу доброе сѣмя, и дастъ плоды... Да будетъ миръ въ каждой семьѣ, великодушіе отцовъ, повиновеніе дѣтей, правда, благочестіе. Да не будетъ жестокости, непослушанія, вражды, неправды, лжи и грѣха... Женихи и невѣсты, мужья и жены, живите однимъ сердцемъ, живите въ правдѣ, непорочно, и счастье будетъ съ вами...» Путь вѣры требуетъ многихъ подвиговъ, постоянной борьбы со зломъ, прежде всего въ самомъ себѣ, сильной нравственной воли: «Святой путь, ведущій въ царство Свѣта, блеститъ какъ алмазъ, но узокъ какъ остріе меча». Интересно въ религіи Авесты отношеніе къ чуду и чудесной помощи, принятое и въ современномъ парсизмѣ: «Кто совершаетъ то, чему учу, совершаетъ великое чудо; Богъ сказалъ мнѣ: если царь потребуетъ знаменій, скажи: читай Авесту; писаніе, которое предъ тобой, есть Божіе чудо».

Въ маздеизмѣ и современномъ парсизмѣ мистической силой тѣлесно-духовнаго общенія съ Небсѣмъ является «божественное Питіе Хаома». Тайнымъ, безглагольнымъ гласомъ своимъ Хаома нѣкогда возгласилъ къ Заратуштрѣ: «Я—Вѣрный, смерть устраняющей Хаома. Вознеси меня, уготовь къ питію человекамъ, воспой мнѣ хвалу, какъ воспоютъ и грядущіе спасители» (Хаома, 3, 6). У современныхъ парсовъ жертвы Хаомы совпадаютъ съ жертвами за мертвыхъ, «праздникомъ умершихъ», поминками;

приносимые дары: хлѣбъ, въ формѣ маленькихъ круглыхъ хлѣбцевъ, и Питіе Хаомы (виноградный сокъ), вкушаемые приносящими. Обрядъ очень старъ: о дарахъ-хлѣбахъ (дарунахъ, или драонахъ) говорится еще въ 10 и 13 Яснѣ и въ 5 Венд. Богослуженіе, Хаома, молитвы—все въ религиі Заратуштры имѣетъ свое спасительное значеніе, но безъ личнаго стремленія къ Богу, безъ чистоты сердца и праведной жизни бесплодна вѣра и тщетна молитва. Никакая таинственная сила не сниметъ грѣхохъ, только нравственный подвигъ, раскаяніе, навсегда исправляющее человѣка, обильные дѣла любви даютъ грѣшнику надежду на возможность спасенія. Самъ человѣкъ своею жизнью рѣшаетъ свою загробную участь: грѣша, онъ самъ подписываетъ себѣ приговоръ страданія, живя доброю безупречною жизнью, открываетъ врата небеснаго царства. Это ученіе съ большою силой выражено въ Яштѣ XXII: «Спросилъ Заратуштра Аура-Мазду: Аура, Духъ Святой, творецъ міра! Когда умираетъ праведникъ, гдѣ душа его? И сказалъ Аура: у изголовья одра возсѣдаетъ она, взывая о блаженствѣ: «блаженъ, блаженъ, кому даруетъ Аура вѣчную жизнь!» Въ ту ночь (и во вторую тоже, и въ третью) душа испытываетъ такое блаженство, въ которомъ вмѣщается блаженство всего міра. Въ третью ночь, на разсвѣтѣ, душа праведника несется надъ цвѣтами и фиміамами. Навстрѣчу ей дуетъ вѣтеръ тихій, благовонный. «Откуда тотъ вѣтеръ тихій, благовонный?» дивится душа. И съ вѣтромъ является ея Вѣра, въ тѣлѣ Дѣвы прекрасной, блистающей, величавой, свѣтлой ликомъ. И спроситъ душа: «Кто ты, о Дѣва, прекраснѣйшая изъ дѣвъ?» И Вѣра отвѣтитъ: «О, блаженъ ты, мыслившій доброе, творившій доброе, истинно вѣрившій. Я твоя

Вѣра и тебя люблю, ибо величіе, красоту, благо, которыми блистаю, ты мнѣ далъ. Меня, прекрасную, ты сдѣлалъ еще прекраснѣе, вождельннѣе—вожде-
лѣннѣе, вознесенную—выше вознесъ. Добрымъ серд-
цемъ, словомъ и дѣломъ сотворилъ». Тогда возно-
сится душа и вступаетъ въ Небо Святой Мысли,
возносится и входитъ въ Небо Святаго Слова, воз-
носится и входитъ въ Небо Святыхъ Дѣлъ, возно-
сится и входитъ въ Небо Вѣчнаго Свѣта... Спросилъ
Заратуштра: «когда умираетъ грѣшный, гдѣ въ ту
ночь душа его?» Отвѣчалъ Аура: «У изголовья, о За-
ратуштра праведный, шатается душа грѣшнаго, вопія:
куда пойду, гдѣ лежитъ мой путь? Въ ту ночь (и во
вторую, и въ третью) она испытываетъ такія муки,
сколько мукъ во всемъ мірѣ. На третью ночь на раз-
свѣтѣ несется она надъ Ужасомъ и Смердомъ вели-
кимъ. Навстрѣчу ей дуетъ вѣтеръ, сѣверный, не-
стерпимо смрадный. «Откуда несется вѣтеръ, морозный,
смрадный?» ужасается душа грѣшника. И является
Жена, женамъ не подобная, безобразная, нестерпимо
скверная. И говоритъ грѣшная душа: «кто ты,
Жена, нестерпимо скверная, безобразнѣйшая въ мірѣ?»
И слышитъ: «Я твоя Злая Жизнь, о грѣшникъ, мыс-
лившій злое, говорившій злое, дѣлавшій злое, съ ду-
шою злой. Я, бывшая безъ чести, тобою еще болѣе
обезчещена, бывшая презрѣнной, стала еще презрѣн-
нѣе, сидѣвшая на позорищѣ, еще ниже пала». Ша-
таясь, падаетъ душа и погружается въ адъ злыхъ
мыслей, падаетъ и погружается въ адъ злыхъ рѣчей,
падаетъ и погружается въ адъ злыхъ дѣлъ, падаетъ
и вступаетъ въ Безпредѣльную Тѣму».

Маздеическое ученіе о судьбахъ міра носитъ апо-
калипсическій, таинственный характеръ. О твореніи
міра Заратуштра рассказываетъ такъ: Предмірное

«существо міра»—нѣкій мистическій «Воль». Этотъ образъ «тельца, закланнаго прежде сложенія міра», былъ божественнымъ символомъ и въ позднѣйшемъ митраизмѣ. Изъ праваго плеча закланнаго, вышелъ Первочеловѣкъ, Мужъ-Жена, единое существо, вмѣщавшее женскую и мужскую природу, въ тѣлѣ четырехъ стихій: огня, воздуха, земли, воды. Вдохнулъ въ него Аура Мазда душу духовную и безсмертную, и волею Его стали двое: мужъ и жена. Обольщенные Ариманомъ, они впали въ грѣхи, и родъ человѣческой сталъ грѣшенъ, смертенъ и золь, но все же каждый человѣкъ несетъ въ себѣ душу, отъ вѣка созданную Богомъ, дыханіе отъ устъ Его, божественный огонь, небесную стихію. И каждый, ратуя за Добро, какъ вѣрный воинъ Мазды, въ борьбѣ съ Ангра Манью, очищается до конца и вселяется въ родныя небесныя обители. «Тѣло земное,—говоритъ Заратуштра,—растетъ въ утробѣ матери, душа небесная воплощается въ него и живетъ въ немъ, пока горитъ жизнь. Тѣло, умирая, смѣшивается съ прахомъ земли, душа духовная, если достойна, возвращается въ обитель Вѣчнаго Свѣта». Въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, въ началѣ cadaго тысячелѣтія, будетъ являться новый пророкъ, связанный съ Заратуштрой связью таинственного сыновства. Въ концѣ міра явится «Спаситель міра», чудесно рожденный Дѣвою, отъ «сѣмени Заратуштры», въ сущности самъ вновь воплощенный Пророкъ. «Могучій, вѣнчаный царственной славой, Побѣдоносецъ обновитъ міръ въ совершенствѣ... Грядущій пророкъ приведетъ міръ къ цѣли, освободитъ отъ старости и смерти, грѣха и гибели, да будетъ исполненъ вѣчной жизни, и мертвые возстанутъ, и живые облекутся въ безсмертіе. Ложь въ бездну свою возвратится,

погибнетъ злокозненный Врагъ (Ангра-Манью)... Когда Астватьереша выдетъ изъ водъ Кансавы, вѣрный Аура-Мазды, осіянный Побѣдой, онъ Друджь изгонитъ навѣки. Око свое преклонитъ, Мудрый, ко всѣмъ живущимъ, на всѣ созданія, на весь міръ воззритъ очами благословенія, и взоръ его дастъ безсмертіе всему тѣлесному міру». Тогда же близокъ конецъ свѣта и конечное воздаяніе. Но еще ранѣе послѣдняго Суда каждая душа будетъ по смерти судима и получить по своимъ дѣламъ. «Исполнятся желанія святыхъ, и обманутся въ своихъ надеждахъ грѣшныя. Безсмертны праведныя, а нечестивыя будутъ изгнаны Творцомъ... Вѣсы Божіи ни на волосъ не уклонятся въ угоду человѣку, одинаково взвѣшиваютъ и царей и властителей, и бѣдныхъ и нищихъ... Сказалъ Ахура Мазда: Когда протечетъ его время, и обрѣжутъ нить его жизни коварныя духи зла, и умретъ человѣкъ, тогда на третью ночь, только утро зардѣетъ, и заря утрення загорится, и Митра Бдящій, стражъ вселенной, взоидетъ изъ-за горъ, тогда девъ Визареша связуетъ узами и ведетъ душу злую, въ грѣхахъ живущую, къ Судному Мосту, Маздою перекинутому. Она пойдетъ путемъ, отъ вѣка содѣланнымъ, которымъ пойдутъ всѣ, и грѣшныя и праведныя... И потребуетъ отъ души отчета въ жизни и дѣлахъ Маидъ (Святая Сильная), и проводитъ Прекрасная душу праведника, поддерживая ее на страшномъ Мосту Судіи, ведетъ къ Святымъ Небесамъ... И возстанетъ во встрѣчу Вогу Мано (Любовь—Святая Премудрость) со своего златаго престола и скажетъ: Сюда пришелъ ты, о вѣрный, изъ жизни, полной страданій, къ жизни безпечальной. И введетъ душу праведника въ чертоги Аура-Мазды, предъ Престоль Его, въ рай, въ царство Божественнаго Свѣта».

Конецъ свѣта будетъ предвозвѣщенъ многими знаменіями, и будетъ «голодь и чума, и послѣдняя брань Аримана и его воинства». Великая тоска охватить землю, будетъ угрожать побѣда Друджи. Тогда-то и явится Спаситель и «пробудитъ «Тридцать Спящихъ», (безсмертныхъ 15 воиновъ-Мужей и 15 воиновъ-Женъ), которые почиваютъ, ожидая его». Солнце «остановится на тридцать дней и ночей и не подвинется на западѣ, и Воинъ Кересаспа убьетъ Друджъ, и будетъ въ мірѣ царствовать Царь Славы пятьдесятъ семь лѣтъ, и Спаситель будетъ его Первосвятителемъ». Когда, наконецъ, наступитъ кончина Міра, «всѣ люди возстанутъ, и святые и грѣшные, каждый воскреснетъ тамъ, гдѣ протекла его жизнь». Слыша это откровеніе отъ Аура-Мазды, Заратустра спросилъ: «изъ чего же возстанетъ тѣло,—изъ праха ли, вѣтромъ разнесеннаго, водами размытаго?» И Мазда отвѣтилъ: «Небо свѣтлое, воздушное я безъ опоръ раскинулъ, и землю простеръ, жизнь тѣлесную, солнце, мѣсяцъ и звѣзды изъ ничего создалъ, Моею силой сѣмя произрастаетъ, птицы и звѣри рождаются и живутъ. И если я несущее сдѣлалъ сущимъ, развѣ не могу прежде бывшее возстановить вновь? Земля отдастъ кости, воды, огонь, растенія возвратятъ человѣку его плоть». Всѣ воскреснутъ и «узнаютъ другъ друга: вотъ отецъ мой, вотъ братъ, жена, мать, вотъ близкіе и други. И каждый увидитъ свои добрыя и злыя дѣла. Не укроется злой, будетъ видимъ, какъ черная овца среди бѣлыхъ. И грѣшникъ восплачетъ предъ праведнымъ: о, зачѣмъ, когда вмѣстѣ были, добрымъ дѣламъ своимъ ты меня не научилъ?» *И стыдъ почувствуетъ каждый праведникъ, не потрудившійся здѣсь, чтобы спасти грѣшныхъ.* И тогда праведные отдѣлятся отъ злыхъ: праведные пойдутъ

въ рай, грѣшныя въ преисподнюю. Три дня и три ночи будутъ мучиться и будутъ видѣть, какъ праведные блаженствуютъ въ раю. Въ день, когда грѣшныя будутъ отдѣлены отъ праведныхъ, будетъ великій плачь. Восплачетъ братъ о братѣ, мужъ о женѣ, отецъ о сынѣ, праведные восплачутъ, взирая на грѣшныхъ, грѣшныя о себѣ восплачутъ. И тогда расплавятся металлы горъ, и потечетъ на землю огненная рѣка, и всѣ люди, и грѣшныя и праведныя, войдутъ въ нее и очистятся. Праведныя пройдутъ какъ чрезъ теплое молоко, а грѣшныя испытаютъ въ это краткое время такія муки, какъ будто цѣлую жизнь провели въ огнѣ. И тогда *святые падутъ предъ Богомъ, со слезами моля за грѣшныхъ*. И повелитъ Богъ всѣмъ прійти къ Купели Очищенія, и святымъ и грѣшнымъ. И всѣ обнимутъ другъ друга въ великой радости, отецъ и сынъ, братъ и сестра и другъ. И воспоютъ Богу пѣснь славы. И тогда Спаситель и воины его принесутъ жертву, зажавъ Тельца, Вѣчно Чистаго, и изъ плоти его и Чистаго Хаомы изготовятъ Питіе Жизни и дадутъ испить всѣмъ, и всѣ станутъ безсмертны навѣки. И повелитъ Аура-Мазда Спасителю воздать каждому по дѣламъ его, а бывшіе грѣшныя наги войдутъ, и принесутъ жертвы Маздѣ, и облечетъ ихъ въ одежды. Тогда поразитъ Аура-Мазда Ангра-Манью, а Силы Небесныя духовъ зла, и низвергнется Злой Духъ въ вѣчный мракъ и ужасъ. Змій сгоритъ въ расплавленномъ металлѣ, смрадномъ, губительномъ, и все нечистое, и самый адъ сгоритъ въ немъ. И станетъ Адъ землею новою, землею плодородною, чистой». Этотъ Змій, имѣвшій въ маздеизмѣ несущественное значеніе, получилъ болѣе важное въ позднѣйшемъ мандеизмѣ, вавилоно-персидской сектѣ, опиравшейся на авестизмъ, и еще позднѣе

въ «манихейской ереси», гдѣ онъ является въ образѣ апокалипсическаго Дракона. И когда исчезнуть послѣдніе слѣды зла и грѣха въ мірѣ, «вся земля станетъ блаженною, чистой». Тогда наступитъ желанное «Божіе Царство, Благое Царствіе Аура-Мазды Благого». Прозрѣніе въ этотъ правый конецъ міра, благостное разрѣшеніе загадки міровой несправедливости вызываютъ у пѣвца Яснѣ набожное умиленіе: «Слава Царствію Твоему, Благому!»

ВѢРА МИТРЫ.

Митра, общее божество индусовъ и иранцевъ до ихъ раздѣленія, не имѣло въ авестійской религіи даже тѣни того значенія, которое приобрѣловъ позднѣйшее время въ персидскомъ культѣ Митры, особенно съ начала I вѣка христіанской эры, когда вѣра бога-Солнца пышно расцвѣла въ Римской Имперіи. Митра Авесты былъ свѣтлымъ божествомъ, благосклоннымъ къ людскому міру, защитникомъ вѣрности, другомъ правды. Въ позднѣйшихъ мистеріяхъ онъ чтился какъ «Посредникъ» межъ непостижнымъ, недоступнымъ Небеснымъ Божествомъ и людьми, томящимися въ этой юдоли страданія, какъ божественный Свѣтъ, проливающій въ этотъ темный міръ лучи свѣта и любви. Митра, богъ «Свѣта, Истины и Правосудія» былъ въ Авестѣ загробнымъ Судіею, подлѣ котораго «Рашну на вѣсахъ золотыхъ взвѣшиваетъ дѣла (усопшаго), и не склонятся небесные вѣсы ни для царей и знатныхъ, ни для добрыхъ, ни злыхъ, не отклонятся (отъ правды) ни на волосъ, не пощадятъ никого». Видимое солнце, грѣющее, благодатно оживляющее природу, стало символомъ Духовнаго Солнца, ослѣ-

пительной эмблемой незримаго бытія «Огненнаго Глагола». Интересно, что св. Францискъ на закатѣ дней именно солнцу сложилъ свой величественный гимнъ, полный блаженныхъ рыданій. День 25 декабря былъ посвященъ Митрѣ, день *Natalis invicti*, астрономическаго «возрожденія солнца». На сохранившихся изображеніяхъ Митра держитъ *Пламя* въ одной рукѣ и *Мечъ* въ другой, или два ключа, или же два факела: опущенный, символъ ночи и смерти, и поднятый, символъ дня и жизни. Закатъ и восходъ солнца, время молитвъ, были для митраистовъ «знаменіями на небесахъ» смерти и возстанія Митры. Таково же и содержаніе мистерій: изображеніе «умершаго бога» полагалось на погребальныя носилки, хоронилось въ священной пещерѣ при плачѣ и сѣтованіи поклонниковъ, и въ знакъ «воскресенія» выносилось при общемъ ликованіи. Очень не мало говорилось одними о вліяніи культа Митры на христіанство, другими о подражаніи митраистовъ христіанскимъ обрядамъ и символамъ. Земное христіанство развивалось изъ чисто христіанской идеи, культъ Митры углублялся въ своихъ источникахъ въ даль маздеическаго творчества. Едва ли митраизмъ могъ угрожать христіанству съ его несравненно идеальнымъ характеромъ кристально-небесной всемірной вѣры, хотя вражда выражалась очень рѣзко: извѣстно, что гоненіями Діоклетіана христіанство обязано жрецамъ Митры, а позднѣе храмы митраистовъ были разрушены христіанами. Едва ли что-нибудь выясняетъ также объясненіе культа Митры солнечнымъ мѣомъ, одно время настолько популярнымъ, что въ немъ надѣялись найти разгадку даже легенды Будды. Позднѣе изъ солнечной гипотезы выросла болѣе широкая теорія «астральныхъ

источниковъ» теологическихъ представленій, напри-
мѣръ, сказанія о преслѣдованіи Дракономъ Дѣвы
или Жены, обряда поклоненія и приношенія даровъ
и ладана восходящему солнцу у вавилонскихъ ма-
говъ. Знакомая съ астрономическими элементами
въ древнихъ религіяхъ, мы увидимъ, что свѣтила
были или символами, или эфирной обителью небесныхъ
существъ, или видимыми тѣлами невидимыхъ бо-
жествъ, или мистическими «сферами» бытія, и ни
въ одной культурной религіи не служили сами по себѣ
предметомъ набожнаго почитанія. Сочетанія звѣздъ
представлялись магамъ небесной картиной рели-
гіозныхъ событій, звѣздной мистеріей, начертаніемъ
въ живомъ небесномъ апокалиписѣ, «безмолвномъ
ночномъ глаголѣ Божьемъ» таинственныхъ судебъ
вселенной. Всюду религіозная мысль ищетъ нагляд-
ныхъ представленій для своихъ духовныхъ пред-
метовъ, и самые символы, конечно, возможны только
при условіи уже существующей вѣры въ то, что
ими символизуется. Гипотеза же обожествленія силъ
природы и небесныхъ тѣлъ осуждена остаться без-
доказательной и односторонней, ибо научныя данныя
говорятъ, что даже тамъ, гдѣ налицо дѣйствительно
такое поклоненіе, люди почитали не чисто физиче-
скія силы и предметы, но молились воплощеннымъ
въ нихъ *духовнымъ силамъ*, тайно присущему Бо-
жеству.

Литургія Митры въ общихъ чертахъ повторяла
другія мистеріи: обряды очищенія и освященія,
пріобщеніе къ Божеству путемъ осязательныхъ ми-
стическихъ актовъ, вкушеніе «небесной сущности»
въ формѣ «священнаго питія безсмертія», которое
имѣло силу преображать «земного человѣка въ не-
беснаго» и дѣлало нареченныхъ Митрѣ его возлю-

бленными дѣтьми: «отложите мірскія попеченія,— говорилъ жрецъ,— Богъ поведетъ васъ, милостиво воззрѣть и не отвернется». Митраисты видѣли въ себѣ «божье воинство», «священныя когорты Митры», и цѣлью своей жизни считали *борьбу со зломъ и тьмою міра*. Митраисты несли строгое послушаніе вѣрѣ, отличались благочестивой жизнью и нравственной чистотой. Цѣломудренная жизнь жрецовъ и безупречная нравственность вѣрующихъ засвидѣтельствованы даже Тертуллианомъ. «Заповѣди Митры»: любовь къ ближнимъ и совершенная чистота. Посвященные, какъ и мисты сирійскихъ культовъ, называли другъ друга «дорогими братьями». «Искусъ» неопитовъ состоялъ въ испытаніи «огнемъ, водой, голодомъ и жаждой», жестокомъ «бичеваніи» и, наконецъ, въ «соблазнѣ вѣнцомъ земного царства», который посвящаемый отталкивалъ, ибо «жаждетъ только вѣнца безсмертія». Самый торжественный праздникъ «Побѣды» былъ скромной «священной трапезой» изъ воды, вина, хлѣба. Памяти Митры, «Соединившаго Небо и землю», «Чистаго Духа и Свѣта», былъ посвященъ каждый воскресный день (день солнца). Съ особеннымъ торжествомъ праздновался 25 декабря день «рожденія бога-солнца» пышными шествіями «священныхъ легионовъ». Мистеріи были связаны съ идеей спасенія, возстанія мертвыхъ и загробныхъ воздаяній: блаженная жизнь для «спасенныхъ» и страшныя адскія муки грѣшникамъ. Въ концѣ свѣта души праведныхъ вновь облекутся въ свои тѣла и обрѣтутъ безсмертіе, испивъ изъ чаши Чудодѣйственнаго Питія, которую подастъ имъ Митра, а злые, послѣ безконечныхъ страданій, навѣки погибнутъ вмѣстѣ съ духомъ зла, Ариманомъ.

Отчасти вслѣдствіе таинственности, которая окружала мистеріи, отчасти благодаря гоненіямъ, уничтожившимъ документы митраизма, остались только отрывки вѣры: фрагменты, свидѣтельства современниковъ и вѣчные безмолвные свидѣтели: «изсѣченные на камнѣ» образы и символы. «Служенія Митрѣ», совершавшіяся въ подземныхъ пещерахъ, въ ущельяхъ горъ, вызывали въ непосвященныхъ суевѣрный ужасъ и вели къ фантастическимъ рассказамъ. Омовенія и крестообразный знакъ, который жрецъ дѣлалъ на челѣ посвященныхъ, имѣли значеніе «небесной печати», «печати избранныхъ», призывавшей на помазаннаго свышнюю благодать. «Священныя изреченія», которыя сообщались вѣрнымъ, были какъ бы ключами, открывавшими душѣ входъ въ небесное царство. «Священный хлѣбъ» не заимствованъ изъ христіанства: и въ «литургіи маговъ» и въ древнихъ авестическихъ служеніяхъ жрецъ предносилъ предъ алтаремъ Вѣчнаго Огня «дары»: хлѣбцы, молоко, масло, медъ. Также связаны съ «религіей маговъ» и маздеизмомъ главнѣйшіе символы митраизма, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что доминирующей образъ Тельца, «закланнаго прежде сложенія міра», образъ *мистическаго Тѣла и Крови* всего сотвореннаго міра, не говоритъ за особенную грубость культа: въ древнихъ религіяхъ обычны подобные символы, особенно образы льва, орла, тельца, агнца, козлища, голубя, змія. Семь Дѣвъ, «Святые Безсмертныя, сильныя, несравненно-правосудныя, чудно-великія», образъ небесной чистоты, силы и праведнаго суда, извѣстны въ маздеизмѣ. Семь ступеней Святилища и соотвѣтственно имъ семь степеней посвященія символизируютъ семь сферъ, чрезъ которыя послѣдовательно душа восходитъ къ небесамъ, очищаясь въ нихъ, теряя

послѣдніе остатки своего «земного» и становясь богоподобно-чистой. Митраистамъ свойственна та поэтическая философія души, которую, также подъ влияніемъ восточной мудрости, развиваетъ Платонъ (въ *Федръ*): у души, по мѣрѣ возгорѣнія любви къ божественному, растутъ чудныя крылья, и она подымается на нихъ все выше и выше; если же въ ней вновь зарождается привязанность къ земному, чувственность, похоть, крылья увядаютъ, и душа падаетъ въ хаосъ матеріи. Мисты, какъ и въ другихъ культахъ, чувствуютъ въ таинственномъ наитіи «незримое, неосязаемое»: «небеса спустились на землю, земное въ небеса вознеслось!» Мистеріи «призываютъ» божество, и оно какъ «божественное дуновеніе» нисходитъ въ душу, «какъ духъ» почиваетъ въ ней. Мисты—люди «преображенной души», исполненной «благодати и тайны». «Боже,—говоритъ посвященный,—я умиралъ и воскресъ, Жизнью въ жизнь рожденный, изведенъ изъ (круга) смерти, иду путемъ, который ты начерталъ въ тайнахъ твоихъ». Счастливо найденный папирусь съ отрывками литургіи Митры ввелъ не столько въ обрядовую сторону культа, сколько, что всего важнѣе, въ самый духъ его, давая возможность пережить, что волновало душу вѣрующихъ. Нѣкоторые ученые полагали, что сказанный папирусь представляетъ родъ магическаго «призыванія Божества». Если бы это было и такъ, то полнота митраическихъ идей и символовъ, господствующій образъ Тельца требуютъ вывода, что «религія маговъ», по крайней мѣрѣ, въ эпоху папируса, была въ близкомъ родствѣ, если не тождественна съ культомъ Митры. Свитокъ начинается съ набожныхъ изліяній вѣрующаго, призывательной молитвы. «Родъ рода моего, Существо существа моего, Духъ души моей,

пламя Божье въ существѣ моемъ!.. Возроди меня въ Безсмертныхъ, да узрю, послѣ сихъ тяжкихъ страданій (бремя жизни, иго борьбы со зломъ), Вѣчный Источникъ всего и Духъ безсмертный, Небо и Воды безсмертія... возродится духъ мой, принявъ отъ Духа Святого, на Святой Огнь въ страхѣ взирая, тайное и ужасное видѣніе Восхода и Воздуховъ Животворящихъ. И я, смертный, безсмертными очами, я, рожденный материнской утробой и возвышенный Сильнымъ, Безсмертнымъ, да узрю Господа Пламенныхъ Вѣнцовъ!..» Молящійся чувствуетъ приближеніе чего-то великаго и страшнаго, какъ предъ грозою, среди внезапно наступившей тишины, чувствуется торжественное грозное величіе. «Умолкни, тлѣнная плоть человѣка, освободи меня отъ гнетущей тяготы твоей...» Онъ чувствуетъ неземное вѣяніе воздуховъ, благодатное, необычайное, и шепчетъ въ упоеніи: «я сынъ... я вдыхаю»... Ему кажется, какая-то незримая тайная сила подхватываетъ его и несетъ на воздушныхъ путяхъ, среди видѣній иного міра. «Улови дыханье лучей, трижды зажженное, и увидишь себя изнесеннымъ, и восходя въ высь. почувствуешь себя среди Воздуховъ... И не услышишь съ выси ни голосовъ человѣческихъ, ни голосовъ тварей, и ничего не увидишь изъ смертнаго на землѣ въ тотъ часъ; но будешь видѣть свѣтлое, прозрачное, безсмертное, чистое»... Душа молящагося смолкаетъ въ священномъ радостномъ страхѣ предъ неяснымъ пока, но уже близкимъ Ужаснымъ и Прекраснымъ Видѣніемъ. «Положи персть на уста (запечатлѣй уста) и скажи: Молчаніе! молчаніе! молчаніе! (ибо это) знаменіе (символь) Вѣчнаго, Живущаго,—и молись: охрани меня, о Безмолвіе!.. Закрывъ очи, молись: Услышь меня, Боже, Ты, который замкнулъ

духомъ своимъ пламенная врата Небесъ, Двуетидный (или: двухъ-естественный), Творящее Пламя, огонь дыханіе твое и свѣтъ духъ твой! О, дивный Свѣтъ, въ свѣтъ воплощенный, откройся (явишь) мнѣ, ибо призываю Имена, (еще) въ смертной природѣ не явленные, никѣмъ среди челоуѣковъ не высказанныя (не названныя), ни въ звукахъ, ни въ гласахъ челоуѣческихъ, вѣчно живущія, Имена вышнія!» Тогда наступаетъ тайное видѣніе, близится—*Онъ*. «Громъ услышишь и грохотаніе въ воздухѣ, испытаешь великій трепеть. Ты же твори молитву Безмолвія. И тогда открой очи,—и увидишь Врата отверзтыми, и лики Божественныхъ (въ свѣтъ дальнемъ) за Вратами; духъ твой возрадуется сладости божественныхъ видѣній и воспаритъ къ Вышнимъ... Вниди!.. вниди!.. вдыхай божественность! прямо смотри, духомъ дыши! и тогда въ душѣ твоей (наступитъ) миръ, и ты молись: Приди ко мнѣ! Господи! И тогда къ тебѣ Лучи обратятся, и будешь стоять среди нихъ. И увидишь одного Бога, юнаго, прекраснаго, съ огненными локонами, въ бѣлыхъ одеждахъ, багрянномъ покровѣ, въ вѣнцѣ Пламени. Поклонись ему огненнымъ поклоненіемъ: «Покланяюсь тебѣ, великій и сильный! Геліосъ, царь! богъ боговъ! сильна десница твоя, господи, могущественно дыханіе! меня, рожденнаго отъ плоти челоуѣческой, ты вновь возродилъ, призвалъ къ безсмертію! жаждетъ душа моя молиться тебѣ словомъ челоуѣческимъ!..» И отверзятся Врата, и выйдутъ изъ глубины семь дѣвъ въ одеждахъ виссона, съ ликами Змѣй. Имя ихъ—небесныя Судьбы-Богини, держащія Златой Скипетръ. Видя ихъ, обратись къ нимъ: «Покланяюсь вамъ, Судьбы-Богини небесныя, славныя Дѣвы Благія, святыя стражницы четырехъ Столповъ, вамъ

поклоняюсь!» И тогда выйдутъ семь Духовъ съ ликомъ черныхъ тельцовъ, въ златыхъ діадемахъ, властители звѣздные. Привѣтствуя ихъ, молись: «Поклоняюсь вамъ, Хранители міра, Святые Сильные!..» И вотъ, молніи засверкають, и загремитъ небо, и земля содрогнется, Богъ снзойдетъ, неописуемый, сіяющій ликомъ, съ золотыми власами, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ Вѣнцѣ изъ золота, и молніи изъ очей его, и звѣзды (сыпятся) отъ тѣла его. И ты молись тогда: «останься въ душѣ (съ душой) моей, господи, не покидай меня!»... Осязавшій Неосязаемое, лобзавшій духомъ святыню своего божества припалъ съ молитвой благодаренія: «Боже, міръ сотворившій! Сильный! Поклоняюсь Тебѣ, Духъ и Властитель! Боже, вновь тобою рожденный, я умираю (въ прежней плотской жизни), и вознесенный тобой, умирая, воскресъ. Вновь рожденный въ *Рожденіи Жизни*, я свободенъ (спасенъ) отъ смерти, Твоей стезею иду, тобой начертанной, свершенной въ Таинствѣ Твоемъ!..»

ЕССЕИ и ГНОСТИКИ.

Въ еврейскихъ мистическихъ ученіяхъ несравненно менѣе того философскаго вдохновенія и поэзіи, которыми блещетъ мысль Индіи, Греціи и Египта, но зато болѣе пророческаго духа и апокалипсизма. Всѣ ученія примыкають къ вавилонской и египетской культурѣ, а позднѣе еще къ эллинской и персидской. Наиболѣе выдѣляются ессеи, или ессены, которые были извѣстны за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Мистическій характеръ ученія засвидѣтельствованъ Іосифомъ: «они видѣли въ тѣлѣ могилу безсмертной души, темницу, въ которую заключена душа, нѣкогда блиставшая въ

свѣтъ и блаженствѣ». Отсюда—жажда «возвращенія на родину», въ небесную отчизну, и «святой путь» жизни, ведущій къ безсмертію. Нѣкоторые ученые находятъ родство ессеизма съ братствомъ пророковъ, основаннымъ, по преданію, Самуиломъ. Несомнѣнно, тайныя пророчества, завѣты какихъ-то «божественныхъ откровеній» бережно хранились среди есеновъ и въ «толкованіяхъ святыхъ писаній» передавались изъ устъ въ уста. Ессеи выдѣлялись кротостью и набожностью, занимались какимъ-либо скромнымъ ремесломъ: садоводовъ, токарей, плотниковъ, никогда не были торговцами и не занимались выдѣлкой оружія, особенно же славились какъ врачи. Позднѣйшіе «терапевты», о которыхъ сохранилось больше свѣдѣній, если не были тѣми-же ессенами, то, вѣроятно, составляли секту, связанную съ ними общностью происхожденія. Они считали своимъ призваніемъ врачевать не только больныхъ тѣлесно, но и «болящихъ духомъ»: порочныхъ, злыхъ, грѣшныхъ. Можетъ быть, и еврейскіе назіры, или назарены, аскеты, таинственные подвижники и боговѣды, «ходившіе въ свѣтъ Господнемъ», о которыхъ имѣются очень скудныя свѣдѣнія, также близки къ ессеямъ. На ученіи есеновъ лежитъ печать всечеловѣческой религіи любви. Безгрѣшная жизнь, любовь къ Богу и человѣку, милосердіе, запретъ клятвы даже ради правды, смиреніе, кротость, правдивость, чистота сердца, ненависть къ грѣху и злу и въ то же время дѣятельная, спасительная любовь къ злымъ и грѣшнымъ—первыя заповѣди есеновъ. Ихъ братскія чувства и отношенія «взаимнаго радованія» символизировались «трапезами любви». Омывшись и одѣвшись въ бѣлыя праздничныя одежды, они торжественно приступали къ общей трапезѣ, имѣвшей, повидимому,

религіозный характеръ. Бѣлыя одежды, пальмовыя вѣтви, свѣточы въ рукахъ непорочныхъ дѣвъ и женъ, чаша «съ виномъ отъ лозы Господней» въ рукахъ старца, первосвятителя братства, «Хлѣбъ и Вода»— всѣ эти внѣшніе атрибуты праздничныхъ собраній имѣли нѣкоторое мистическое значеніе. Ессеи посвящали жизнь уходу за больными, врачевали недуги, таинственнымъ вліяніемъ своего духа, сильнаго Богомъ, «изгоняли бѣсовъ», обращали падшія грѣшныя души на непорочный путь, всюду стремясь создать чистую обитель Чистому Духу. По свидѣтельству Іосифа, «ессеи славилась образцовыми нравами, пользовались всеобщимъ уваженіемъ; они были недоступны никакимъ низменнымъ страстямъ, ласковы и кротки со всѣми, правдивы, миролюбивы. Одно слово ихъ имѣло болѣе вѣса, чѣмъ присяга. Самыя мучительныя страданія переносили съ удивительнымъ спокойствіемъ и съ улыбкой на устахъ». Необходимымъ условіемъ спасенія было посвященіе, вѣнцомъ религіозной жизни—совершенство и путь «чрезъ двери Господни» въ селенія блаженствъ. Среди людей святаго сердца, всегда и неизмѣнно обращеннаго съ сыновней любовью къ своему Богу, являлись озаренные проповѣдники Правды Божьей, вдохновенные пророки. Съ мистической философіей ессеевъ связана «книга тайнъ Еноха», возникшая незадолго до христіанской эры, въ которой, наряду съ «Господомъ и Духомъ» и «Особою Силою», говорится объ Избранникѣ, «Сынѣ Человѣческомъ», предвѣчно сущемъ, рожденномъ въ Богѣ, Духѣ мудрости и силы, который будетъ судить все сокровенное, осудить злыхъ и возведетъ въ горнія благихъ и кроткихъ: «Въ началѣ былъ Сынъ Человѣскій въ тайныхъ. Всесильный хранилъ его въ своей Славі и открывалъ избран-

нымъ... Цари ужаснутся, падутъ ницъ, ужась скуеть ихъ, когда увидятъ Сына Жены, сидящаго на престолѣ Славы... Тогда Избранный созоветъ всѣ силы небесныя, всѣхъ святыхъ небесныхъ и силу Божию, и возгласятъ херувимы, серафимы, офанимы и всѣ ангелы господни... Лучшія страницы въ книгѣ— нравственныя заповѣди. «Блаженъ, кто страшится имени Божьяго, не лицемѣрно служитъ предъ лицомъ Господа. Блаженъ, кто справедливъ не ради награды, ради правды, не ища награды. Блаженъ, кто нагого покрываетъ своими одеждами и голодному отдаетъ свой хлѣбъ. Блаженъ, кто отвернулся отъ суетныхъ путей лжи и идетъ путемъ правды, въ жизнь вѣчную. Блаженъ, у кого любовь въ устахъ и кротость въ сердцѣ. Блаженъ, кто творитъ миръ и любовь». Стремленіемъ ессеевъ было осуществленіе во всей полнотѣ того ученія чистоты и правды, которымъ проникнута и лучшая часть древней еврейской мудрости, нерѣдко забывавшаяся за буквой культа: «Прощай твоему ближнему зло, которое онъ тебѣ сдѣлалъ. Не радуйся паденію врага... Голодень твой врагъ, накорми, жаждетъ, напои», сказано у «Соломона». Тоже въ книгѣ Левитъ: «Ты не долженъ ненавидѣть врага даже втайнѣ сердца... И чужеземца должно любить». Талмудъ, восходящій въ вавилонскую старь, высказываетъ такую же возвышенную мораль: «Да не будутъ рѣчи человѣка многоглагольны предъ Всевышнимъ... Кто смотритъ на женщину съ нечистою мыслью, тотъ уже тайно поддался грѣху любодѣянія... Ненавидь не злыхъ, но злобу ихъ... Кому Богъ отпустить грѣхи? Кто самъ забываетъ неправду другихъ. Беззлыхъ и кроткихъ любить Богъ... Милостыню дѣлай втайнѣ... Если бы гонитель былъ правовѣрный, а гонимый без-

божникъ, и тогда Богъ всталъ бы на защиту гонимаго»... Такія благородныя идеи не составляли рѣдкости въ древне-еврейской религіи; изъ нихъ, въ борьбѣ съ грубыми понятіями и *нравами, подчинявшими религію*, могло вырасти не одно прекрасное ученіе. Дѣйствительно, ессеизмъ не исключительное явленіе среди другихъ «сектъ» тѣхъ временъ; даже фарисеи, имя которыхъ стало позднѣе синонимомъ пустосвятства и обрядоваго ханжества, составляли общины, преслѣдовавшія очень высокія моральныя и религіозныя цѣли. Чистота плоти и духа, цѣломудріе, мистическія «очищенія водою», благочестіе, кротость, любовь къ Богу и ближнему, жизнь по духу Писанія были для фарисеевъ святымъ путемъ жизни. Высшей же, мистической ступеню, идеаломъ святости, была, по преданіямъ, нѣкоторая таинственная власть надъ природными силами и даже «сила исцѣлять больныхъ и призывать къ жизни умершихъ».

Озирая весь широкой кругъ исторіи нравственнаго міра, современная мысль видитъ единый и вѣчный духъ мудрости и любви, вѣющей «во всякомъ мѣстѣ Божьяго владычества». Перелистывая страницу за страницей въ исторіи религій, всюду слышимъ «Единый Гласъ», чувствуемъ одно волненіе человѣческаго сердца, въ которомъ близость Бога вселяетъ невыразимо-нѣжное, святое желаніе правды. Заглянемъ на минуту въ другой конецъ міра, далекой Китай, и тамъ услышимъ тѣ же рѣчи о чистотѣ сердца, любви къ Вѣчному Богу, братскихъ чувствахъ къ человѣку. Конфуцій, представитель положительной морали разума, говорившій о себѣ: «дѣлать чудесное, чтобы среди потомковъ ходила о томъ суевѣрная молва,—этого я не хотѣлъ», заповѣдалъ правила: «Чего не желаешь себѣ, не дѣлай другимъ,—въ этомъ лежитъ

все... Нѣтъ любви, если нѣтъ трудовъ и заботы, чтобы усовершенствовать тѣхъ, кого любишь... Гордость унижить, смиреніе возвысить... Начало добродѣтели— кротость... Цари должны милосердовать сиротамъ и вдовамъ, призрѣвать нищихъ и бездомныхъ, жалѣть несчастныхъ и бѣдныхъ, побуждать людей ко взаимной братской любви, чтить мудрыхъ, возвышать достойныхъ». Лао-тце, мудрецъ, въ послѣдствіи ставшій однимъ изъ лицъ «божественныхъ Трехъ» (Ю—хоангъ-ти, небесный Владыка, Лао-тце, Т'аи-ши, великое Начало), и по вѣрѣ своихъ почитателей, нѣкогда воплотившійся въ Буддѣ, заповѣдалъ тѣ же общечеловѣческія нравственныя правила, начиная съ первой заповѣди *морали человѣчности*: «злomu плати дсбромъ». Прекрасная *Небесная Философія* (Таосизмъ), выразившая всю свою сущность въ короткомъ словѣ: «*въ сердцѣ твоемъ Небо, и Небо есть Путь. Самое могущественное въ мѣрѣ невидимо, не слышимо, не осязаемо*», заповѣдывала вѣру *дѣль любви*; «Добродѣтель отъ чистаго сердца—вотъ земной фиміамъ, который тронетъ Божество. Правая жизнь преклоняетъ Небо (къ землѣ), и нѣтъ той Дали, куда не дошло бы добро». Среди китайскихъ мудрецовъ, съ ихъ оптимистической вѣрой въ божественную гармонию мірозданія, въ великое Небесное Правосудіе, нѣсколько особнякомъ стоитъ Менцзы, вынесшій свой пессимизмъ изъ несчастій личной жизни,—«вся жизнь, говорилъ онъ, заботы и страданіе, покой только въ смерти». Но и у него мрачныя мотивы скрашиваются возвышеннымъ утѣшеніемъ мудрецовъ, стоической философіей: «Жить въ великомъ царствѣ Вселенной, въ ней занимая свое почетное мѣсто, не гордись въ знатности и богатствѣ, не унывая среди бѣдности и униженій, не сгибаясь предъ надменнымъ величіемъ

и силой,—вотъ что значить быть великимъ мужемъ... Горести укрѣпляютъ сердце великаго человѣка. Небо изнуряетъ трудами его тѣло, подвергаетъ голоду и лишениямъ, стираетъ и смѣшиваетъ все, что онъ ни сдѣлалъ, чтобы разжечь его сердце, закалить духъ, поднять въ немъ мысль... Жизнь возвышается въ скорбяхъ и напастяхъ, замираетъ въ покоѣ и удовлетворенности... *Кто не понимаетъ божественнаго, не свершитъ ничего великаго...* Ученіе (философія) не имѣетъ другой цѣли, какъ только отыскать *сердце, утраченное человѣкомъ*... Среди звѣздъ второй величины китайскаго умственнаго міра слѣдуетъ вспомнить симпатичнаго Моцзы съ его ученіемъ *вселенской любви*: «Всѣ несчастія, бѣды, всѣ раздоры въ мірѣ оттого, что нѣтъ между людьми взаимной любви... Если бы на все чужое смотрѣли (тѣми же очами, съ тѣмъ же добрымъ чувствомъ) какъ на свое, не было бы ни неправды, ни завоеваній»...

О жизни и обычаяхъ «терапевтовъ», вѣроятныхъ наслѣдниковъ ессеевъ, сохранились благодаря Филону болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Не отрицая ихъ возможной родственности, Филонъ все же ставитъ терапевтовъ на высшую ступень: ессеи—люди святой жизни и добрыхъ дѣлъ, терапевты—мудрецы высшихъ созерцаній: «они избрали, удалясь отъ міра, созерцательную жизнь, всю любовь и надежду обращая къ Богу». Имя терапевтовъ они получили не только потому, «что ихъ врачебное искусство было выше обычнаго, но и какъ цѣлители духовныхъ недуговъ», ибо они «умѣли обращать природу и священные законы на служеніе Богу, который добрѣе добра». Повидимому, высшею цѣлью было для нихъ нѣкоторое наитіе, живое созерцаніе Божества: «Они томилась тоской по своему Богу, пока не узрятъ Предмета своей любви.

И тогда, жадно устремляясь къ вѣчно-блаженной Жизни, видя въ земной конечное, отдаютъ имущество дѣтямъ или роднымъ, удаляются въ лѣса отъ суеты городской жизни или другое уединенное мѣсто... Такихъ людей можно повсюду встрѣтить въ Египтѣ, особенно же много ихъ въ окрестностяхъ Александріи... Ихъ жилища расположены не близко другъ отъ друга, въ высшей степени просты и представляютъ только скудную защиту отъ зноя и стужи... Въ каждомъ домѣ есть священная келья, въ которой они совершаютъ таинства святой жизни. Входящій въ нее не вноситъ съ собой ни питья, ни пищи, но только то, что согрѣваетъ вѣру и мудрость,—заповѣди, вдохновенныя изреченія пророковъ, пѣснопѣнія... Постоянно размышляя о Богѣ, они, въ своей созерцательной жизни, чувствуютъ себя среди божественныхъ силъ и явленій... При восходѣ солнца молятся Свѣту Истинному, при закатѣ молятся, чтобы душа ихъ, чистая отъ всего чувственнаго, земного, сосредоточилась въ своей внутренней *сокровищницѣ*, достойная ощущать Истину. Все время, съ утра до вечера, посвящено у нихъ дѣламъ благочестія, чтенію Писаній, набожнымъ размышленіямъ... Шестъ дней они проводятъ, каждый въ своемъ монастырѣ, какъ называются ихъ кельи, на седьмой сходятся вмѣстѣ въ Святилищѣ, отдѣльно мужи и отдѣльно жены... Они очень воздержны, постоянно постятся, вкушая только хлѣбъ, соль и чистую ключевую воду... Особенно торжественно празднуется Пятидесятый День. Вставъ рядами, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ просвѣтлѣвшими лицами, устремивъ къ небу очи, которыя привыкли созерцать великое, и простирая руки, которыя чисты отъ всякихъ дѣлъ ради выгодъ, они долго молятся. Послѣ молитвы садятся за столъ мужи справа, жены слѣва, и съ ними

чистыя дѣвы, сохранившія дѣвство ради усердной любви къ истинѣ, не желая рождать смертныхъ дѣтей, но стремясь къ духовному потомству, которое рождается душой, возлюбленной Богомъ, когда Отець наполняетъ ее лучами Духовнаго Свѣта... Бесѣду ведетъ старѣйшій... Послѣ пѣснопѣній даетъ испивать богоугодный нектаръ, чистое вино, какъ въ вакхическомъ культѣ, послѣ чего всѣ воспѣвають хоромъ хвалебные гимны. Мысли возвышенны, выраженія чрезвычайно прекрасны»...

Въ культурныхъ религіяхъ замѣтны слѣды взаимныхъ вліяній. Если извѣстная родственность религіозныхъ идей объясняется единствомъ человѣческаго духа, а морали—единствомъ человѣческой совѣсти, то въ общихъ чертахъ внѣшнихъ культовыхъ формъ можно съ извѣстнымъ основаніемъ видѣть результатъ прямыхъ или косвенныхъ взаимныхъ воздѣйствій. Даже на эссеяхъ и терапевтахъ, допуская всю возможность развитія *внутренняго* содержанія ихъ учений непосредственно изъ религіозныхъ идей древняго вавилоно-еврейскаго цикла, все же замѣтно вліяніе древнихъ мистерій, а въ уединенномъ подвижничествѣ въ «монастыряхъ»,—несомнѣнномъ прообразѣ позднѣйшаго движенія мистическаго аскетизма въ Сиріи и Египтѣ въ христіанскую эпоху, просвѣчиваютъ живыя черты духовнаго подвижничества далекой Индіи. Но не одно изъ извѣстныхъ мистическихъ движеній не развивалось подъ такими многочисленными и разнообразными вліяніями, какъ гнозисъ, проникнутый духомъ и іудейской и эллинскихъ и азійскихъ религій. Гностицизмъ болѣе извѣстенъ, какъ еретическая секта христіанской вѣры, чѣмъ самостоятельная религіозно-философская система, родившаяся до христіанства. Прямыхъ гностическихъ источниковъ

очень мало: въ пылу религіозной борьбы побѣдители безпощадно уничтожали памятники побѣжденныхъ. Свѣдѣнія же о гностикахъ, оставленныя полемистами, какъ это всегда бываетъ, вводятъ насъ болѣе въ кругъ внѣшняго содержанія вѣры, чѣмъ въ ея сокровенный духъ. Хотя въ послѣднее столѣтіе найдены новые важные гностическіе документы, все же и теперь невозможно прослѣдить путь зарожденія основного ученія и развитія его многочисленныхъ вѣтвей, и ученымъ, посвятившимъ свои труды изученію гнозиса, все еще приходится говорить только о фрагментахъ этой «угасшей вѣры». Прежде всего поражаетъ въ гностицизмѣ своеобразная смѣсь высокихъ истинъ чистой религіи, полныхъ изящной простоты, съ крайне темной мистической метафизикой, глубокихъ и ясныхъ идей и чувствъ, особенно въ поэтическихъ гимнахъ, съ запутаннымъ, вычурнымъ символизмомъ и чрезмѣрной иносказательностью. Вліяніе древнѣйшихъ религій чувствуется довольно ясно. Напримѣръ, формула: «ты —Я, и Я—ты», «гдѣ ты, тамъ Я, и Я во всемъ», совпадаетъ съ извѣстными идеями Упанишадъ, Веданты, вишнуизма и герметизма: «ты—Я, и Я—ты». Ученіе о небесномъ шествіи души повторяетъ ученія маговъ, митраистовъ, Орфея и Гермеса. «Діаграмма офитовъ» описываетъ «загробное хожденіе» такимъ образомъ: Перейдя «за грань зла», за предѣлы земной сферы, душа является предъ «первыми вратами» и говоритъ стражу вратъ: «Исхожу чистою, какъ частица свѣта Сына и Отца». Затѣмъ восходитъ послѣдовательно къ зонамъ Сатурна, Луны, Солнца, Юпитера, Меркурія, Венеры, которые носятъ у гностиковъ особенныя имена: Ялдабаофъ, Саваофъ, Яо, Элои, Астафайя, Орей, и наконецъ «погружается въ Плерому Божественной Жизни».

Наазены, секта христіанскихъ гностиковъ, имѣвшая цѣлый рядъ апокрифическихъ евангелій: евангеліе Евы, Совершенство, Вопросовъ Маріи, Египетское, Өомы, Филиппа, тѣмъ не менѣ были посвящены въ мистеріи «Великой Матери». Индійское ученіе о *Карманъ* вошло и въ гностическую философію: душа переходитъ изъ тѣла въ тѣло, пока не очистится путемъ воздаяній за каждое прежнее нарушеніе «Закона», и «пока не заплатитъ до послѣдняго кодранта, не будетъ выпущена изъ темницы», не вступитъ въ Духовную Жизнь. Въ апокрифическихъ «легендахъ Өомы» на христіанскую личность перенесены индійскія сказанія, и эта связь съ индуизмомъ очевидна уже въ одномъ изъ прямыхъ источниковъ гнозиса, мандеизмъ, персидско-вавилонскаго происхожденія, развившемся подъ сильнымъ вліяніемъ религій Индіи, и въ частности буддизма: напримѣръ, «Сынъ Человѣческой воплощенъ, по ученію мандеевъ, въ Адамъ, Енохъ, Ноахъ и Буддъ». Среди нравственныхъ правилъ встрѣчается такое, даже и по формѣ несомнѣнное слово индійской мудрости: «Познай, гдѣ корни (всего злого и грѣховнаго, всѣхъ страданій въ людской природѣ), и, пробудившись, обновись въ познаніи и узришь въ себѣ—Бога». Также вполне ясенъ духъ герметизма въ гностическихъ идеяхъ: логоса, возрожденія, послѣдняго вступленія въ Божественную Сущность. Но и гнозисъ, съ своей стороны, оказалъ сильное вліяніе на дальнѣйшую исторію всемірной культуры. Интересно, что даже въ мусульманской религіозно-философской литературѣ, даже въ средніе вѣка, еще замѣтны гностическіе слѣды. Напримѣръ, въ прелестной поэмѣ Гафиса объ Іосифѣ и Зюлейкѣ (XI в.) философъ-комментаторъ видитъ символическій образъ отношеній Творца и Творенія;

слова Іосифа, обращенныя къ «совершенной красотѣ»: «о, блистательная луна Ханаана, тронъ Египта приготовленъ для тебя и ждетъ, время сказать прости своей темницѣ», комментаторъ толкуеть такъ: «Іосифъ—духъ Божественнаго Свѣта, тронъ Египта—обладаніе царствомъ Божимъ, которымъ душа не можетъ вполнѣ насладиться, пока не освободится отъ смертной жизни,—изъ *темницы*». Идея «очищенія» мистерій связана въ гнозисѣ съ сектантско-іудейскій довольно темной метафизикой спасенія отъ «первороднаго грѣха».

Высшая идея гнозиса, наслѣдіе герметизма, философія Логоса, Бога-Слова, который, среди всего сотвореннаго, *созданнаго* Божьей силой, одинъ только *рожденъ*, одинъ несетъ въ себѣ чистую божественную сущность, связана съ вѣрою древнихъ народовъ въ *необходимость* божественнаго пришествія. Люди, какъ Ома невѣрный, жаждутъ «видѣть и осязать», и эта жажда всюду сквозитъ *печалью по Богу*, нѣжной печалью сына въ разлукѣ съ отцомъ, жадной надеждой святого свиданія. Задолго до христіанскаго времени великій Эсхиль возгласилъ устами Прометея, «пригвожденнаго за свою любовь къ людскому роду», по выраженію Лукіана: «наступитъ часъ, и кончится власть Юпитера, сила Рока». Озаренный боговидецъ Платонъ начерталъ въ своей *Республикѣ* образъ «Праведника», лучшаго изъ людей, идеаль правды, красоты и добра, судимаго какъ преступникъ, претерпѣвшаго муки, бичеваніе, и распятаго. Вѣра въ «Сошествіе Божества», въ новый божественный день твореній, когда Богъ сжалится надъ страдающимъ міромъ, постыдно гибнущимъ среди зла, неправды, страданій, «какъ стадо безъ пастыря», сжалится и явитъ новое отношеніе къ міру, осѣнить земной родъ

своимъ возрождающимъ присутствіемъ, мелькала въ загадочныхъ прорицаніяхъ эллинскаго и римскаго міра. «Утоли печаль нашу», молился Virgilій, чувствуя надъ міромъ «Невѣдомаго Бога». Знаменитая четвертая эклога, по какому бы поводу она ни была написана, дышитъ тоской о божественномъ спасеніи: «Наступаетъ возвѣщенный Сивиллой конецъ прежняго міра, грядетъ Дѣва, съ небесныхъ высотъ родъ новый нисходитъ... Взгляни, какъ волнуется весь міръ, какъ земля и безконечное море и сводъ небесный трепещутъ въ надеждѣ грядущихъ временъ... Рождается Младенецъ, который изгонитъ вѣкъ желѣзный и принесетъ всему міру вѣкъ золотой»... Въ Аѣинахъ на Элевзинскихъ празднествахъ носили статую Якка, бога-Младенца, *нарождающагося божества*, который нѣкогда долженъ притти къ міру. Въ одной надгробной надписи, найденной въ 1899 г., которую Моммсенъ относилъ къ девятому году до Р. X., есть такія загадочныя слова: «Наконецъ кончается время, когда приходилось жалѣть, что родился. Провидѣніе посылаетъ намъ и будущимъ поколѣніямъ этого Человѣка, какъ спасителя. *Съ его пришествіемъ исполнятся всѣ надежды предковъ.* Онъ превзойдетъ всѣхъ прежнихъ благодѣтелей человѣчества. Невозможно, чтобы *пришелъ (еще) Большой.* День рожденія бога принесетъ міру *Вѣсть Спасенія.* Съ его рождества начнется новый счетъ времени»... Для насъ, дѣтей сего міра и сего вѣка, среди котсрыхъ совершенно угасъ пророческій духъ, всѣ такого рода удивительныя прорицанія кажутся простыми случайностями, съ которыми столь же случайно совпадаютъ позднѣйшія событія. А между тѣмъ, сколько всюду среди древнихъ письменъ разсѣяно таинственныхъ гаданій, вѣщихъ и темныхъ сновъ, проникновенныхъ картинъ

далекаго будущаго. Какъ будто прямо о нашемъ времени, все болѣе и болѣе теряющемъ и душу и Бога, говорить за девятнадцать вѣковъ это пророчество *Гермеса Трисмегиста*: «Тогда, томимый отвращеніемъ ко всему, что есть въ мірѣ, человѣкъ не будетъ чувствовать ни благоговѣнія, ни любви. Въ душахъ, полныхъ усталости и скуки, будетъ только пренебреженіе къ этой великой вселенной, построенной дивно и совершенно. Потемки предпочтутъ свѣту, смерть будетъ казаться лучше жизни, никто не обратитъ очей къ небу. Вѣрующихъ будутъ считать за безумцевъ, богохульство за мудрость, дикихъ почтутъ смѣлыми, худшихъ лучшими. Душа и всѣ вопросы, съ ней связанные: смертна ли, рождается или бессмертна, будутъ возбуждать только смѣхъ. Смерть будетъ казаться лучше жизни, и земля перестанетъ рождать». Въ кругу загадочныхъ явленій древней мысли остановимся еще на удивительномъ образѣ «Благого Человѣка» у Сенеки, въ которомъ, можетъ быть, и безсознательно для самого философа, нарисованъ болѣе чѣмъ одинъ только нравственный идеаль. «Должно всегда имѣть предъ очами Человѣка Благого и такъ жить и поступать, какъ будто онъ смотритъ на насъ. Много грѣховъ останется не сдѣлано, если съ нами—*Свидѣтель*. Для нашего сердца долженъ быть *Нѣкто*, кого оно чтитъ, предъ чьимъ образомъ открываетъ свою тайную жизнь. Блаженъ, кто можетъ *чтить Его* и себя *вообразуя въ Его живой образъ*. Нуженъ Тотъ, кто судитъ нашей жизни... Когда ты увидишь человѣка, безстрашнаго среди опасностей, нетронутаго страстями, радостнаго среди самой горестной судьбы, покойнаго среди бурь, не скажешь-ли: тутъ кто-то высшій, *несродный* бѣдственному тѣлу, въ которомъ онъ живетъ, здѣсь—божественность, здѣсь *снизошла*

небесная сила, которая движетъ этой особенной душой, возвышенной надъ всѣми низменными желаніями и страхами... Если бы мы могли проникнуть въ душу Человѣка Благого,—о, какой прекрасный образъ увидѣли бы, блистающій Величіемъ и Покоемъ! Правда, Сила, Мудрость свѣтятъ въ немъ, а надъ всѣмъ—*Человѣчность*, высшее благо. Если бы кто увидѣлъ этотъ Образъ, болѣе возвышенный и святой, нежели обычно можно видѣть въ людяхъ, развѣ не остановился-бъ онъ предъ нимъ въ безмолвномъ удивленіи, какъ *предъ Божествомъ, тихо молясь*? И тогда, привлеченный *чудною добротою Его Лица*, онъ склонился бъ предъ нимъ, созерцая въ оцѣпенѣломъ благоговѣніи, и его молитва вырвалась бы въ словахъ Виргилія: «дай утоленіе сердцу». Въ комъ бы не возгорѣлась любовь при видѣ того Идеальнаго Образа? Теперь, конечно, нашъ взоръ ослѣпленъ многимъ, но если бъ мы могли глядѣть чистыми очами, освободивъ нашу силу зрѣнія, мы увидѣли бы *Добро* даже подъ тѣлеснымъ покровомъ,—*подъ игомъ нищеты, униженія и позора увидѣли бы Красоту*... Не можетъ столь Великое явиться безъ участія Божества, своей большею частью оно связано съ тѣмъ, откуда снизошло. Какъ солнечные лучи, едва касаясь земли, пребываютъ тамъ, откуда исходятъ, такъ и *Великое Святое*, ниспосланное къ намъ, чтобы мы *ближе познали Божественность*, хотя вращается среди насъ, но само *пребываетъ въ своемъ Первоисточникѣ*. Тамъ Его родъ, туда Онъ глядитъ и стремится, ходя среди людей только какъ высшій гость, Кто же онъ? Духъ, который не влечется къ Добру, но есть *само Добро*».

Гностики христіанской эры учили о трехъ тѣлахъ: 1) *тѣло плотское*, недоступное духовнымъ впечатлѣніямъ, тѣло бессознательной субстанціи міра; 2) *тѣло*

душевное, свойственное тѣмъ, кто, вѣруя, уже ощущаетъ Духовное Бытіе, но еще смутно, нуждается въ образахъ и подобіяхъ, въ чудесныхъ явленіяхъ и учительной помощи для «представленій» о Божествѣ; 3) *тѣло духовное*, которымъ обладаютъ только *пневматики*, высшіе, святые люди, непосредственно созерцающіе Духовный Міръ и «тайны Великаго Гнозиса». Пневматики пребываютъ на послѣдней ступени межъ землею и Небомъ. Предъ ними открывается міръ Сущаго Божественнаго Свѣта, и сны, «люди нсвые въ тѣлѣ новомъ», стоятъ, какъ и древніе йогины, «выше добра и зла». Въ этой части своего ученія, принесенной изъ Индіи, гностики предвосхитили современнаго «сверхъ-человѣка» и даже имѣли своего ницшеанца, въ лицѣ еретика Карпократа, который, впрочемъ, съ большимъ цинизмомъ придалъ ученію низменный характеръ, утверждая, что все различіе межъ добромъ и зломъ зависитъ отъ «точки зрѣнія», и на этомъ основаніи проповѣдывалъ полную «свободу страстей». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же,—но это уже не въ духѣ Ницше,—требовалъ имущественнаго и семейнаго коммунизма, предваряя такимъ образомъ нашихъ коммунистовъ.

Проходя кругъ высшаго духовнаго развитія, прежній «перстный человѣкъ» преобразуется, учать гностики. Всѣ слѣды личнѣй грѣховности и «природнаго міроваго зла», проникшаго до самыхъ глубокихъ соковъ всего физическаго существа человѣка, омываются «водой» и сжигаются «огнемъ» мистическихъ очищеній, «духъ святъ» разгорается въ «тѣлѣ святомъ», въ чистой «храминѣ» *обоготворенной плоти*. Душа посвященнаго—первозданно свѣтлая, *душа въ своей истинѣ*, та прекрасная *идеальная правда*, ставшая *жизнью*, какой она сіяла нѣкогда въ божественной

творческой мысли и любви, восхищая своей красотой самого Бога. Пневматикъ, покоясь душой въ Божественномъ Существовѣ, живетъ въ чудномъ мирѣ сердца, выше тлѣнной и страстной природы, выше условнаго добра и условнаго зла земнаго круга, въ ангельскомъ невѣдѣннїи зла и въ ангельски-природномъ дыханїи добра, и по смерти *восуществляется* въ свой вѣчный образъ, въ красоту, прекрасную даже въ небесахъ, какою душа была нѣкогда «предъ очами Бога»... Помимо внѣшнихъ условїй спасенїя ритуальнаго характера,—напримѣръ, «крещенїя водою, огнемъ и духомъ», о которомъ говорится въ книгахъ коптскихъ гностиковъ,—необходимымъ внутреннимъ условїемъ была нравственная чистота. О высотѣ гностическихъ идей въ области морали даетъ представленїе легенда Ѳомы. Онъ былъ извѣстенъ какъ искусный *строитель*, и одинъ царь въ Индїи поручилъ ему выстроить Чертоги, снабдивъ его въ изобилїи золотомъ. Царь уѣхалъ, Ѳома же, не приступая къ стройкѣ, проповѣдывалъ людямъ Благую Вѣсть Любви, а золото раздавалъ бѣднымъ. Вскорѣ царь присылаетъ узнать, какъ идетъ постройка Чертога. Ѳома извѣщаетъ, что скоро начнетъ «увѣнчивать зданїе», но для этого еще нужно золота. Царь вновь присылаетъ, и Ѳома опять раздаетъ нищимъ, вдовамъ, сиротамъ. Наконецъ царь узнаетъ, что Ѳома проповѣдуетъ прекрасное ученїе, исцѣляетъ больныхъ, помогаетъ несчастнымъ, вразумляетъ злыхъ, золото раздаетъ бѣднымъ, а самъ живетъ какъ послѣднїй нищїй, питаясь *водой, солью и хлѣбомъ* и имѣя *только одну* одежду. Прїѣхавъ, царь спрашиваетъ, гдѣ же Чертогъ. Ѳома отвѣчаетъ, что Чертогъ уже построенъ для царя, но царь еще не можетъ видѣть земными очами, и увидитъ, когда умретъ. Разъяренный царь приказалъ

бросить его въ темницу и держать тамъ, пока не придумаеъ ему ужасную казнь. Но въ ту же ночь умеръ братъ царя, и душу его взяли на небо. Когда ангелы показывали ему Чертоги, уготованные праведнымъ, и спрашивали, въ какомъ бы онъ желалъ жить, онъ указалъ на одинъ, прекраснѣе всѣхъ, но ангелы сказали, что этотъ дивный Чертогъ построилъ Оома для царя... Мудрость, познаніе Бога, праведная жизнь, достойная *Божьяго челоуѣка*, земное совершенство *по Богу*, по образу совершенства небснаго было желаніемъ сердца у гностиковъ. Высшіе символы гностической религіи спасенія: Софія—Премудрость, вѣнчанная съ Божественнымъ Женихомъ, Слово—Жизнь, Духъ—Истина, челоуѣческое «сыновство», или «усыновленіе Божіе». Чистѣйшіе изъ чистыхъ удостоивались «видѣній» и «откровеній». Земная жизнь—вотъ истинная смерть, и только «умирая, челоуѣкъ оживаетъ», одѣвается небсною жизнью. «Посѣянный» въ земной средѣ въ «тѣлѣ душевномъ», возстаетъ въ родной вѣчнсй стихіи въ «тѣлѣ духовномъ». Самъ земной духъ челоуѣка именуется въ гностической символикѣ «мертвецомъ», ибо, чистый и вѣчный, онъ зарытъ здѣсь въ тѣлѣ, какъ въ гробу и могилѣ. Вообще гностическая теологія въ высшей степени символична, почерпая свои образы преимущественно изъ библейскаго круга. Напримѣръ, въ сектахъ офитовъ и ператсвъ Змій является символомъ Божества. У ператовъ Офисъ—Змій есть Сынъ Божій, нѣкогда принявшій челоуѣческой видъ въ лицѣ Іосифа, который въ іудейскомъ гнозисѣ имѣетъ значеніе «прообраза». Нужно замѣтить, что символъ змѣи встрѣчается въ египетскихъ, греческихъ и финикійскихъ мистеріяхъ. «Мудрый Змій» былъ символомъ Божественной воли, мысли, Логоса. Въ гностическихъ изображеніяхъ «міровой

кругъ» обвить Зміемъ, обнявшимъ своими могучими кольцами вселенную и міръ человѣческой. Интересенъ гностическій комментарий къ «Исходу». Египеть— земное тѣло, и всѣ, кто поработенъ здѣсь плотью, находятся въ плѣну египетскомъ. Выйти изъ Египта— значитъ освободиться отъ темной власти тѣла, переходъ черезъ Красное Море знаменуетъ переходъ къ «Иному Берегу» чрезъ «океанъ чувственной природной жизни». Пустыня—наша суетная жизнь, для добрыхъ она стезя испытаній, для злыхъ погубная юдоль; здѣсь моисеевы «змѣи пустыни» мучать и губять тѣхъ, кто не взираетъ съ вѣрою на Небо и Вознесеннаго Змія. Этотъ «Истинный Змій», воздвигнутый Моисеемъ, «пригвожденъ къ кресту» въ земной плоти; тѣ, кто спасается «вѣрою въ Змія», счастливо переходятъ Пустыню и идутъ къ Землѣ Обѣтованной, въ царство «духовныхъ чувствъ», гдѣ «Небесный Иорданъ», гдѣ «Душа Міра». Очень любопытенъ въ іудейскомъ гнозисѣ еще одинъ миѳъ «Змія», не лишенный своеобразной красоты. Богъ Элохимъ узрѣлъ Дѣву-Змѣю: до чрева дѣву, далѣе змѣю. Имя ей Израэль, или Эдень. Богъ возлюбилъ ее, и отъ этой любви родилось двадцать четыре ангела. Позднѣе, при раздорѣ, возникшемъ межъ Мужемъ и Женою, двѣнадцать изъ нихъ склонились къ Отцу и двѣнадцать къ Матери. Третьимъ изъ первыхъ былъ Варухъ, изъ вторыхъ Нахась (Змій); символъ перваго древо жизни, второго—древо познанія. Тогда Элохимъ сотворилъ міръ и когда взошелъ на небеса, чтобы съ высоты полюбоваться своимъ созданіемъ, онъ увидѣлъ *надъ собою* дивный свѣтъ, сущій, а не сотворенный, какъ остальное, его волею и силой. И видя, воскликнулъ: откройте врата, да вниду и познаю Бога Истиннаго, ибо мнилъ я, что я—Господь. И услышалъ изъ Свѣта

Гласъ: Се—врата Господни, Праведные войдутъ ими. Двери отверзлись, и Элохимъ восходитъ къ Благому и видитъ Всевеличіе Чудное. И Благій сказалъ ему: сядь одесную Меня. И возсѣлъ. И теперь раскаялся Елохимъ, что Пневму (Святого Духа) сообщилъ недостойному и грѣшному, каковъ весь міръ человѣческой, и возжелалъ отнять отъ міра Духъ Святой, и міръ распался бы въ хаосъ. Но Благій сказалъ: «Ты не сотворишь зла, пока со Мною пребудешь; ибо изъ взаимнаго благоволенія вы создали міръ, ты и Эдень; пусть же Эдень править міромъ, покуда пожелаетъ, ты же пребудь со Мною». Дѣва-Змѣя, покинутая Мужемъ, пытается вновь увлечь его на землю, вся разгорается чарующей красотой, дивно украшаясь въ своихъ твореніяхъ, но возшедшій богъ не трогается ея мольбами и любовью, и она чувствуетъ, что потеряла его навѣки. Въ гнѣвъ она мучитъ теперь ненавистный ей человѣческой родъ, ибо въ немъ есть еще живой духъ Элохима, его «святой духъ», и, муча людей, она мучитъ его; въ ненасытной жадѣ мести она разжигаетъ людей порочными страстями, туманитъ и губитъ «частичку божества» въ ихъ сердцахъ ложью и зломъ.

Изъ развѣтвленій гностической вѣры очень интересна «манихейская ересь» III в. по Р. Х., въ которой особенно ярко отразились религіозныя идеи Персіи и Индіи. Свѣтъ и Тьма въ неустанной борьбѣ; Человѣкъ,—вѣчный идеальный типъ человѣка, вѣрнѣе Человѣкобогъ,—въ этой борьбѣ Свѣта и Тьмы распадается на два Лица: одинъ, Вѣчный, Чистый, Божественный—въ небесахъ, недоступный земному зрѣнію, но благотворящій міру таинственными путями, «спасающій» міръ; другой погруженъ въ стихійный хаосъ вселенной какъ Духъ и въ ней ведетъ постоянную

борьбу со Зломъ. Хотя манихеи и называли его «Христомъ, пригвожденнымъ къ плоти», но въ дѣйствительности въ немъ несомнѣнный образъ *Атмана* Индіи, безъ всякихъ чертъ христіанскаго Христа. Душа, въ подвигахъ праведной жизни побѣдившая земное зло, восходитъ къ небесамъ. Въ картинѣ небснаго восхожденія души повторяются представленія персидской теологіи. Въ «царствѣ Славы» душа находитъ наконецъ свою «истинную отчизну», гдѣ свѣтъ вѣченъ и радость нетлѣнна. Грѣшныя же души совершаютъ кругъ перерожденій, воплощаясь въ новыхъ тѣлахъ, пока вполнѣ не очистятся отъ грѣховъ: угнетавшій самъ испытаетъ потомъ всѣ муки угнетеннаго, убивавшій животныхъ и поѣдавшій ихъ тѣло, самъ переживетъ всю ихъ горькую жизнь, будетъ убитъ и пожранъ и т. д. Нравственное ученіе манихеевъ также отмѣчено буддійскими чертами: обѣтъ цѣломудренной жизни, воздержаніе отъ мяса и вина, запретъ убіенія животныхъ, птицъ и рыбъ, вкушеніе только растительной пищи. Манихейское ученіе увлекало очень многихъ, а философія «душе-скитальчества», какъ возмездіе и очищеніе, заинтересовала даже Августина. Блаж. Іеронимъ говоритъ въ письмѣ одной дѣвѣ: «Такіе христіане (манихеи) осуждаютъ Правосудіе Божіе, нашептывая (людямъ): почему же—говорятъ они,—одни рождаются среди христіанъ, а другіе среди нечестивыхъ и лишены (безъ всякой своей вины, только въ силу случая) познанія Истиннаго Бога?» И ранятъ какъ скорпіонъ сердца простыхъ людей, вливая ядъ сомнѣнія. «Неужели безъ вины,—говорятъ,—младенца, не сдѣлавшаго ничего ни злого, ни добраго, поражаютъ жестокія болѣзни? Неужели безъ вины люди терпятъ то, чему часто не подвергаются нечестивцы, но рабамъ Бо-

жімъ приходится переносить? Если судьбы Господни истинны, оправданы *вкупъ* (Пс. 18, 10) и нѣтъ неправды у Бога, то самъ разумъ вынуждаетъ насъ вѣрить, что душа обитала въ небесахъ и за какія-то древнія прегрѣшенія осуждена на заключеніе въ человѣческомъ тѣлѣ, погребена въ немъ, и въ земной юдоли мы терпимъ наказанія за прежніе грѣхи». Это нечестивое и богохульное ученіе, занесенное изъ Египта и съ Востока, скрываясь какъ въ змѣиныхъ норахъ, гнѣздится среди многихъ христіанъ».

Все имѣетъ «свои времена и сроки», и гнозисъ, внеся свою долю вліянія въ исторію культуры, умолкъ навѣки. Лишь изрѣдка тѣ или инья, давно забытыя гностическія идеи: «трехъ тѣлъ», «грядущаго Духа», будущей «религіи Святого Духа», какъ блуждающее сѣмя, ищущее гостепріимной почвы, привлекаетъ изрѣдка философское и поэтическое вниманіе. Въ то же время едва ли не самая важная въ гнозисѣ философія пневматизма, если еще и ютится въ наше время, то исключительно въ обезображенной формѣ «наитій» въ народныхъ сектахъ, какъ осколки древнихъ мистерій сохранились только въ масонскихъ обрядахъ. Философская «реставрація» гнозиса можетъ быть плодотворна только въ долѣ научныхъ изысканій, проливая свѣтъ на многія темныя мѣста въ исторіи нашей духовной культуры. Все же, что и въ гнозисѣ среди хаоса легендъ, мифовъ, символовъ, несло печать вѣчно-истиннаго, было не собственной творческой мыслью гнозиса, но отраженнымъ отъ былыхъ великихъ ученій обтлескомъ единой, неизмѣнной, «вѣчно равной себѣ» Истины, въ потокѣ временъ и народовъ облекавшейся въ свои многообразныя «одежды времени».

T E D E U M.

Отъ востока и до запада велико Мое Имя среди народовъ, и всюду Имени Моему приносятся чистые дары и куренія жертвы.

Хвалите Господа всѣ народы, прославьте его, всѣ племена, велика его милость къ намъ, и Истина Господня во вѣкъ.

Надъ всѣми людскими представленіями, нерѣдко «слишкомъ человѣческими», рисующими Бога «по образу и подобію» человѣка, возвышается образъ Отца-Бога, для котораго нѣтъ ни любимцевъ, ни обойденныхъ пасынковъ: «Ты любишь, ничѣмъ не гнушаешься, что сотворилъ, ибо не создалъ бы, если бы что ненавидѣлъ. И какъ бы могло быть что, если бы не восхотѣлъ. Но ты все щадишь, потому что все твое, Боже, любящій жизнь... *Я люблю любящихъ меня*,—говоритъ Господь, —*меня найдутъ ищущіе меня*». Великія религіи міра созданы любовью къ Богу, страстнымъ исканіемъ Его. «Нѣтъ ничего на землѣ, достойнаго стремленій, ничего достойнаго радости кромѣ Бога», говоритъ восточная мудрость. Сквозь истины міра, которымъ поклонялась мысль человѣчества, глядитъ Вѣчная Истина, всюду ея дыханіе. Міровыя религіи—своеобразно-прекрасныя волны въ великомъ, чудно-встревоженномъ морѣ мысли и любви къ Истинѣ. Только въ наивно-злой душѣ могли родиться сказанія объ обойденныхъ Вѣчною Правдой, забытыхъ, отринутыхъ пасынкахъ Бога. Отецъ, одѣвающий въ одежды красоты полевой цвѣтокъ, ласково кормящій птенцовъ, благословляющій младенцевъ,

которые не ищутъ его,—Онъ слышитъ *сердца встѣхъ*, знаетъ, какъ велика любовь къ нему народныхъ множествъ во всѣхъ концахъ земли, какъ чисто и свято желаніе истинныхъ познаній его Божества. «Каждая религія,—говорилъ М. Мюллеръ,—содержитъ драгоценныя зерна истины, и въ каждой среди временнаго и человѣческаго есть вѣчное и божественное». Вѣрующіе въ Бога и въ Богѣ познавшіе *Бога—Любовь и Истину*, не могутъ вѣрить, что миллиарды людей покинуты, презрѣны и прокляты Богомъ, что всѣ ихъ теплыя мольбы тщетны и ложны, встрѣчаютъ только холодное презрѣніе Небесъ. Если наука—магическій жезлъ, который вызываетъ тѣни прошлаго, то *любовь*—та сказочная живая вода, которая оживляетъ и заставляетъ говорить былую душу. За истинность религіозныхъ чувствъ, за то, что вѣры не «священное безуміе немногихъ», не очаровательныя сказки древнихъ поэтовъ, что въ своей исторіи *подъ знакомъ Бога* человѣчество шло вѣрнымъ путемъ, говорить вѣковѣчный *опытъ*. Пусть иногда наивны обряды и образы, все же въ каждомъ культѣ есть свои *божественныя минуты*, пусть темныя стороны людской природы вплели въ иныя религіи темныя элементы, все же повсюду много глубокихъ чувствъ, блеска мудрости: нравственно-уродливыя явленія, подчасъ связанныя съ народными суевѣрными обычаями, не затемняютъ духовной красоты всей религіи, ничтожная оболочка не заглушаетъ великихъ идей. «Слово» вѣры нерѣдко безсильно вмѣстить всю безконечность и красоту ея *души*. Грубо земное, мелкочувственное связано съ культомъ, но не *чистою вѣрою*, живущей въ культѣ, какъ вѣчная душа въ брennomъ тѣлѣ. «Все, даже самое святое и возвышенное,—говорилъ Кантъ,—уменьшается

въ рукахъ людей, когда входитъ въ обиходъ». Можетъ быть, самыя святыя слова Истины, самыя чудныя идеи мудрецовъ и геніевъ вѣры не дошли до насъ или дошли въ искаженномъ, «уменьшенномъ» видѣ, ибо только въ великихъ же *созвучныхъ* душахъ отразится въ полной красотѣ великое слово, а «проводящая среда» всегда обильна людьми мелкаго пониманія и неглубокаго сердца. Кромѣ того, едва ли какая религія въ мірѣ была вполнѣ закончена, а не находилась постоянно въ развѣтїи и созданїи, ибо вѣра всегда является сама для себя своимъ *высшимъ идеаломъ*. «Кто мы? откуда явились? почему живемъ, куда уходимъ? о, познавшіе Брахмана, скажите, кто повелѣлъ намъ быть здѣсь, среди радостей и страданій, кто причина: время, природа, рокъ или случай, или Духъ Верховный?»—съ такого раздумья начиналось исканіе древнихъ, а кончалось идеею Бога—Духа Упанишадъ, мудростью Заратуштры: «та вѣра высшая, которая *рõждаетъ въ мірѣ святость и правду въ мысли, словъ и дѣль*», буддійскимъ познаніемъ совершеннаго бытія, для котораго не нужны формы ни плоти, ни духа, идеей Божественной Жертвы мистерій, вселенскимъ познаніемъ пути къ новой Высшей Дѣйствительности, тѣмъ *сбщимъ живымъ чувствомъ Бога*, которое выражено восточнымъ поэтомъ: «пусть я превращусь въ ничто... а какой-то голосъ мнѣ шепчетъ: всѣ мы вернемся къ Нему»... Всюду «человѣкъ нетерпѣливо бьется въ узкихъ рамкахъ земнаго бытія», жаждетъ узнать своего Отца, и въ этомъ вѣчномъ тяготѣнїи человечества къ своему Богу столько святыхъ страданій и святой любви. Можетъ быть, только страницы религіозной жизни народовъ—вѣчныя страницы ихъ исторїи. Каждая вѣра своеобразная поэма религіозной любви,

въ каждой есть *своя* красота и *вѣчная* красота. Въ низинахъ культа встрѣчаются темныя и грубыя черты, но въ каждомъ, на вершинахъ его идеала и святости, среди идей Бога, спасенія, вѣчности, есть истины, согрѣтыя въ сердцѣ Божьемъ, есть безконечная красота, божественность. Пусть только немногіе отблески Истины видитъ человѣкъ, но все же онъ узнаетъ въ нихъ *ее*, ея дѣйствительный свѣтъ и образъ. Нѣтъ одного исключительнаго пути къ Божеству. Пути безконечны, какъ безконеченъ духъ человѣчества, и не узкое однообразіе, но великая множественность познанія и поклоненія составляетъ незримое духовное царство Божества въ людскихъ мірахъ. Древніе мудрецы—сыны человѣчества, рожденные любовью и жаждой земли къ своему Богу. Мудрость ихъ вѣры выросла въ глубокомъ *чувствѣ Бога*. Тому, кто весь истина, весь красота, весь любовь и чудо,—Невыразимо Чистому и Святому они жаждали поклоняться сердцемъ и мыслью и могутъ сказать вмѣстѣ съ Аполлоніемъ: «время, божественное вдохновеніе и любовь къ мудрости оправдаютъ насъ».

Чрезъ слова, обряды и символы надо смотрѣть въ самую *душу* религій. Какъ легко обмануться своеобразными формами чужой вѣры, видно, напри- мѣръ, изъ словъ одного писателя: «чистое единобожіе мусульманства возвышаетъ эту религію надъ культурами Индіи». Увы, эта «лучшая вѣра» залила полміра невинною кровью, замучила и истерзала сонмы людей, а «худшая вѣра» Будды, «Цвѣтка-Лотоса съ Бѣлымъ Сердцемъ», Йога, вишнуизмъ, вѣра Махавиры неповинны предъ Богомъ и исторіей ни въ одной каплѣ крови, пролитой «во славу вѣры». Вдохновенная поэзія, роскошное разнообразіе религіозныхъ красотъ сказочной Индіи, Египта, Греціи, Персіи—

все полно жизни, души, яркихъ красокъ и свѣта, все создано жаждою народовъ быть *народомъ-Богопріимцемъ*. Кто-то сказалъ: «опасно восходить до источниковъ религій»: какъ красавицы-рѣчки начинаются въ скудномъ ручейкѣ, такъ вѣры возникали изъ чувствъ, далекихъ отъ всякаго идеализма, вызванныхъ дѣтскимъ невѣдѣніемъ и страхомъ. Нѣтъ, какъ ни далеко отъ желанной полноты современное знаніе древнихъ религій, нельзя отрицать очевидности: во всѣхъ религіяхъ *божественное вдохновеніе* течетъ неизмѣннымъ потокомъ. Возвышенные мудрецы древности видѣли сквозь черты народныхъ божествъ *невыразимую Божественность* и въ *Небѣ Тайнъ* надъ небесами, міромъ и жизнью прозрѣвали несказанную Святыню, *Истину-Бога*, инстинктомъ истины чистаго сердца узнавая, *Чей свѣтъ*, *Чья любовь* свѣтитъ ихъ любви и познанію. Повсюду встрѣчаемъ надежду на *стезю безсмертія*, которая проводитъ душу чрезъ темное загробное безмолвіе въ просторы Духа и Свѣта, повсюду вѣру въ *безкснечную силу* любви, способную претворить *безплотныя истины* сердца, правды и разума въ *живую правду*, а сердце, полное Богомъ, затеплитъ свѣтомъ небснаго утѣшенія для скорбныхъ и несчастныхъ. Постоянное философское движеніе религій показываетъ, что *созерцанія вѣры* безконечно глубже *словъ и образовъ* культовъ, что религіи не вылились въ свою высшую форму и жизнь не прониклась всецѣло священнымъ сознаніемъ вѣры.

Всѣмъ религіямъ свойственна, въ той или иной формѣ, идея человѣка съ божественной душою или сошедшаго Божества, а въ мистеріяхъ она расширяется въ идею Божественной Жертвы. Всюду мудрецы обращаютъ къ своимъ народамъ какъ бы

одно вѣщее слово: «Пойте Богу, бряцайте Господу, царства земныя! Служите не ничтожнымъ божествамъ, но Богу, грядущему въ Небесахъ Небесъ, живущему превыше небесъ видимыхъ и постигаемыхъ, ходящему въ небесахъ Востока Вѣчнаго, незаходимаго, озареннаго несозданнымъ Солнцемъ!» Вѣра народовъ въ явленіе Бога на землѣ въ образѣ человѣка, который «поживетъ съ людьми», какъ дивное Историческое Видѣніе, неутолимая жажда видѣть и слышать своего Бога,—это самая глубокая правда людского сердца и, можетъ быть, самое святое и вѣчное, что есть въ исторіи. Древніе не считали невѣроятнымъ божественное нисхождение въ міръ, нарушающимъ законы логики и законы природы, ибо кромѣ логики земного разума есть *Логика Любви*, надъ «міропорядкомъ» возвышается *Порядокъ Правды*, надъ законами природы *Завѣты Сердца*... Вмѣстѣ съ вѣрой въ воплощеніе, которое *освящаетъ и возвышаетъ земную долю*, всюду встрѣчаемъ вѣру въ наитіе, небесное вдохновеніе,—вѣсти изъ дальняго Божьяго міра, отблескъ Вѣчныхъ Тайнъ, упاداющій въ земной кругъ. Почти всюду также встрѣчаемъ вѣру въ божественную Жену, Дѣву или Матерь и въ ней образъ *идеальнаго женства*, какъ въ воплощенномъ божественный идеаль челоѣка.

Многіе изъ древнихъ культовъ, какъ *тѣла* вѣры, умерли давно, и только *вѣчно-живое*, что было въ ихъ мудрости и любви, сроднилось съ челоѣческимъ духомъ, не умереть въ мірѣ идей и вѣчныхъ чувствъ. Въ своихъ *вѣчныхъ моментахъ* древность живетъ въ вѣчности, но не оживима во времени. Тѣмъ не менѣе въ ней много поучительнаго и для западной мысли. *Мистическая драма* бытія глубже чувствовалась древники, ихъ мысль жарче обнимала кругъ высшихъ

религіозныхъ идей, въ предѣлахъ котораго вращается мысль новыхъ вѣковъ, и жадно устремлялась къ безконечности, къ *Святыню въ вѣнцѣ мірозданія*. Древніе сознавали, что твореніе покоится не на «планахъ» и «замыслахъ» Божества, но вызвано къ жизни любовью и чуднымъ желаніемъ, имѣло какое-то тайное значеніе въ безконечно священной мистеріи Божественнаго бытія. Тамъ, гдѣ западная мысль движется межъ двумя полюсами: механизмъ вселенной и механизмъ міровой идеи (философія развитія), востокъ видѣлъ жизнь и дѣйствіе, волю и свободу, святыню и тайну, и на мѣстѣ «плановъ міробытія» вѣчную священную мистерію Бога и человѣка, Бога и міра. Древніе вѣрили, что тайна богообщенія «осуществится» не въ отдаленномъ «богочеловѣчествѣ», но вѣчно свершается и будетъ свершаться для каждаго, для однихъ здѣсь, для другихъ только въ иномъ мірѣ, въ блаженствахъ, въ страданіяхъ. Древніе мыслили: Богъ и человѣкъ, каждый человѣкъ въ своей личной жизненной драмѣ *сына и Отца*. Если даже говорить о «цѣляхъ» для Бога, то его цѣль — *человѣкъ*, а не дальнее высшее или «обожествленное» человѣчество. Такое понятіе безконечно возвышаетъ каждаго въ достоинствѣ *сына вѣчности и свободы*. Мысль о какихъ-либо «конечныхъ цѣляхъ, поставленныхъ Богомъ себѣ, міру и человѣку», умаляетъ безконечность Божьяго величія, и въ Сердце Божіе, хранящее Святыню, Истину, Тайну, пытается внести нѣчто низшее Божества. Можетъ быть, крайняя степень философскаго кощунства—влагать въ «планы» Бога свои сбивчивые, дѣтски-несовершенные чертежи. Смыслъ человѣческой жизни обращенъ въ древнихъ понятіяхъ не къ *дальному во времени* (прогрессъ и развитіе), но къ *высшему въ вѣчномъ*, «конечныя цѣли» не отодвинуты

въ конецъ историческаго процесса, идеалы лежатъ не «въ лучшемъ будущемъ», но въ томъ Прекрасномъ Вѣчномъ, куда вѣра уводитъ *каждую* душу и жизнь. Тщетны попытки фантазирующей схоластики уловить безконечныя *Божьи Думы*, отлить въ неподвижныя формы, и всѣ эти дѣйствительныя и мнимыя тонкости—тѣ «краски чуждыя», которыя со временемъ «спадаютъ ветхой чешуей» съ высокаго познанія. Философію, въ ея безсмертныхъ идеяхъ, кристаллизующихся въ вѣкахъ изъ аморфной массы исканій и мнѣній, двигали не Вагнеры съ своими «системами», но Фаусты, магизмомъ любви, вдохновенной Прометеевой смѣлостью исхищавшіе тайну, живую душу осязавшіе душу бытія.

Вѣнцомъ религіознаго сознанія является созерцаніе, связанное въ религіяхъ съ подвижничествомъ, нерѣдко съ отшельничествомъ. Отшельники приносятъ въ жертву своей высшей любви всю жизнь. Они покидаютъ земное не потому, что оно достойно только презрѣнія,—такая жертва была бы не цѣнной и скудной,—нѣтъ, все идеально-великое, даже самое безсмертіе и блаженство они готовы отдать за мгновенья близости Бога. Наша земная жизнь—такое недолгое ожиданіе у дверей вѣчности; она не пуста и не ничтожна, но только *мала* предъ той безконечной жизнью, которая священно проникаетъ уже здѣсь душу подвижника и въ *духовныхъ движеніяхъ* выноситъ ее далеко за предѣлы вещественнаго міра. Идея отшельничества имѣетъ всемірный характеръ,—*душевной литургіи любви, призывающей своего Бога*. Сущность отшельничества въ *великомъ созерцаніи*, а не въ удаленіи отъ міра. Созерцаніе, познаніе *святого интеллекта*, путь *божественной философіи*, не представляетъ исключительной доли под-

вижничества,—всегда и всюду оно являлось вѣнцомъ высшаго философскаго познанія. Великими созерцателями были многіе озаренные философы, поклонявшіеся Божеству въ духѣ и истинѣ, сознававшіе «предметы будущаго вѣка», для которыхъ здѣсь нѣтъ «истинныхъ именъ, но только одно видѣніе, высшее всѣхъ словъ и образовъ». По чудному опредѣленію св. Исаака, «разумъ есть *чувство жизни безсмертной*»; чистый разумъ, безъ тѣни земного, *плотскаго* духа, *безсмертно-зрящій*, въ «неизъяснимыхъ движеніяхъ» осязаетъ высшую духовность за предѣлами всего круга аналитическаго мышленія. Въ мірѣ есть тайная жизнь, доступная только *познанію святой любви*,—волненіе *міроваго чувства* бытія Бога, мистическій откликъ вселенной, чудно и тайно отвѣчающій Богу. Безконечно-святое, чистое загорается въ ней подъ вѣчнымъ жизненнымъ впечатлѣніемъ близости Бога. Весь міръ шепчетъ, что есть Нѣкто дивный, святой. И не есть ли самая красота природы—тайное волненіе всемірной любви и жизни, влекущейся къ Богу. Чудно встревоженная, внемлетъ душа всѣмъ своимъ внутреннимъ слухомъ, ждетъ въ священномъ испугѣ, горя небывалыми чувствами. Весь міръ какъ будто теряетъ свою массивность, становится прозрачнымъ, духовнымъ какъ мечта, какъ вѣчное видѣніе, застывшее въ духовныхъ просторахъ предъ Святынею Бога. Потоки міровъ и вѣковъ торжественно протекаютъ въ столпахъ сіяній Божьихъ, неуловимые привѣты съ удивительно трогательной и нѣжной лаской касаются души, и въ ней только одно желаніе—одѣть свою мгновенную жизнь вѣчнымъ свѣтомъ: «облистай меня, Свѣтъ Святой!» Нѣтъ ничего на свѣтѣ **выше** и краше *чувства Бога*, и всѣ радости земли

не стоютъ минуты *вѣчныхъ чувствъ*. Въ «Таинственномъ Богословіи» созерцающій познаетъ помимо познавательной силы,—безконечнымъ чувствомъ безконечной духовности. *Святое святыхъ* души закрыто для міра, только для Бога живетъ ея священная глубина. Предъ душой, сладко и страшно замолкшей, вспыхиваютъ мысли-видѣнія, несродныя міру, несродныя познанію, близко дышитъ *божественная вѣчность*, чувствуется *ея жизнь, ея дивный покой*... О, какъ ничтожно кажется тогда все земное, наполнившее здѣсь наше сердце ненавистью, нечистой любовью. Съ улыбкой грустнаго сожалѣнія смотритъ мудрецъ на отдаленную жизнь: «только сонъ, только сонъ мимолетный»... Мелкая злоба, ничтожное добро, пустыя страсти, жалкое убожество, жалкая роскошь, безстыдный блескъ вѣчно копошатся въ мірѣ, а надъ нимъ, вблизи насъ—Святыня, свершается *Вѣчное Таинство Бога*... Нашему ли темному сердцу жить и биться, *желая себя*, близъ Чуднаго Счастья міровъ... Не замѣчая страданій, какъ озабоченный путникъ не замѣчаетъ камешковъ на дорогѣ, небольно ударяющихъ по усталымъ ногамъ, всей душой устремясь къ далямъ Божьимъ, спѣшно проходить мудрецъ земною стезей, все отдавая ближнему, всѣ сокровища духа, а иныхъ не имѣетъ, всю любовь и святую силу сердца. Неподвижный, новый свѣтъ замогильнаго дня лежитъ, такъ поражая насъ, на рѣчахъ и думахъ мудреца печатью вѣчности и тайны. Жизнь созерцателей представляется на первый взглядъ крайне скудной и безсодержательной, тусклой, какъ загробная тѣнь, безъ свѣта, безъ красокъ, безъ тепла. Наша жизнь проходитъ въ плоскости земли и времени, ихъ—въ плоскости вѣчной мысли и духа, куда и насъ нѣкогда приведетъ, но

смерть, ихъ же привела жизнь и любовь. Безконечнымъ сердцемъ мудрецы обнимають весь земной міръ, любятъ его со святою мукой, какъ мать, страдающая за несчастнаго падшаго сына, какъ ангель, тихо, бессильно рыдающій у ложа погибшей души. За больныхъ сердцемъ, за скованныхъ злобой, за бессильныхъ понять Бога, потерявшихъ выходъ къ чудному міру,—о томъ, чего самъ грѣшный и темный міръ не жаждетъ себѣ, тоскуя, молится ихъ сердце. Душа ихъ, теплясь въ своемъ чистомъ, безвременномъ, безболѣзненномъ, чудно-затихшая, ненасытно приникла въ тайномъ лобзаніи къ слѣдамъ Бога, грядущаго вѣчно. Въ новомъ святомъ, пробужденіи, заново родившаяся изъ нѣдръ темнаго міра, она чувствуетъ въ себѣ такую глубину и тайну, о которой не догадывалась въ прежнемъ смутномъ, земномъ мерцаніи,—душа-красота, душа-вѣчность. Наединѣ съ собой, подъ тѣнью Міра Святыни, отряхнувъ послѣдній налетъ пыли земныхъ состояній, зардѣвшись новой, чудной духовностью, входитъ въ *Радость Господа* своего. Тихо и благостно теплясь, какъ живая лампада любви предъ Богомъ, жизнь чудно и странно замираетъ, уходя во что-то лучшее жизни, высшее, прозрачное, сладко тая подъ шопоть любви и молитвы. Въ этомъ духовномъ морѣ, обнявшемъ душу благодатною тишиной, проносятся небесныя вѣсти любви, блаженныя утѣшенія. «Душа видитъ Истину Божью *по силъ житія*», говоритъ св. Исаакъ; чѣмъ чище сердце, чѣмъ болѣе вся жизнь стала жаркимъ желаніемъ къ своему Богу, тѣмъ глубже раскрывается *тайный разумъ* чело-вѣка: *вѣчный разумъ*, предназначенный только для вѣчнаго, *познаніе любви*, уносящее душу къ Божественному Міру. «Приступая къ Богу,—говоритъ

св. Макарій,—должно совершать молитвы въ безмолвіи, великомъ покоѣ, но съ томленіемъ сердца. Сказано: «оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ, и будутъ два въ плоть едину». Если же плотская любовь такъ отрѣшаетъ отъ всякой другой любви, тѣмъ болѣе тѣ, кто вступаетъ въ общеніе съ вождѣннымъ Духомъ, отрѣшаются отъ всякой любви къ міру, и все въ немъ будетъ казаться имъ *излишнимъ*, ибо они—*плѣнены желаніемъ небснаго*, тамъ ходятъ ихъ мысли, покоится сердце». Высшій моментъ созерцанія—близость Несказаннаго Бытія, «вдыханіе ощущеній онаго новаго міра», по слову св. Исаака. Созерцатель теряетъ даже чувство своего тѣла, весь утопая въ духовной радости. «Всѣ помыслы,—говоритъ св. Макарій,—насыщены божественнымъ, безпредѣльно-небеснымъ, и чѣмъ-то чуднымъ, чего человѣческими устами невозможно изречь. Въ этотъ часъ человѣкъ говоритъ: о, если бы душа моя отошла вмѣстѣ съ молитвой»... Безконечно-чудное *Духовное Небо* близко дышитъ неприступной святыней. Душа сознаетъ себя *небесно-безконечной*, разгорается небывалыми чувствами,—только *для Бога*, только *предъ Богомъ* она такъ *прекрасно-свята*... «Плѣненные любовью,—говоритъ св. Макарій,—жаждутъ улучшить то неизъяснимое блаженство, которое предчувствуютъ, и ради чего ни во что вмѣняютъ на землѣ всякое благо и красоту, славу и богатство царей... Желаютъ одной лишь любви Небснаго Царя, удаляются отъ всего земного, чтобы ничто иное не проникало въ сердце, поглощенное радостью и созерцаніемъ... Иногда и самое *Явленіе Свѣта* въ сердцѣ открываетъ двери къ еще болѣе тайному, Дальнему Свѣту»... Это *новое бытіе* человѣка—не минутный порывъ экстаза, но *вѣчно-*

небесное взирание души, воскресшей въ безконечность, вновь ставшей небесно-безсмертной, небесно-свободной, небесно-духовной, вдыхающей Божественную Жизнь: «Истина есть ощущение по Богу,—говорит св. Исаакъ,—ощущение чувствами Духовнаго Ума». «Если, сказано у Ісанна Лѣствичника, близость любимаго человѣка радуется, внутренно измѣняетъ насъ, то какого измѣненія не сдѣлаетъ Небесное Присутствіе, когда невидимо приходитъ въ чистую душу»... «Истинная смерть, говорятъ подвижники, внутри, въ сердцѣ, и въ ней умираетъ внутренній человѣкъ. Кто перешелъ отъ смерти къ сокровенной жизни, тотъ живъ вовѣкъ. Черезъ море міра сего переплылъ къ острову будущаго вѣка». «Когда,—говоритъ св. Исаакъ,—горитъ сердце, распаляется день и ночь, и весь міръ для тебя—одинъ пепель, и льются слезы во время молитвы,—ты вышелъ изъ тьмы, ты переплылъ это море, завершилъ путь, вступилъ на Гору Божію. Когда приблизилось время воскреснуть въ тебѣ духовному человѣку, разжигается радость въ душѣ... Умъ возвышается надъ молитвой, въ обрѣтеніи высшаго молитва затихаетъ; тогда не молитвою молишься, но сердцемъ пребываешь въ непостижимыхъ вещахъ, выше смертнаго міра». «Въ движеніи молитвы, гсворитъ Максимъ Исповѣдникъ, умъ бываетъ восхищенъ Божественнымъ безмѣрнымъ свѣтомъ, не чувствуя ни себя, ничего изъ сущихъ, кромѣ Единаго, получая о Немъ чистыя и ясныя извѣщенія... Сволькшій страстный покровъ, облакаясь въ желаніе Бога и любовь, приобщеніемъ къ Божественному ставшій весь свѣтовиднымъ, переходитъ отъ земнаго въ божественное»... «Есть очи,—говоритъ св. Макарій Великій,—которыя внутреннѣе очей... Душа вся становится взоромъ, вся ликомъ, полна ду-

ховныхъ очей, стала свѣтомъ и духомъ... Устанавливая сердце и разумъ внѣ всего видимаго, вступаютъ въ *безвидное, безпредметное мѣсто вѣдѣнія*... Иногда Духъ объемлетъ ихъ въ несказанной радости, иногда душа успокаивается въ великомъ безмолвіи, тишинѣ и мирѣ... Молясь, плачутъ, возгораясь духовной любовью къ человѣчеству, и такой радостью и любовью разжигается сердце, что, если бы можно, каждому вмѣстили въ сердцѣ, не различая злого отъ добраго... Душа уязвлена любовью Духа, волнуется желаньемъ къ небесному Жениху, жаждетъ неизреченнаго общенія съ Нимъ въ святынѣ Духа... Люди, на которыхъ канула роса божественной жизни, тронула сердце любовью къ Небесному, отдаются въ плѣнъ Любви... Сердце ихъ тронута Божественной Красотой, на душу упала роса небснаго безсмертія». «Минувъ все видимое и мыслимое, говорить—св. Симеонъ, умъ, входя внутрь, живя паче жизни, не себя видитъ, Того, кто выше всего... Какъ сказать о томъ? Чья мысль проникнетъ?... Страшно, страшно... Свѣтъ вижу, который не въ мірѣ есть, вижу внутрь себя, и говорю, и люблю, и приникаю къ небесному»... Въ этомъ *упоеніи Вѣчнымъ* душа разрываетъ тѣсныя, земныя границы, разливается въ своей неисчерпаемой безконечности, безбрежно, благостно-чудно. Какое-то новое, неизвѣданно-великое чувство, болѣе прекрасное и глубокое, чѣмъ земная любовь, и которому нѣтъ имени, ибо оно не стало еще достояніемъ жизни, простираетъ всю душу къ міру въ великомъ движеніи: «Благодать,—говоритъ св. Макарій,—наполняетъ сердце глубокимъ миромъ, душа становится незлобива, какъ чистый младенецъ, и человѣкъ уже не осуждаетъ ни эллина, ни іудея, ни грѣшника, но на всѣхъ взираетъ съ чистымъ окомъ, *внутренній*

человѣкъ, и радуется о цѣломъ мірѣ, и всемірно желаетъ почитать и полюбить и эллиновъ, и іудеевъ». Въ душѣ разгорается *святая воля любви*, рвется къ міру *святая правда*, жажда напоить безгрѣшной радостью, утѣшеніемъ, счастьемъ каждое существо...

Богозрительная философія представляется невѣрующимъ только фантазіей и самообольщеніемъ. Говоря о невѣріи, мы имѣемъ въ виду не сказанное *фатовство невѣрія* и не простую неспособность къ скелькс-нибудь возвышеннымъ понятіямъ со стороны «душъ, опустѣвшихъ и одичавшихъ», по выраженію св. Макарія, но искреннее и серьезное сомнѣніе, нерѣдко мучительное для самихъ невѣрующихъ. Почему-то преобладаетъ мнѣніе, что невѣріе—особенность XVIII и XIX вѣковъ. Даже въ средніе вѣка встрѣчается не только невѣріе, но даже самое рѣзкое отрицаніе,—напр., одинъ незначительный итальянскій поэтъ заявляетъ, что «предпочетъ остаться въ вѣчности съ дьяволомъ, а не съ Богомъ», другой обращается къ Мадоннѣ съ единственною молитвою «не простирать къ нему своего милосердія» и «оставить его въ покоѣ» и т. д. То же самое и въ новое время: знаменитый политическій мыслитель, вдохновитель всего монархическаго идеализма, Жанъ Бодэнъ написалъ «неслыханно кощунственную книгу, въ которой насмѣхается надъ вѣрой,»—не дошедшую до насъ, такъ какъ все подобное уничтожалось и въ средніе и въ новые вѣка,—и, по благочестивому свидѣтельству современника, «умеръ, не раскаявшись, какъ песь». Главная причина *мыслящаго невѣрія*—привычка, по выраженію Карлейля, «прилагать масштабъ нашего карликоваго разума къ великому Божьему міру» и неспособность видѣть глубже того, «чѣмъ проникаетъ нашъ буравъ». Какъ извѣстно, самые глубокіе мыслители и ученые были

такъ или иначе вѣрующими, осуществляя прекрасный идеаль Гёте: «Истинный мыслитель испытываетъ испытываемое, а не поддающееся испытанію спокойно чтить». Конечно, иногда невѣріемъ называютъ простую неудовлетворенность болѣе философскихъ умовъ тѣми формами, въ которыхъ вѣра выражается въ окружающей жизни. «Черта варваровъ,—говорилъ Вольтеръ,—вѣрить, что Божество злобно и мстительно,—люди представляютъ Божество по своему образу»,—вотъ почва, на которой возникли въ европейской исторіи эпохи религіозныхъ преслѣдованій, инквизиціи, злобнаго фанатизма. Идею Промысла, которая до того свята и торжественна, что предъ нею можно только благоговѣнно поникнуть, какъ предъ недоступной святѣйшей тайной, мрачный духъ средневѣковья кощунственно обратилъ въ кровавое оружіе палачей. Можетъ быть, «непростительная хула на Духа Святого»—это именно тѣ грубыя и жестокія представленія, въ которыхъ люди отбрасывали на Божество свои хищныя чувства, змѣиную мстительность. Можетъ быть и слова книги Іова: «не даде безумія Богу» говорятъ о тѣхъ же людяхъ, которые, говоря и дѣйствуя отъ своихъ темныхъ и злобныхъ душъ, прикрывались «именемъ и волею Бога». Чѣмъ бы ни вызывалось невѣріе, ни одно, сколько-нибудь живое сердце не найдетъ въ немъ мира, да и едва ли вполнѣ вѣрить, что религія только «о богахъ былыхъ большая сказка». Пусть, по выраженію Платона, «зрѣніе нашего ума привыкаетъ къ сумеркамъ чувственнаго міра»,—душа неспокойна, тихо тоскуетъ, *ищетъ себя*, вся поглощенная чуждымъ, какъ будто смутно тревожась отдаленнымъ небеснымъ шелестомъ ангельскихъ міровъ. Въ этой земной жизни не одной только земною жизнью живетъ человѣкъ. Въ глу-

бинѣ души, самой далекой отъ поверхностныхъ переливовъ сознанія, связанныхъ съ внѣшнимъ міромъ, тихо тревожа ходять какія-то неясныя, далекія тѣни,— «на ряду съ чертами повседневной жизни, говоритъ Родъ,—встрѣчаются волнующія черты другой жизни, которую нельзя объяснить. Неуловимыя чувства, зыбкія видѣнія, образы безъ очертаній, таинственныя мелодіи, звучація чѣмъ-то лучшимъ, чѣмъ слова и звуки, святая тишина вѣчности, которая такъ ощутимо проступаетъ сквозь ночную тишину міра, какія-то пролетающія надъ тобой чудныя мысли, далекія отъ всякихъ формъ»... Человѣкъ изнемогаетъ предъ безконечностью міра, чувствуетъ, какъ стало узко сердце, груба отяжелѣвшая мысль, привязанная къ земному. «Однажды безсонной ночью,—разсказываетъ Карлейль,—я въ крайней тревогѣ вышелъ на дворъ. Была прекрасная ночь, и мѣсяць глядѣлъ на меня, словно изъ безднъ вѣчности. Внезапно я почувствовалъ такое угрызеніе совѣсти, почти ужасъ, что такъ много забочусь о себѣ, когда вся моя жизнь скоро будетъ поглощена великой тайной, которая простирается надо мной и вокругъ меня». У людей, менѣе способныхъ къ безсмертнымъ впечатлѣніямъ, переворотъ совершается нерѣдко подъ жестокими ударами судьбы, въ видѣ болѣзни, крушенія личнаго счастья, потери близкихъ. «Безнадежно потерявъ здоровье,—разсказываетъ Гейне,—я сталъ банкротомъ во всякомъ счастьѣ, и тогда-то нашелъ въ своемъ сердцѣ тайное мѣсто, гдѣ сокровище вѣры лежало до тѣхъ поръ незамѣтнымъ». И въ отдаленномъ вечернемъ звонѣ сельскаго колокола, который «гудитъ такъ дивно и такъ уныло, зоветъ и манитъ онъ въ край родимый, въ край благодатный, забытый мною», и среди весенней синей ночи, въ торжественной глу-

бинѣ небесъ какъ будто слышать, вострепнувшись, душа тихій зовъ Того, кто съ любовью склонился къ каждой живой пылинкѣ мірозданія: *вернись ко мнѣ...* Можетъ быть, вновь найденная вѣра принесетъ невѣрившему прежде новыя страданія. Увы, міръ не видѣлъ побѣднаго торжества идеаловъ. Смирная красота, святыня въ рубищѣ и заушенная, правда, тоскующая и въ слезахъ, молчаливо таящаяся отъ свѣта мудрость, сердце, завѣтное для небесъ и оплеванное на землѣ — вотъ здѣсь наше *высшее...* «Если бы необходимо было признать,—говоритъ Ренанъ,—что наша жизнь только грубая послѣдовательность грубыхъ фактовъ, неимѣющихъ никакой трансцендентальной цѣнности, оставалось бы только умереть». Ни чистая мораль, ни чистая философія не дадутъ успокоенія душѣ, хоть сколько-нибудь горячо жаждущей увѣриться въ смыслѣ своей жизни, но только религія. Безбожіе, *послѣдовательно проведенное въ жизнь*, разрушая душу и совѣсть, разрушитъ въ концѣ концовъ и все великое зданіе культуры. Безъ той *инстинктивной морали* долга и совѣсти, которую даетъ только вѣра, не можетъ быть никакой устойчивой общественной нравственности; законъ еще можетъ карать преступниковъ, но логически послѣдовательный общественный атеизмъ долженъ безусловно оправдывать каждое преступленіе, ибо безнравственность и преступность столь же «естественны и случайны», какъ и нравственность, которая въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой идеальной, *безсмертной цѣнности*. Если бы безбожіе въ конецъ захватило людской міръ, вся прежняя духовная жизнь съ ея мотивами безконечнаго значенія увяла бы навсегда и безнадежно, и высшія идеи религіозной философіи стали бы просто неразгаданными

ієроглифами для новаго, пресмыкающагося по землѣ человѣчества, карликовыхъ потомковъ когда-то парившихъ людей, наступило бы трудно вообразимое теперь варварство.

На ряду съ простымъ невѣріемъ существуетъ болѣе глубокая форма отрицанія: *критика божественнаго*. Ропоть смущенной мысли встрѣчается даже въ средніе вѣка, — напр., въ легендѣ Парцеваля несчастному герою вложены въ уста такія слова: «если бы Онъ былъ всемогущъ, не допустилъ бы этого (явной неправды жизни); преданно я служилъ ему, а теперь отказываюсь отъ служенія; пусть Онъ ненавидитъ меня, буду сносить его ненависть». Извѣстное іезуитское выраженіе: привлекательное великолѣпіе дьявола, *rompas diaboli*, оказалось пророческимъ: Демонъ, нѣкогда возмущенный древними «истинами, печальными, великими и ужасными истинами бытія», не разъ привлекалъ мечту поэтовъ и въ наше время настойчиво тревожитъ философскую мысль, окруженный ореоломъ трибуна правды и страдающаго человѣчества, гордый, тьмою сверкающій духъ, полный вражды и любви. Странная «прелесть демоническихъ чувствъ» отмѣчена еще Пушкинымъ, а въ «Потерянномъ Раѣ», несмотря на всю религіозность поэмы, истиннымъ героемъ является духъ гордой свободы, великолѣпный Сатана. Въ послѣднее время демонизмъ, въ новой и своеобразной формѣ, сталъ духомъ цѣлой философіи въ лицѣ Ницше, пытавшагося явиться *злбно-святымъ* «спасителемъ» міра, исцѣляя «ножомъ», безжалостно «вскрывающимъ» былую вѣру и любовь сердца, и «молотомъ», беспощадно разбивающимъ древніе храмы и алтари. Ницше мечталъ о новой религіи борьбы, въ которой проповѣдь смиренія смѣняется философіей героизма, и духъ подѣ

игомъ Креста духомъ подъ знакомъ Меча. Въ Ницше вылилась долго скоплявшаяся въ геніѣ человѣчества бурная, боевая своевольная мысль. Самъ Ницше не изъ вѣчныхъ филоссофовъ, но ницшеанство вѣчно и не разъ еще возстанетъ въ иной, болѣе свободной и глубокой формѣ. Оно уже входитъ въ философію въ облагороженномъ видѣ *воли и силы правды*, рядомъ съ созерцаніемъ ставитъ созданіе, рядомъ съ символомъ бѣлаго голубя образъ орла, и на ряду съ прощеніемъ и милостью, въ которыхъ только моральная побѣда надъ зломъ, стремится создать въ духѣ такую *силу вліянія*, которая даже самыхъ низкихъ людей заставила бы вздрогнуть, почувствовать высшее. Ницше не создалъ религіи *Святой Силы*, но все же предугадалъ возможное будущее, когда душа *превзростетъ* себя: ибо оживляясь *идеей, высшей себя*, душа становится живою творческой силой... Менѣе бурное, но глубоко-безрадостное движеніе возмущенной мысли выразилось въ скептицизмъ А. де-Виньи, который, обѣгая взоромъ исторію мысли и вѣры, съ грустной улыбкой останавливается предъ послѣдней надеждой— на прекрасный Міръ Истины, гдѣ больное, смущенное сердце ожидаетъ найти правду и чудо, утѣшеніе, слѣдкій отдыхъ: «но—кто же увѣрилъ васъ, что *Истина—непечальна?*»... Ужасающее сомнѣніе Ивана Карамазова, который явился нашимъ русскимъ, но болѣе страстнымъ, А. де-Виньи, выросло все же на почвѣ *великой вѣры*, жаждущей видѣть въ мірозданіи величественную правду и смущенной безучастнымъ молчаніемъ небесъ предъ вопіющимъ торжествомъ зла: «Небо, гдѣ же твоя правда, въ чемъ же твоя истина?» Но какъ на древній вопросъ философскаго скептицизма было отвѣтомъ святое молчаніе, такъ и предъ новымъ страданіемъ сомнѣній безмолвствуетъ

Вѣчное Безмолвіе: ибо *Божій Ликъ*, тихо сіяющій надъ темнымъ міромъ, однимъ своимъ *божественнымъ выраженіемъ чудныхъ думъ о мірѣ и правдѣ все и давно разъяснилъ людямъ и народамъ, взиравшимъ на него сердцемъ любви*. Неотмщенность неправды, мучившая Ив. Карамазова, была бы ужасомъ отсутствія Бога. Но есть Богъ,—и у Бога ли не будетъ утсѣляющихъ разрѣшеній неправды, святыхъ очищеній поруганной чистоты, радостныхъ претвореній слезъ человѣка въ утѣшеніе Божье... Только вѣра даетъ силу побѣждать страданія и судьбу. Не такъ тяжело жить среди этой жизни, пожирающей какъ сфинксъ наши краткіе дни и немногое счастье, когда знаетъ человѣкъ, что тамъ, далеко, за предѣлами всѣхъ предѣловъ есть Безконечно-Добрый, внимающій и нашей скорби, видящій и наше сердце: «Онъ видитъ народы, и какъ они смятены, и милосердуетъ о нихъ». Какъ нужна эта вѣра, когда такъ много людей, ищущихъ спасенья отъ жизни въ печальной безвременной смерти. Не человѣку быть судьей, ни злымъ ни милостивымъ, надъ братомъ, въ непосильной тоскѣ порвавшемъ свою жизнь. Праздное слово должно смолкнуть предъ этимъ страшнымъ дѣломъ великаго страданія человѣка,—здѣсь его собственный судъ, съ самимъ ли собой, съ судьбою ли, съ небомъ. «За что, за что, Господи?»—этотъ предсмертный судорожный вспль невыносимой скорби вырывается и у самыхъ смиренныхъ покорныхъ дѣтей Бога, довольныхъ бы даже крошкой счастья, упавшей съ блаженныхъ небесъ, и придавленныхъ здѣсь какою-то злой, преслѣдующей, словно издѣвающейся судьбой. «Подойди ко мнѣ и убей меня, ибо тоска смертная объяла меня, душа моя все еще во мнѣ», —какъ вѣченъ этотъ стонъ Іова... Болитъ душа, ничего не осталось въ мірѣ,

на чемъ бы взоръ страдальца могъ остановиться хоть съ минутнымъ утѣшеніемъ, и въ душѣ, подавленной невыносимой усталостью, только одна еще тлѣетъ жажда—заснуть, забыться безъ пробужденья, безъ возврата къ жизни, пусть даже лучшей, высшей... Неисчислимо людское горе, и не тѣмъ, кто не испыталь *убійственной судьбы*, кого не сжала она въ своихъ холодныхъ желѣзныхъ тискахъ, съ высокоомѣрнымъ сожалѣніемъ судить о гибнущихъ мученикахъ міра, жертвахъ жизни—за что, для чего?.. Только вѣра утолить больное сердце своей *святою прохладой*, обратить отчаяніе въ *святую печаль о мірѣ*, ангельскую грусть и молитву. Сознать себя вблизи Великаго Бога, значить найти такую высокую жизнь, какой не дастъ самое обаятельное умозрѣніе. Вѣрующей чувствуетъ свою жизнь *подъ свѣтомъ вѣчности*: «Приникла, припала къ тебѣ моя душа»,—можно ли найти высшую, болѣе прекрасную *законченность жизни*, какъ не это чувство близости Безконечно-Великаго, благословившаго и нашу жизнь-пылинку? Зная, что мы не одиноки въ мірѣ, не заброшенные здѣсь никому не нужные скитальцы, съ кроткимъ терпѣніемъ несетъ вѣрующей свою долю, самое обидное иго, безъ тоски и озлобленія, видитъ, какъ скорбно горитъ-догораетъ жизнь, истаетъ для вѣчности. Какъ по-новому мила и трогательна становится наша малая жизнь, этотъ только младенческой земной возрастъ *вѣчнаго чловѣка*, еще дороже недолгая близость тѣхъ, кто милъ намъ и дорогъ, теплѣе сердце, а въ немъ теплѣе молитва, и слышится Сладкій Голосъ, наплнившій всю бездонную вѣчность: «Какъ дымъ небеса исчезнуть, какъ ветхая одежда ислѣетъ земля и все живущее на ней,—Мое спасеніе пребудетъ вовѣкъ, и правда

Моя не престанетъ». Въ горѣ, при самсмъ жестокомъ крушеніи личнаго счастья вѣра навѣтъ сердцу нѣжное утѣшеніе, дастъ облегчающія слезы. Всѣ связи сердца становятся чудно-глубоки, а то, что отнято у нашей любви холодною смертію, все же останется съ нами, *по новому близко*, такъ безгрѣшно-близко, и знаетъ душа, что вновь свидимся мы, вновь соединимся въ еще болѣе радостныхъ, безконечно-чистыхъ сочетаніяхъ. «Какія бы волны ни возмущали поверхность души,—говорилъ Бисмаркъ,—ея самая *темная глубина* остается чистой и спокойной, пока въ ней отражается *Крестъ Господній*». Въ вѣрѣ человѣкъ живетъ своимъ *безсмертнымъ сознаниемъ*. «Наша душа,—говорили египетскіе мудрецы,—выше того, что мы о ней знаемъ, и *мудрѣе всѣхъ своихъ мыслей*». За внѣшнимъ сознаниемъ, обращеннымъ къ міру, есть безконечное духовное сознание. Въ немъ еще чувствуется, не остыло *божественное движеніе*, нѣкогда, въ творческой моментъ бытія, вызвавшее насъ къ жизни,—здѣсь притяженіе Духа и нѣтъ тяготѣнія къ землѣ. Въ это, по слову Упанишадъ, «свое внутреннее я, которое меньше всего и больше неба, больше всѣхъ міровъ», входитъ человѣкъ въ вѣчныя минуты жизни. Вся укрывшись отъ міра въ дыханіи вѣчности, душа узнаетъ близость Святого Присутствія: Боже, ты здѣсь... И все тогда, и любовь, и вѣра, необычайны, безпредѣльно - прекрасны, — только предъ Богомъ, только для Бога *такъ* горитъ душа, *такъ* она свѣтится... Что принесетъ въ отвѣтъ на ту радость наша душа, вдовица, бѣдственная въ мірѣ,—одно лишь безмолвное моленье любви, умиленные слезы. «Ты волновалъ мое сердце, Боже, и я горѣлъ нетерпѣніемъ, пока не удостовѣрюсь въ тебѣ». Познаніе Бога—*святой опытъ* жизни.

Только своимъ *небеснымъ чувствомъ* осязаетъ душа вѣчную ткань бытія, слышитъ мистическій шумъ вѣчности, чувствуетъ Безконечность Духа, въ которой утпаетъ безконечность вселенной, *Вѣчность Божественную*, которая обняла космическую вѣчность. Мудрецъ, *тутъ положившій сердце свое*, всѣмъ взорсмъ души устремленъ къ Божеству, но въ сердцѣ святая теплота къ людямъ, любовь и святая печаль. Взглядъ мудреца на земное—тихий и грустный взоръ души, увлекаемой къ небу, на мгновенье упавшій на міръ,—издали, съ грустнымъ удивленіемъ, все прощая, клонитъ сна взоръ къ навѣки оставленному міру. Религіозное сознаніе *течетъ въ вѣчности*, и лишь *мгновеньемъ земной жизни* проходитъ чрезъ міръ и время,—вотъ почему такъ мало нужно отъ жизни мудрецу: «я тревогой жизни не нарушу, я пришелъ на краткое свиданье». Вѣра придаетъ новое, строгое и величавое значеніе земнѣй жизни. Земной путь любви—путь подъ крестомъ. Вѣрующее сердце—безпокойное сердце, въ святой тревогѣ за другихъ, въ боли за чужую боль. Но никто не отдастъ жизнь *томленья по Богу и правдѣ*, полную святыхъ тревогъ, сладкихъ болей, за спокойствіе, не тревожимое никакимъ высшимъ волненіемъ, какъ никто, въ чьей душѣ временами горитъ нездѣшнее,—поэты, философы, художники, великіе музыканты,—никогда не помѣняютъ свою нерѣдко горькую долю на довольство и спокойствіе, купленное цѣнѣй недоступности *святыхъ безпокойствъ*. Вѣра создаетъ величіе духа среди несчастій и мечтательный *идеализмъ сердца* завершаетъ высшимъ идеализмомъ мудрости.

Скоро проносится слава «новыхъ движеній мысли», ничего не давъ, быстро угасаютъ увлекавшія «новыя слова», становятся ненужными, ничуть неинте-

ресными «жгучіе интересы времени», не гаснётъ только одна *вѣчная мысль*, живущая въ вѣрѣ и божественной философіи. Въ высшей мудрости вѣры духъ пламенныхъ серафимскихъ видѣній, въ ней Молитва, Любовь и Познаніе сливаются въ святой литургіи души, дивно носящей въ себѣ Духъ Безвѣстный и Чудный. Но не только тѣ, кто великъ мыслью, и убогіе духомъ, слабые, падающіе, находятъ въ вѣрѣ чудно-глубокое озареніе жизни. Та же *священная мудрость* богозрительныхъ философѣвъ свѣтитъ какъ *тихая вѣра* и въ сердца мытарей и смиренныхъ вдовицъ. Не каждый можетъ соткать прекрасныя одежды для своихъ завѣтныхъ думъ о Богѣ, любви къ нему. Но и простая молитва сердца, робко рѣшающаяся сказаться въ словахъ, любовь, не смѣющая поднять къ небу очей, не менѣе чѣмъ гимны, полныя серафимскаго пыла и мудрой любви, святы и праведны предъ Богомъ. Тамъ, гдѣ Святыня всѣхъ святынь, тамъ же Чудное Сердце, гдѣ безвѣстная Тайная Премудрость, тамъ же Отчая Любовь, и не только мудрецы великихъ созерцаній, но и каждый «поденщикъ жизни, рабъ нужды и заботъ», у кого не угасло сердце среди тусклой жизни, найдетъ свою радость въ Богѣ.... «Истина,—говорилъ Гете,—давно извѣстна,—пойми только *древнюю правду*... Какъ Христосъ ходилъ неузнаваемый среди людей, такъ и Истина живетъ среди насъ безъ всякихъ внѣшнихъ рѣшающихъ признаковъ». Очень часто новое только для насъ пониманіе старой идеи мы принимаемъ за новое открытіе. Разительный примѣръ подобной иллюзіи даетъ современный философъ Д. Мережковскій въ проповѣди новой церкви Св. Духа. Подобная идея извѣстна еще въ средневѣковой философіи. Опираясь на слова Апокалипсиса (14,6):

«И увидѣлъ я другого ангела, летящаго по срединѣ неба, который имѣлъ *Вѣчное Евангеліе*», средневѣковый философъ «новаго поклоненія въ духъ и истинѣ», Іоакимъ дель Фіоре, говоритъ: «Это Евангеліе названо *Вѣчнымъ*, потому что Евангеліе, оставленное намъ Іисусомъ и апостолами, временно въ смыслѣ формъ таинствъ, но вѣчно въ тѣхъ истинахъ, которыя символизируются этими таинствами... Первые времена (дохристіанскія) были эпохой познаванія, вторыя—мудрости, послѣднія будутъ временемъ полного разумѣнія. Первая эпоха—рабскаго подчиненія и страха, вѣкъ рабовъ, вторая—сыновняго повиновенія и вѣры, вѣкъ сыновъ, третья будетъ эпохой свободы, вѣкомъ друзей, эрой Св. Духа, апостоль котораго сказалъ: гдѣ духъ Господень, тамъ и свобода. То же самое говорилъ «еретикъ» Амори—де-Шартръ (ум. въ 1209 г.): «Наступитъ время, и таинства новаго завѣта кончатся, и начнется эра Св. Духа. Дѣйствіе Св. Духа начинается только теперь и продлится до скончанія вѣка»,—это будетъ эпоха Третьяго Завѣта. Зачатки той же мысли встрѣчаются еще у бл. Августина: «церковь Св. Петра—церковь вѣры, а церковь торжествующая будетъ церковью непосредственнаго созерцанія». Вѣра въ грядущую церковь Духа, религію *живой свободы, любви и духа*, не только не представляетъ никакой «святой и несказанной тайны», какъ говоритъ Д. Мережковскій, но, пройдя въ свое время довольно сильнымъ теченіемъ, завершилась общеизвѣстной формулой Скотта Эригены: «Третье, откровеніе Духа доступно на землѣ пока очень немногимъ, самымъ чистымъ и возвышеннымъ душамъ — *in primitis contemplationis*. Богъ открываетъ созерцателямъ доступъ къ Небесному Іерусалиму, возвышаетъ отъ церкви Бога-Слова къ

церкви Бога-Духа». Въ новое время то же утверждалъ Шеллингъ: «Время бывшее—время Отца, настоящее—время Сына, третья эпоха, будущая, будетъ эпохой Духа». На почвѣ «углубленія христіанства» возникли также: философская идея Тріединого Божества: Бога-Истины, Бога-Добра, Бога-Красоты; философія троичнаго христіанства: католичества, идеала религиозной *воли*, протестантства, идеала религиозной *мысли*, православія, идеала религиознаго *чувства*; схема трехъ христіанствъ: историческаго, небесно-мистическаго, и вѣчно-вселенскаго; сюда же примыкають: теорія новаго міровоззрѣнія, которое постепенно вырастаетъ на древней христіанской почвѣ подъ творческимъ свѣтомъ новой культуры, философія *Святой и Сильной Истины*, которая облечетъ въ полныя формы жизни то, что искало въ религиозной исторіи, «мѣняя свои одежды», истиннаго и вѣчнаго выраженія, и, наконецъ, нарастающее ученіе о *Всемірномъ Христѣ*.

Философія всѣхъ религій проникнута вѣрой въ загробное безсмертіе: смертная жизнь только прологъ къ высшей, небесной. Какъ мать, земная жизнь рождаетъ насъ для вѣчной, отъ дѣтства до старости мы растемъ душой для новаго рожденія. Въ насъ есть нѣчто, предназначенное для высшей, необозримой жизни, что только въ безсмертной стихіи разовьется безконечно—духовно, священно. «Скоро странствію земному твоему придетъ конецъ, ужъ готовитъ ангелъ смерти для тебя святой вѣнецъ. Отрѣши воловъ отъ плуга *на послѣдней бороздѣ*»... Въ томъ, что въ хаосѣ земнаго бытія души было въ ней *вѣчно-живое*, чистое, незапятнанное жизнью, она возвратится въ свою истину *въ Богъ*, вновь оживится въ той духовной красотѣ, въ которой жила нѣкогда, какъ *чистая*

идея въ нѣдрахъ Божественной Любви. Мечтою, тѣнью пробѣгаетъ земная жизнь. Наступитъ день, и тихій голосъ скажетъ: лягъ, засни... Въ земной нашей родинѣ останется отъ насъ память в малѣ,—тихая могилка на старомъ погостѣ, гдѣ все такъ безмолвно и грустно. *Господня земля*,—и тихо и тайно, и скорбно перегораніе въ ней нашего мертваго тѣла въ глубокой и жуткой тишинѣ могилы. Земля еси и въ землю псйдеши. Она носила насъ, питала своими соками, мать-кормилица, и вотъ мы вновь погружаемся, утомленные, въ ея нѣдра... Для каждаго изъ насъ наступитъ минута, когда приступить къ душѣ чудное видѣніе, и кто-то несказанный, сіяющій и незримый, встанетъ близъ и назоветъ душу по ея *вѣчному имени*, и она встрепенется, узнавъ себя, и встанетъ среди послѣднихъ смертельныхъ мученій тѣла, удивленно и радостно озираясь, и увидитъ за гранями жизни путь свѣта и духа, все выше, выше... «Близко при дверехъ»... Воззрѣвъ на Святое, мы поймемъ тогда, предъ Богомъ и вѣчностью, непонятую, отринутую истину своей земной, покидаемой жизни... Смерть—самый святой и торжественный часъ нашъ. «Дай мнѣ слезы, память смертнующую и умиленіе», чтобы въ тихой молитвѣ, непостыдно, мирно, отошла душа... Она пойдетъ, неся весь полный образъ себя во всемъ пережитомъ здѣсь, въ позднихъ слезахъ, не смѣя даже молиться, ждать Чуда Любви. За чертой смерти останется одна, ужасающе одна, во всей раскрывшейся совѣсти, среди безмолвной вѣчности, будто взирающей безчисленными, испытующими, огневыми очами... «Много благоуханій сгораеть на алтарѣ,—говорили о смерти древніе,—одно кладется ранѣе, другое позднѣе». Пусть же наша жизнь, и расцвѣтая, и разгораясь, и догорая, ку-

рится на жертвенникъ бытія достойно Иного Міра. «Смерть, — говорили подвижники, — не смерть, но скорѣе спасеніе отъ смерти; она выводитъ изъ тлѣнной обители, освобождаетъ отъ рабства, тревоги и тьмы, укрываетъ отъ стыда и позора... Выходя изъ вещественныхъ узъ, какъ второй материнской утробы, мрачной, въ невещественную, свѣтлую жизнь, смертью переходимъ къ лучшему бытію». Для вѣчной жизни возстанетъ уже не этотъ нашъ слабый духъ, по выраженію еп. смоленскаго Іоанна, «съ такимъ трудомъ развивающій здѣсь не широкія свои идеи, не глубокія чувства, не сильныя стремленія», но тотъ глубокій, тайный, жившій *въ небесахъ души нашей*, безтѣлесно слышавшій, зрѣвшій и осязавшій, внемлющій Богу, вѣчно-живой. Все дорогое, безгрѣшно-любимое, когда-то связанное съ нами на землѣ чистыми связями, и давно покинувшее насъ, придетъ къ душѣ въ счастіе небесныхъ свиданій, такъ долго ждавшее, и вновь сочетается съ ней въ такихъ чудныхъ связяхъ, въ такой святой любви, которыхъ не можетъ и вообразить земная мысль. Откроется вся глубина Святой Правды, и предъ нею, одинаково пораженные, падутъ и вѣрующій и невѣрившій. Восхищаясь, удивятся тому, что превзойдетъ всѣ земныя ожиданія и мечты о загробномъ мірѣ, и радостной правотой послѣднихъ разрѣшеній умилилъ каждое сердце, возмущенное гнѣвомъ и скорбью... Лучи Истины благостны и безгнѣвны, но они своей святой чистотой опаляютъ все грѣшное и злое. Одинъ тихій, укоряющій безъ укора, мучительный безъ гнѣва, взоръ Божій наполнитъ каждую душу, плачущую, блѣдную какъ смерть отъ грѣха и страданія, священнымъ мученіемъ. Душа сама будетъ желать мукъ подъ гнѣвомъ Божьимъ,

которыя утолили бы невыносимо жгущія страданія подъ взглядомъ безконечной Грусти и Жалости Божьей, и такъ нужны ей, такъ мучительно сладки для нея. Мы несемъ въ себѣ пламя огненнѣй адскаго: совѣсть. И при жизни она невыносимо казнить мучительной памятью, когда же вся до конца спадеть съ нея послѣдняя тѣнь земной жизни, и душа затрепещетъ предъ чуднымъ и страшнымъ Судомъ Правды, совѣсть проникнетъ душу невыразимымъ страданьемъ стыда. Жизнь неизживная, остановившаяся въ моментъ муки и смерти... Видѣть скорбно отверженные взоры Того, къ кому теперь такъ жадно, трепетно и такъ поздно рвется душа, кто самъ ее звалъ и нѣкогда ждалъ, милосердый, могутъ ли быть мученья мучительнѣе, прекраснѣй... И будетъ послѣднее чудо для міра—Чудо Любви. Совершеннѣе чѣмъ прощенье, болѣе святое, чѣмъ забвеніе,—*цѣленье прошлаго*, новый невообразимый Подвигъ и Жертва Истины и Любви Бога. Утолится всякое страданіе среди благостной тишины вѣчности, и всякое бывшее грѣшное, злое, чувственное оскверненіе души омоется въ небесныхъ слезахъ. Здѣсь только *человѣчески*—прекрасное и благое, тамъ все *божественно*—прекрасно, все безпредѣльно-священно, и вѣчная Истина—Жизнь вѣчно льется въ потокъ святыхъ и истинъ.

Когда-то горячія надежды на науку и критическую мысль, обѣщавшія открыть тайны мірозданія, давно рушились; кто ищетъ дѣйствительно-культурнаго міросозерцанія, не долженъ игнорировать исторію религіозной философіи, съ ея неисчерпаемымъ родникомъ мудрости. Правда, еще довольно сильна вѣра въ возможность «безрелигіознаго міросозерцанія», но чѣмъ полнѣе она охватила-бы культурный міръ, тѣмъ скорѣе-бы разгорѣлась мучи-

тельная жажда потеряннаго. Съ такой любовью и мукой добытыя истины не умрутъ. Пусть время одѣнетъ ихъ въ новыя формы, но Богъ и безсмертіе будутъ какъ прежде ихъ вѣчной душой. Центромъ религіи вѣчно будетъ все то же прежнее *богосознаніе*, которое жило даже среди религіознаго матеріализма, не погибая въ своей высшей идеальности. У каждаго изъ насъ *своя исторія обращенія къ Богу*, личное священное событіе въ каждой жизни, нерѣдко въ мукахъ исканія, когда человѣкъ безсильно томится, ища прикосновенія *руки Божьей* къ своему сердцу. Вѣра, утѣшая страдальцевъ, недужныхъ, бесплодно ожидающихъ въ мірѣ участія и правды, приноситъ свои радости и тѣмъ, кого не коснулось несчастье. Прекраснѣе жизни въ вѣрѣ только смерть въ Богѣ. «Пѣснь родилась изъ Страданія», говорили древніе. Въ любви и высокихъ страданьяхъ душа прозрѣваетъ *мистическій идеаль*: *Жизнь - Страданье - Любовь...* Красота и святость, вѣчность и вѣра, когда-то отвергнутыя Гегелемъ въ качествѣ философскихъ началъ, становятся именно душой высшей философіи. Все, что передумано, выстрадано человѣчествомъ въ тяжелыхъ вѣкахъ искупленія своей свободы, разума и безсмертія, не умереть, хотя и можетъ временами «почивать во гробѣ», пока не «услышать зова», не отопруть сердца, не призвать къ себѣ. Мы смотримъ изъ времени и міра къ Духу и Вѣчности, вѣра отъ Духа и Вѣчности— на міръ и время. Не отвлеченная, холдная, вымученная религіозность, но полная, глубокая религія даетъ свои отвѣты и тѣмъ, кто возлюбилъ запредѣльную жизнь и жаждетъ только ея, весь устремясь вслѣдъ видѣніямъ Божьимъ, и тѣмъ, кто вѣруеть въ эту земную жизнь, безгрѣшно откликается на ея

зовы, и въ ней признавая порожденіе Божества. Полная религія универсальна и вседуховна, сочетая античную, духовную красоту съ религіознымъ идеаломъ небесной и въ высшей гармоніи сливаясь съ святыми идеалами человѣчества, хотя бы и созданными внѣ культа, ибо все, что ведетъ къ высшей, свободной и прекрасной душѣ, само по себѣ глубоко религіозно. Вѣра охватываетъ всю жизнь, отъ вершинъ идеальнаго созерцанія до безгрѣшныхъ, но чисто-земныхъ радостей, отъ монастырскаго убѣжища отвергшихъ жизнь до счастливаго пріюта весеннихъ чувствъ любви и счастья, отъ божественной идилліи евангельскихъ долинъ до строгихъ чертъ византійскаго лика,—всюду гдѣ чистое сердце, жажда идеала, гдѣ живетъ красота, тамъ вѣчно-религіозный образъ *нетлѣннаго человѣка*. Каждый чистый путь можетъ стать путемъ Господнимъ. Всѣ люди съ *вѣчной душой*, чистотою и благородствомъ своей жизни и мысли работающіе дѣлу вѣчныхъ идеаловъ, служатъ Божественному спасенію человѣчества. Невидимая божественность проходитъ незримиыми стезями. Ницше, изъ всѣхъ религій почему-то критиковавшій только христіанство, не взглянулъ, какая *безконечная идея* жила и дѣйствовала въ немъ, несмотря на всѣ людскіе недостатки, хотя бы въ исторіи католической церкви. Люди только проносили *божественный духъ* великой идеи, но не творили, не развивали ее. Міровое движеніе христіанства развивалось изъ безконечности своей внутренней силы, увлекшей всю сущую красоту, святость и величіе человѣка подъ Знаменіе Креста, подъ свѣтъ безпредѣльной чистоты и любви *Бога Человѣчества*.

По поводу поисковъ «новой религіи», среди которыхъ выдѣляется два теченія: «большее одухотво-

реніе», вѣрнѣе упрощеніе, и философскій синтезъ историческихъ религій, нужно замѣтить, что каждая религія — живое созданіе, растетъ въ нѣдрахъ народнаго генія и не создается искусственно, какъ нельзя «создать» новыхъ идей и чувствъ. Большая отвлеченность религіи не показатель ея идеальности, скорѣе признаковъ безжизненности. Отрицая личное божество, многіе думали возвысить идею Бога, забывая, что чѣмъ идеальнѣе духовность, тѣмъ ярче личность. Обряды также необходимы религіи, какъ и философія, но конечно, высшая одухотворенность вѣры возвышаетъ и культъ къ идеалу Земныхъ Таинствъ, объятыхъ небомъ и Богомъ. Священная поэзія Храма, Слова и Пѣсни, цѣлое море религіозныхъ чувствъ и идей, создали новый святой міръ въ нашемъ мірѣ, видимое царство Небесной Красоты. Вѣра, выходя изъ храма въ жизнь, дѣлаетъ религіей и самую жизнь, и въ людскія отношенія, въ которыхъ всегда такъ легко завязывается грѣхъ и зло, вноситъ святыя мотивы, духъ небесной тишины. Всюду проникая святымъ вліяніемъ, силою *освященной воли*, вѣра утѣшенія становится религіей творчества. На ряду съ обрядами не умереть и аскетизмъ. Истязанія, всякаго рода сладострастныя терзанія плоти—крайности экстаическихъ страстей; истинный же аскетизмъ всѣхъ религій направленъ не на умерщвленіе плоти, но *исправленіе духа*: «обузданіе воли и чувствъ», борьба съ сладострастными грѣшными «желаніями». Грѣхъ, который герои сильнаго аскетизма съ эпикурейской душой безпричинно называютъ «животностью» и возлагаютъ на неповинную плоть, зарождается въ духѣ. Чувственность—*порокъ души*, извращающій и унижающій природу, настолько чистую въ своей сущ-

ности, что именно въ ея образы и подобія облакаются образы идеальнаго міра, а «побѣжденная» плоть мститъ за себя глубокими, страстными чарами. Природа, въ глубинѣ *мистическаго рождества въ творчество Бога*—прекрасная *Дочь Божья*. Красавица-Вселенная, живой храмъ своего Отца-Бога, хранитъ и *вырождаетъ* въ видимой красотѣ величіе Духа. Цѣль религіи—идеальное сочетаніе чистаго духа и чистой природы. Духъ своимъ вѣчнымъ содержаніемъ заливаетъ временное и смертное, выноситъ жизнь въ Явленіе Красоты, природа становится *чудно-духовной*: тѣлесная жизнь облакается во всю красоту духа и сама возноситъ въ духъ свою красоту.

Вѣра, освѣщая земной путь *свѣтомъ вѣчности*, ищетъ не пассивнаго богочитанія, но теплаго *богослуженія*. Всѣ религіи требовали въ той или иной формѣ, отъ своихъ «вѣрныхъ» быть въ мірѣ «воинами Бога», исцѣлять Божьимъ утѣшеніемъ тѣхъ, кто сокрушенъ сердцемъ, освобождать плѣненныхъ землею стихіей для Бога и вѣчности, примирять въ Богѣ, кто падаетъ подъ непосильной долей, окружать ангельской лаской, уходомъ за больною душой, кто убитъ горемъ, бѣдностью, несчастьемъ, создавать такой вездѣсущій *духъ любви*, который дѣлаетъ почти неощутимыми, незамѣтными матеріальные недостатки, всякую бѣдственность. Душа, зажженная божественной любовью, летитъ къ людямъ-братьямъ вѣстникомъ Бога. Человѣкъ *расширяется* въ любви. Каждая душа—центръ живыхъ силъ, и, излучаясь въ мірѣ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, становится то *зломъ*, то *добромъ* въ земной жизни. Реальное *созданіе зла и добра* въ мірѣ—вотъ сила, адъ и рай человѣка. Жизнь—свобода и развитіе среди безконечно-возможныхъ контрастовъ: дѣйствительному Божеству,

правдѣ, чистой радости соотвѣтствуетъ *возможность* безконечнаго зла и страданія, свѣтъ, безконечно слабѣя, кончается тьмой, жизнь смертью. Среди контрастирующихъ возможностей душа *создаетъ себя* въ тотъ или иной образъ, нереальную идею зла дѣлая реальностью, возможность явленіемъ, несуществующее жизнью. Дѣйствуя въ *идеѣ добра или зла, создаетъ* и добро и зло; воплощаясь въ высшія идеи, реально творить въ мірѣ небывало великое, чудно-небесное. Вотъ почему такъ цѣнна земная жизнь: уже никогда, въ иномъ мірѣ, у насъ не будетъ такой *свободы и творчества*, какъ здѣсь, въ этихъ скудныхъ условіяхъ. Душа, въ своей *истинѣ въ Бога*, живая красота, безконечно-глубокій лиризмъ бытія, пѣснь отъ сердца вселенной. Любовь отдаетъ душу міру, отдаетъ міръ душѣ, согрѣваетъ людскія связи святой теплотой. Во взаимномъ проникновеніи душъ, среди осязаемой ласки, нельзя каждому не стать лучше, не успокоиться, не такъ легко быть злымъ, быть врагомъ людямъ. Не вздохами жалкаго раба, не менѣе жалкою рабскою злобой отвѣтитъ человѣкъ вѣры неправдѣ и злобѣ міра, но съ гордымъ и спокойнымъ, *святымъ презрѣніемъ* къ злу создастъ въ себѣ и вокругъ себя свое, человѣчески-прекрасное, свободное, *духовное счастье*, счастливое не наслажденіемъ, но правдой, величіемъ, небесною глубиною души. Земной мірѣ полонъ зла, но въ немъ же много живого, теплаго добра; все дурное рѣзко картинно, легко замѣтно, доброе и святое глубоко скрыто въ душахъ, составляетъ прекрасную тайну сердца, которая свѣтится только межъ душою и Богомъ; при ласковости нашей мысли сколько благороднаго, милаго будетъ смотрѣть на насъ изъ миллионныхъ очей. *Вызвать къ жизни, облечь въ живую силу мно-*

гое добро въ міръ и людяхъ,—вотъ святой удѣлъ вѣры. Правда, красота, благо—самая глубокая сущность нашей души, обращенная къ своей родной небесной и вѣчной стихіи, но вѣра склоняетъ ихъ къ землѣ, какъ *живыя силы безсмертья*, сковывающія силы смерти и зла. Если, какъ говорятъ философы, красота—духовная сторона матеріи, то добро и правда—земная, матеріальная силы духа. Міръ не—свершился, свитокъ его Дѣяній не заключенъ, мірозданіе—*продолжается*, и человѣчество вмѣщаетъ безконечность возможностей—и къ паденію и къ возвышенію людского міра. Совершенное человѣчество, новый земной рай въ концѣ исторіи—только мечты; удѣлъ дѣйствительности—немногія обители святыхъ и небо въ душѣ. Прогрессируетъ человѣчество, но человѣкъ не измѣненъ. Силы зла не слабѣютъ, а «чистый свѣтъ божественности, по слову Гете, слишкомъ чистъ и ярокъ, для бѣдныхъ слабыхъ людей онъ непомѣренъ и непереносимъ». Полноту Небеснаго не вмѣститъ и вся безконечность земли и исторіи. Вѣра приноситъ божественное утѣшеніе и надежду, примиреніе съ жизнью, прощеніе, и въ чувствѣ *истинной жизни* угащаетъ и страхъ и жажду смерти. Какая-то странная, тайная надежда на смерть—избавительницу, тоскующее тяготѣніе къ ней, какъ искушающей шопоть, тутъ и тамъ слышится въ исторіи мысли. Какъ будто люди жадно всматриваются въ этотъ темный образъ и начинаютъ что-то угадывать въ немъ, любить холодное утѣшеніе въ загадочной красотѣ мертвеннаго лика. Вѣра, отгоняя смертную тоску отъ истомленнаго сердца, навѣвая небесный покой, возвращаетъ Богу и жизни дорогое человѣческое существо. Много зловѣщихъ тайныхъ движеній, готовыхъ прорваться взрывами низкихъ

страстей и преступлений, зрѣеть въ темной людской природѣ, но взоръ любви, проникая души, видитъ, какъ много прекраснаго, неожиданно-величаваго хранится въ ихъ тишинѣ, сколько въ нихъ нетронутыхъ струнь, которыя подъ серафимскимъ прикосновеніемъ любви зазвучать чудно и нѣжно.

Создавая сердце любви, вѣра создаетъ и *мысль любви*. Озирая всѣ пройденные челоѳчествомъ, и великіе и малые пути вѣры, чуткая, *чувствующая чужую душу*, мысль любви выдѣляетъ изъ всего временнаго *вѣчно-цѣнное, неизмѣнно-истинное*. Какъ бы далеко ни ушло челоѳчество въ умственной эволюціи, оно никогда не превзойдетъ въ философскомъ созерцаніи тѣхъ высотъ, на которыхъ пребывала его высшая мудрость—въ *мудрости вѣры*, молясь познаніемъ и духомъ Вѣчной Правдѣ, даже въ несовершенныхъ образахъ и символахъ поклоняясь Сущему Истинному, чья божественность священнѣе духа и плоти, чей Свѣтъ прекраснѣе, чѣмъ вся безконечность любви, красоты и правды въ идеалахъ нашихъ земныхъ упованій. Великіе «старцы съ Востока», въ бѣлыхъ одеждахъ, съ голубинымъ сердцемъ, преклонились предъ Престоломъ Царя Истинъ, со всѣхъ концовъ земли несутся теплыя молитвы Всемирному Богу. Умѣя сердцемъ къ сердцу понимать чужую жизнь, мы также ласково и задушевно поймемъ чужую вѣру, и священное въ ней увидимъ въ его чистомъ и вѣчномъ значеніи. За нами необозримое наслѣдіе тысячелѣтнихъ вѣрованій и святыхъ опытовъ сердца, вознесшихъ земную любовь и правду предъ Любовью и Правдой небесъ, отъ земли и людского сердца воспѣвшихъ чудную пѣснь своему Божеству. Когда философія станетъ возвышенной молитвою духа, мистеріей святого позна-

нія, литургіей мысли, прочитаются надъ альфами мірозданія, которыя вѣкъ за вѣкомъ раскрывались въ судьбѣ и исторіи человѣчества, чудныя Омеги, хранимыя въ Божьемъ Сердцѣ для своихъ возлюбленныхъ народовъ. Богоносной мысли, связанной высшей любовью съ божественной философіей, предстоитъ прекрасный путь въ области всемірнаго движенія къ *соединенію чловѣчества въ Бога*. Русская мысль, глубоко-всемірная, какъ всеміренъ идеаль нашей души, отозвавшейся на все *идеально-человѣческое*, стремится къ художественной законченности вселенской мысли и въ своей тихой философіи Блаженствъ и Страданій къ явленію всей святой правды чловѣчества, достойнаго своего безсмертія за всѣ великія муки любви и исканія Бога.